

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-TOPIA

Открыто: 2007.05.11 15:54
Закрито: 2007.05.12 03:55
Версия: 2018.07.27 23:47

ISBN 9984-9395-5-3

Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN 9984-688-32-1

Наталья Гудермане.

«Развитие утопической идеи»

© Наталья Гудермане, 2001

Наталья Гудермане

Наталья Гудермане

РАЗВИТИЕ УТОПИЧЕСКОЙ ИДЕИ

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Гудермане Н. Развитие утопической идеи на примерах из английской литературы.
Издательство NATALIE, Югла 2000.

Gudermane N.
Evolution of the Utopian Idea
for instance British Classics
Publishing House NATALIE. Jugla 2000
(in Russian)

Редактор: Галина Сухова
Макет: Валдис Эгле
Компьютерный идентификатор книги: TOPIA
Пункты и ссылки: программная система TECUS
Гарнитура (фонт): Egle Gum Normal
В книге сохранены авторские орфография и пунктуация

Настоящее препринтовское издание представляет собой черновой набросок дипломной работы студентки факультета иностранных языков Латвийского Университета Натальи Гудермане.

Предисловие автора

Настоящая книга представляет собой черновой набросок моей дипломной работы по английской литературе при окончании Факультета иностранных языков Латвийского Университета. Разумеется, как всякий черновой набросок (*Work Draft*), эта вещь несовершенна, и я намерена значительно улучшить ее в окончательном (английском) варианте моего *Graduation Paper*, а также в моей докторской диссертации для Оксфордского университета.

Однако мои многочисленные читатели, почитатели и поклонники настоятельно просили меня опубликовать по-русски мою работу уже в настоящей ее стадии готовности, и я не могла им в этом отказать. Так появилось на свет это издание.

Люди несовершенны – эта идея проходит лейтмотивом всей моей работы –, и мои университетские преподаватели не исключение. Они неоправданно снизили мне оценку (с 10 на 9) за первые две главы моего сочинения, поданные в качестве курсовых работ. Они и в дальнейшем могут поступать столь же несправедливо, или даже не поверить, что это действительно мое собственное сочинение.

Ну и пусть! Я уже осенью 1998 года, приступая к своей работе, говорила, что меня не интересуют оценки – лишь бы сдать Диплом. И разве за эту работу нельзя поставить хоть какую-то удовлетворительную оценку?

Я – скромная студентка, и всего лишь учусь: ведь в этом же сущность студенчества. И кто определил, у кого можно учиться и у кого нельзя? Разве нельзя учиться у умных людей и надо обязательно учиться у дураков? Вот, я и училась, – и научилась.

Что же касается остального – если еще чего-то недостает для несомненного моего авторства, помимо выбора учителей –, то тут, видимо, просто сказываются мои определенные способности, – ведь попадают же среди людей иногда гении?

Я поклонница сатирического гения Свифта – тут уж ничего не поделаешь, и с этим приходится мириться. В своей работе я это, надеюсь, показала достаточно ясно.

Я выражаю благодарность всем, кто мне помогали в моем трудном деле, и в первую очередь своей маме Галине Васильевне Суховой, без которой, разумеется, не было бы ни меня, ни моей скромной работы.

Наталья Гудермане

25 августа 2000 года

Я, мой отчим и мама

Развитие утопической идеи

Введение. Светлая мечта человечества

1998.11.26 11:29 четверг

.1. В этом небольшом исследовании под названием «Развитие утопической идеи на примерах из английской литературы» мы поставили перед собой цель попытаться осмыслить, насколько это здесь возможно, идею о справедливом и гармоничном обществе.

.2. Среди людей, населявших поверхность этой затерянной в просторах Вселенной планеты, всегда были такие, кто руководствовался в своей деятельности одними лишь эгоистическими соображениями: «как МНЕ устроиться получше в этом мире?». Но всегда были и люди, которые думали о том, «как нам устроить этот мир получше для ВСЕХ?».

.3. Вряд ли найдется в истории человеческой культуры много идей, имеющих ТАКОЙ масштаб и такое значение, как эта идея о справедливом обществе. Бесчисленные философы, писатели, мыслители, ученые думали и писали об этом. Ради этого создавались волнующие произведения искусства и хитроумные теории развития общества, совершались революции и проливалась кровь миллионов людей. Не удивительно, что этот вопрос не оставляет равнодушными и нас.

.4. Вряд ли найдется в человеческой культуре второй народ, в литературе которого идея о справедливом обществе была бы отражена в ТАКОМ многообразии всевозможных ее оттенков и представлена произведениями ТАКОГО масштаба и всемирной известности, как это мы можем наблюдать в литературе английской.

.5. Не имея возможности охватить в этом сочинении идею идеального общества во всей ее целостности и все, что с ней связано, не имея возможности проследить ее хотя бы только в английской литературе в целом, мы ограничимся здесь посильным анализом отображения этой идеи только в четырех классических произведениях английской литературы, каждое из которых, как сверкающий алмаз в своих гранях, с волнующим блеском совершенства отражает различные стороны интересующей нас проблемы.

.6. Как вершины самых высоких гор, эти четыре произведения классиков намечают общее направление, в котором пролегает весь хребет, и, используя их как ориентиры, мы потом попытаемся кое-что сказать и обо всей проблеме в целом.

.7. Четыре классических произведения, которых мы намерены коснуться в четырех последующих главах, таковы:

.8. – «Золотая книга...» Томаса Мора;

.9. – «Путешествия бывшего хирурга...», написанные Джонатаном Свифтом, и в особенности четвертое, последнее путешествие Гулливера;

.10. – «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» Джорджа Оруэлла; и

.11. – «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли.

.12. В настоящей работе высказаны некоторые довольно смелые и оригинальные идеи, не встречающиеся в доступных автору публикациях. Автор считает необходимым специально отметить, что эти идеи в основном принадлежат латышскому философу и писателю Валдису Эгле, который является другом семьи автора, университетским товарищем ее матери. Беседы с ним и изучение его (неопубликованных) сочинений в значительной степени помогли при разработке идей и концепций настоящего сочинения.

Глава 1. Утопия Томаса Мора

§1. Время Мора

1998.12.01 16:07 вторник
(через 5 дней, 4 часов, 38 минут)

.13. Свою интересующую нас здесь «Весьма полезную, а также занимательную, поистине золотую книжечку о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» Томас Мор писал в 1515–1516 годах. Посмотрим, как выглядел известный ему мир в это время.

.14. Прошло всего 23 года с момента, когда Колумб открыл Америку, сам не зная о том, что это новый континент и до последних своих дней упорствуя в том, что это была всего лишь Индия. Прошли всего 8 лет, как в Европе появились изданными письма флорентийца Америго Веспуччи [58]¹, который утверждал, что к югу от колумбовской «Индии» находится громадный континент – и Европа, вслед за Вальдземюллером [56], стала называть этот континент Америкой, ничуть не пытаясь этим умалить заслуги Колумба, который ведь доплыл только до Индии на севере. Прошли всего 4 года, как появилась первая книжка о новых землях – «О новом свете» Петра Мартира [66] – с нее и пошло деление на Старый и Новый свет.

.15. В такой атмосфере, взбудораженной известиями о только что открытых новых землях, за которыми несомненно простираются множество еще неоткрытых, Томасу Мору было легко дать своему сочинению название «...О новом острове Утопия». Никто и в самом деле еще не знал, что находится дальше за Бразилией, берега которой объездил Америго Веспуччи; многие поверили в действительное существование этой земли Мора и прикладывали даже усилия по снаряжению туда экспедиции.

.16. Пока отважные моряки пробивались все дальше и дальше к новым островам и континентам, в старой Европе свою вершину достигало последнее ответвление античной культуры, вошедшее в историю под названием «гуманизма». Когда-то, более тысячи лет назад, когда Рим и потом победившие его варварские страны приняли христианство, они отреклись от античной культуры как от языческой и как от учений врагов, еще недавно преследовавших христиан. Наступило средневековье. Потом, спустя шесть или семь столетий, во время Крестовых походов и испанской Реконксты, христиане от арабов как будто заново узнали о

¹ В.Э.: Отмеченные номерами в квадратных скобках литературные источники см. в Списке литературы в конце книги.

существовавшей когда-то удивительно богатой античной культуре и начали ее познавать. Фома Аквинский ввел Аристотеля и Платона в учение Церкви, их сочинения стали зубрить во всех школах, и родилась схоластика. Все более глубокое познание античного искусства превратилось в Ренессанс, а все более глубокое изучение античных текстов – в гуманизм.

.17. Мор тоже примкнул и принадлежал к гуманистам. Это было, как теперь сказали бы, интернациональное братство высокообразованных людей, очень хорошо знавших и высоко ценивших все дошедшее до них античное литературное наследие. Между собой они общались на латинском языке, хотя знание греческого тоже было обязательным. Они изучали, комментировали и издавали античные тексты, переводили с греческого на латинский и с обоих античных языков на национальные языки. Их собственные сочинения тоже были насыщены ссылками и намеками на античную литературу. Их деятельность была высшей точкой античного влияния в европейской культуре.

.18. На следующий год после первого издания моровской «Утопии» – 31 октября 1517 года – доктор богословия Виттенбергского университета и августинский монах Мартин Лютер прибил свои 95 тезисов к двери церкви Виттенбергского замка, и началась Реформация. С этого момента роль античности в европейской культуре стала уменьшаться: наступила эпоха возвышения национальных культур, языков и литератур.

.19. Гуманисты в значительной степени сами идеологически и подготовили Реформацию: как своим почитанием языческой, дохристианской культуры, так и своими комментариями, в которых научный подход главенствовал над верой, своими переводами Библии и других священных текстов, вскрывшими в них многочисленные противоречия и ошибки, своей критикой деятельности священников и монахов, и своей общей ориентацией не на загробную, а на земную жизнь человека с ее нуждами и интересами. Но сами гуманисты не примкнули к Реформации, а остались верными ортодоксальной католической церкви, считая, что ее надо только улучшать, а не разрушать.

.20. Такая позиция гуманистов объясняется, видимо, в первую очередь тем, что первоначально Реформация была довольно стихийным и во многих случаях кровавым бунтом низкообразованных слоев населения – крестьян и ремесленников – против официальной церкви и связанной с нею высокообразованной элиты. Когда же к Реформации присоединились князья и даже короли, их деятельность носила открыто грабительский характер и сводилась в первую очередь к секуляризации земель и другого имущества Церкви и монастырей. Все это не могло быть по душе гуманистам.

.21. В таких условиях Томас Мор прожил свою жизнь и разделил все установки того общества гуманистов, к которому принадлежал.

§2. Житие Томаса Мора

.22. Томас Мор родился во время войны Алой и Белой розы. В этой войне старое английское дворянство покончило с собой. Потомки норманнов, пришедших на остров вместе с Вильгельмом Завоевателем, потомки старых англосаксонских феодалов, потомки еще более старых рыцарей Круглого Стола короля бриттов Артура – потомки Ланселота и Айвенго – почти полностью уничтожили друг друга в беспощадной взаимной борьбе, шедшей на истребление по принципу кровной мести. В результате могло возвыситься новое дворянство – люди, получившие титулы недавно, подобно отцу Томаса Мора и ему самому.

.23. Сведения о дате рождения Томаса Мора основываются на сохранившейся торжественной записи его отца на латинском языке: *«В семнадцатый год правления Эдуарда IV, в первую пятницу после праздника Очищения пресвятой девы Марии, в 7-й день февраля, между двумя и тремя часами утра, родился Томас Мор, сын Джона Мора, джентльмена»*. Здесь неясно, что отец считал 17-м годом правления Эдуарда: или первый год его правления начинался 4 марта 1461 г. и тогда Томас родился в 1478 году, или первым годом короля Эдуарда отец считал весь 1461-й «Anno Domini», и тогда его сын родился в 1477 году. Энциклопедии принимают теперь за достоверный первый вариант, и мы в этом последуем за ними.

.24. Томас был первым сыном Джона; счастливому отцу было 28 лет, и он уже три года как состоял в судебной корпорации Линкольнсинна, хотя сам был старшим сыном булочника. Женат он был на дочери олдермена – старосты одной из лондонских общин. Через 25 лет его тесть станет шерифом Лондона.

.25. Пока Томас рос, его отец стал одним из самых знаменитых королевских судей и получил дворянское звание. При таких обстоятельствах отец смог дать Томасу блестящее образование: сначала два года в Оксфордском университете, потом юридическая школа в Лондоне, и в итоге – адвокат и член парламента в 26 лет.

.26. Но в парламенте он резко выступил против введения новых налогов, и под угрозой репрессий короля Генриха VII ему пришлось это учреждение покинуть, возвращаясь к судебной деятельности, параллельно с которой он занимался литературой в кружке своих оксфордских друзей-гуманистов, среди которых постепенно на первое место выдвинулся Эразм Роттердамский (он был старше Мора на 9 лет и одно время преподавал в Оксфорде греческий язык).

.27. В 1506 году (в 28 лет) в Париже вышли переведенные Мором с греческого на латинский произведения Лукиана [64]. Он переводил также с латинского на английский. В 1510 г. после смерти старого короля новый его наследник – 19-летний Генрих VIII – назначил Мора помощником шерифа Лондона.

.28. В мае 1515 года 37-летний Мор был включен в состав королевского посольства во Фландрию. Там он познакомился с Петром Эгидием, членом ратуши города Антверпена и ее секретарем. Эгидием его звали гуманисты по-латински; настоящая его фамилия была Гиллес (Gilles). Он был на 8 лет моложе Мора и до этого был хорошо знаком с Эразмом, так как прежде работал корректором при издании книг гуманистов. Эгидий стал (если не считать вымышленного Гитлодея) главным героем моровской «Утопии».

.29. Там, в Голландии («на досуге» по словам Эразма) Мор написал сначала вторую книгу «Утопии», а вернувшись домой, присоединил к ней первую и 3 сентября 1516 года отправил рукопись в Лувен Эразму с просьбой издать. Книга вышла впервые той же осенью, а потом скоро последовали еще несколько изданий в разных местах Европы.

.30. Выход в свет «Утопии» сильно повлиял на карьеру Мора: молодой король стал его приближать к себе. В 1518 г. Мора ввели в Королевский Совет, в 1525 назначили канцлером герцогства Ланкастерского, а в 1529 г. – канцлером Англии, то есть вторым лицом в государстве после короля. Тогда же ему было присвоено звание рыцаря (Knight), и отныне к его имени прибавлялось слово «сэр».

.31. Но эта карьера оказалась роковой для гуманиста. Он не подчинялся слепо королю, и его восхождение еще до своего пика много раз включала колебания властей между милостью и гневом. Так, еще до того, как Мор стал канцлером, ему была предложена должность посла в Испании, что фактически означало почетную ссылку. Но Мор отказался под предлогом «расстроенного здоровья».

.32. Роковые события развернулись вокруг желания Генриха VIII развестись с Екатериной Арагонской и жениться на Анне Болейн. Екатерина была первоначально женой Артура – старшего брата Генриха. Их обручение королевский отец организовал, когда Артуру было 6 лет, чтобы закрепить англо-испанский договор. В 11 лет их поженили, а через год престолонаследник Артур умер. Тогда на Екатерине женили второго малолетнего сына – будущего Генриха VIII.

.33. Теперь же Англия и Испания стали главными соперницами; по государственным соображениям брак с Екатериной уже был не нужен, а что касается личных чувств Генриха, то ему всегда был противен этот брак с этой старой женщиной, и он воспылил любовью к одной из ее кокетливых придворных дам. Генрих потребовал разрешения на развод у папы Климента VII, и тот был бы рад дать это разрешение, но разводу категорически воспротивился Карл V, племянник Екатерины, объединивший под своей властью Испанию, Нидерланды и Германскую империю и ставший к этому моменту самым могущественным монархом Европы.

.34. Так что в сущности конфликт был между этими двумя монархами и их государствами, а вопрос стоял так: на чьей стороне окажется Папа римский, кто будет его фактически держать под своим контролем? Так как, несмотря на все усилия Генриха, Папа остался под контролем Карла, то Генрих решил отделиться от папства и начать английскую реформацию (которая в Англии была еще более откровенным грабежом, чем на континенте: в ритуалах и догматике церкви не изменилось вообще ничего, а реформация состояла просто в отнятии всех владений церкви и подчинении клира королю).

.35. Мор не мог признать права одного отдельного монарха ставить себя над Церковью, и он подал в отставку в 1532 году, когда все эти события еще только назревали. За отставку у него было конфисковано все имущество, и последние годы он прожил в бедности. В следующем, 1533 году 42-летний король женился на 26-летней Анне Болейн, еще через год, в 1534 объявил об

отделении церкви Англии от папства, был парламентом провозглашен главой англиканской церкви и потребовал от всех – в том числе от Томаса Мора – присяги на верность. Мор отказался присягнуть и был брошен в Тауэр, а в следующем году – 6 июля 1535 г. – там же, в крепости казнен. В 1536 году Генрих VIII начал секуляризацию церковных земель, а 19 мая того же года казнил свою новую жену, 29-летнюю Анну, обвинив ее в супружеской измене.

.36. При Тюдорах имя Мора полагалось произносить с презрением, но когда в Англии началась контрреформация, королева Мария приказала собрать и издать все написанное Мором по-английски; тогда же вышла первая его биография, написанная Рупером, зятем Мора, мужем его старшей дочери Маргариты – к тому времени уже покойной. Мор стал рассматриваться как мученик за католическую веру, и этот начатый королевой Марией путь завершили папы римские, в 1886 году причислив его к лику блаженных, а в 1935 году окончательно канонизировав, то есть, сделав его святым Томасом.

.37. Социалисты же видели в нем основателя «утопического социализма»; его «Золотую книжку» использовал Карл Маркс при создании своего «Капитала» [65], Карл Каутский написал о нем книгу [60] как о «первом коммунисте»; с Томаса Мора начинались советские курсы «научного коммунизма» [90].

.38. Таким образом, здесь мы имеем дело с редкой ситуацией, когда два идеологических течения столь разных направлений почитают одного и того же человека. В нашем исследовании Томас Мор интересуется нас, конечно, со второй точки зрения.

§3. Краткая история Золотой книжки

.39. Первое издание «Утопии» вышло в Лувене осенью 1516 года [34]; скоро вслед за этим книга вышла в Париже [33], а в 1518 г. в Базеле (Basle) [32].² В базельском издании в ней появились «утопийский алфавит»³ и четверостишие «на утопийском языке», написанное «утопийскими буквами» с латинской транскрипцией сверху и латинским переводом снизу.⁴

.40. Собрания сочинений Мора на латинском языке стали выходить еще в том же столетии с 1563 года: [28], [29], [30]; издание 1689 года [31] включало биографию Мора, написанную Степлтоном, католическим священником.

.41. На английский язык «Утопия» была впервые переведена Рафом Робинсоном 15 лет после смерти Мора, вышла в 1551 году [25] и потом много раз переиздавалась. Следующий перевод осуществил Т.Ф. Дибдин и издал в 1808 г. [26]. В XIX веке «Утопия» издавалась в Англии еще три раза [21], [23], [24]. Изданий XX века очень много; в 1960-е годы Йельский университет в США предпринял академическое издание первого ПОЛНОГО и подробно комментированного собрания сочинений Томаса Мора.

.42. В латвийских библиотеках из латинских изданий «Утопии» доступно берлинское издание 1895 года [22]. Из английских – [17], [20], [27], [18] и др.

.43. На латышском языке Мор, видимо, не издавался ни разу (во всяком случае в библиотеках Риги следов таких изданий нет).

.44. На русском языке «Утопия» впервые вышла в 1789 г. [71] и потом та же книга вторым изданием в 1790. Это был перевод французской книги, которую Руссо перевел с английской, а та представляла собой перевод с латинского. Таким образом, это был тройной перевод. Потом «Утопия» по-русски не выходила 111 лет.

.45. Первый перевод прямо с латинского опубликовал Е.В. Тарле [67] в 1901 г.; потом А.Г. Генкель в 1903. Последний перевод издавался 4 раза до 1923 г. (в латвийских библиотеках есть три из этих изданий: [73], [74], [75]).

.46. Оба эти перевода подверглись критике как неточные, и в 1935 г. вышел академический перевод А.И. Малеина [72], который потом переиздавался три раза: в 1947 [68], 1953 [69] и 1971 годах (последний в «Библиотеке всемирной литературы»).

.47. Еще более совершенный перевод Ю.М. Кагана вышел в 1978 г. [76] с богатыми комментариями, опирающимися главным образом на первое научное издание полного собрания сочинений Томаса Мора, выпущенном Йельским университетом в США [19].

² В.Э.: Факсимил этого Базельского издания см. в {[X-UTOPI](#)}.

³ В.Э.: См. {[X-UTOPI.p13](#)}.

⁴ В.Э.: Там же.

.48. Помимо «Утопии», по-русски в 1973 г. выпущены и в латвийских библиотеках доступны эпиграммы Мора и «Ричард III» [70].

§4. Славный остров Утопия

.49. «Утопия» Мора состоит из двух частей и выглядит как открытая книжка: на одной странице (первая часть) находится критика современного Мору английского общества, а на противоположной странице (вторая часть) – описание идеального государства (причем, как мы знаем, сначала было создано второе, а потом только первое).

.50. Первой, критической части мы уделим мало внимания. Ясно, что английское общество того времени было жестоким и несправедливым. Особенно вопиющим было положение с т.н. «огораживанием»: так как производимая в Англии шерсть считалась в Европе самой качественной, то спрос на нее стал очень высоким, и, гонимые жаждой наживы, владельцы земли (лендлорды) старались производить ее как можно больше. Для этого им не хватало обычных пастбищ для овец, и они стали в массовом порядке прогонять с земли своих арендаторов (крестьян), а на прежде обрабатываемых ими землях устраивать пастбища для овец. Изгнанные со своих домов бывшие крестьяне не имели больше никаких средств существования и превращались в бродяг, которым не оставалось ничего другого, как воровать, чтобы не умереть с голоду. А за воровство суровые законы тогдашней Англии карали их виселицей.

.51. Все это ярко описано у Мора в первой части «Утопии». Выражение Мора «овцы пожирают людей» стало английской поговоркой. Карл Маркс использовал главным образом именно книгу Мора для описания этого явления в XXIV главе своего «Капитала» [65], рисуя жестокости начального этапа капиталистического способа производства. Эта моровская критика повлияла также и на короля Англии и правительство. После выхода книги Мора были приняты некоторые меры против лендлордов, а сам Мор, как мы помним, был приближен к королю и в конце концов стал вторым лицом в королевстве после монарха – до назревания конфликта и начала трагического пути на плаху.

.52. Но мы обратимся главным образом ко второй – положительной – части моровской книги, чтобы взвесить, что именно казалось ему идеальным (желательным) и почему так казалось, каковы по мнению Мора причины отсутствия этого желательного в реальном обществе и, далее, каким образом – опять же по мнению Мора – можно было бы достигнуть желаемой цели.

.53. Сюжет «Утопии» простой: Мор отправляется с королевской миссией в Голландию, там знакомится с Петром Эгидием; однажды он у церкви случайно встречает Эгидия; тот знакомит его с португальским путешественником Рафаэлем Гитлодеем; все они приходят к Мору домой, и Гитлодей начинает рассказывать сначала о своих критических воззрениях на европейское и особенно английское общество (первая часть), а потом, после обеда, по дополнительной просьбе Мора и Эгидия рассказывает специально об острове Утопии, который он якобы посетил после того, как во время четвертого путешествия Америго Веспуччи остался в Бразилии и отправился куда-то дальше странствовать, в конце концов (после Утопии) оказавшись на острове Цейлон (Тапробама по античному названию).

.54. Остров же Утопия, согласно рассказу Гитлодея, раньше был полуостровом, но после того, как основатель государства Утоп установил свою власть и порядки, он велел вырыть широкий пролив, чтобы отделиться от континента. Теперь остров имеет форму полумесяца, рога которого почти сходятся, оставляя узкий, легко и хорошо охраняемый проход во внутренние воды государства, образующие одну огромную и защищенную от бурь и врагов гавань.⁵ Внешние же берега скалисты и недоступны.

.55. Уже одно это краткое описание «истории» и «географии» воображаемого острова может много рассказать о тенденциях внутреннего мира автора. Почему Мор создал именно такой образ? Почему он не разместил идеальное государство где-то на континенте, не наделил его простором полей и лесов, обилием даров природы и широтой нечетких границ? Нет, он отгородился от всего мира неприступными скалами, да еще и выкопал целый пролив, чтобы разорвать все связи с миром, а внутри этого замкнутого круга поместил тихую и надежно защищенную идеальную гавань...

⁵ В.Э.: Так в тексте «Утопии»; но в «карте» острова в Базельском издании гравер это не отобразил; см. {[UTOP1.p12](#)}.

.56. Ясно, что такой идеал мог придумать только интроверт. И мы увидим в дальнейшем, что вообще все черты, которые он придал идеальному обществу, – это черты, ценимые именно глубокими интровертами, т.е. людьми, ориентированными на внутреннюю, духовную жизнь, а не на внешнюю деятельность и впечатления, в то время, как экстравертам эти же черты часто покажутся совсем непривлекательными.

.57. Первое, что мы узнаем об общественном устройстве утопийцев по ходу рассказа Гитлодея, это то, что сельскохозяйственная деятельность у них производится в основном горожанами, посылаемыми в деревню на два года. Каждый год половина из них отправляется обратно в город, и взамен прибывают новые люди. Если же кому-то «от природы нравится» сельская жизнь, то он может оставаться в деревне дольше или насовсем. Кроме того, на уборку урожая прибывают еще горожане дополнительно.

.58. С точки зрения современной узкой специализации производства такая система будет казаться неэффективной и даже напоминать недавнюю практику отправления горожан «в колхоз». Но описанное Мором положение несомненно отражает две вещи: во-первых, самому Морю не хотелось бы жить в деревне и быть оторванным от своих интеллектуальных занятий; но, во-вторых, он сознает, что кто-то ведь должен это делать, и поэтому сам готов время от времени жертвовать двумя годами своей жизни для исполнения такого общественного долга.

.59. Уже в конце первой части «Утопии» Гитлодей высказался вполне определенно, что по его мнению все беды общества происходят из-за наличия в государстве собственности и денег. Теперь мы по ходу рассказа узнаем, что собственность у утопийцев общая, и поэтому они своих домов не запирают; каждый может проникнуть в любой дом. Сами дома же разыгрываются по жребию на 10 лет. Главное достоинство каждого дома – сад.

.60. И опять мы здесь видим проекцию на порядки Утопии системы ценностей и морали самого Мора. Если дома не запираются, то Томас Мор все равно не будет без надобности проникать в чужие дома и, тем более, брать там какую-нибудь приглянувшуюся вещь. Однако, будут ли так поступать все, даже если в государстве (во всяком случае формально) нет собственности и денег?

.61. В Утопии в каждой сельскохозяйственной коммуне «не менее сорока мужчин и женщин»; в городе же в хозяйстве 10–16 взрослых человек; каждые 30 хозяйств избирают на год сифогранта (филарха); над десятью сифогрантами также на год избирается транибор (протофиларх); сифогрантов у города 200; они избирают правителя города (на всю жизнь, если только «не помешает этому подозрение в стремлении к тирании»); правитель называется барзаном (адемом).

.62. Отсюда можно вычислить, что в городе с пригородными хозяйствами около 80 000 взрослых человек (если помнить, что в деревне в основном находятся посланные на 2 года горожане). А всего в Утопии 54 города (столько, сколько было во время Мора в Англии). И общее количество населения Утопии может быть тогда оценено в 6–7 миллионов человек (вместе с детьми).

.63. В целом политическое устройство Утопии похоже на систему греческих полисов. Правители есть у каждого города, но нет у всей страны в целом. Общегосударственные вопросы решает сенат – парламент, в который каждый город посылает по 3 представителя.

.64. В Утопии работают 6 часов (законодательство тогдашней Англии устанавливало рабочий день с 5 утра до 7–8 часов вечера, т.е. 14–15 часов). Мор пространно доказывает, что, если в обществе работают все и нет праздных людей, то такого количества рабочих часов будет достаточно для обеспечения общества всем необходимым даже при тогдашней, как мы теперь сказали бы, производительности труда. Главная задача сифогрантов – следить, чтобы никто не «сидел в праздности», но и чтобы не работали «с утра до вечера».

.65. На сон отводятся 8 часов, а время, которое остается после работы, сна, еды и т.п., каждый может использовать как хочет, но не «в разгуле и беспечности»; большинство занимается науками. Занятия науками в основном сводятся к слушанию лекций в утренние часы. Однако некоторые, особенно способные люди, освобождаются от работы вообще и занимаются только науками. Из их среды в основном и выбираются должностные лица.

.66. И, разумеется, это на самом деле снова проекция на Утопию установок самого Мора. Лично он несомненно будет и работать в положенные часы, сколько сможет, без всякого надзора сифогрантов, и все свободное время посвящать наукам, а не проводить «в разгуле и беспечности». Но опять мы можем спросить: «А остальные?».

§5. Быт утопийцев

.67. Далее Гитлодей рассказывает, что в Утопии все носят почти одинаковую одежду, отличающуюся только для представителей разного пола и для состоящих в браке и не состоящих, а так она «по всему острову одного покроя»; в смысле цвета для тканей ценится только белизна, а для плащей – только чистота при естественном цвете шерсти. Это делается для того, чтобы незачем было иметь несколько плащей разного цвета и вообще много одежды. *«Прежде всего важна только одна цель – заканчивает Мор разговор об этом деле –: насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни»* ([76], с.190).

.68. Для Мора несомненно в этом заключается счастье жизни, – добавим мы. – Но для всех ли? Может быть, есть люди, для которых «счастье жизни» заключается именно в том, чтобы иметь много много яркой и разноцветной одежды?

.69. Отметим, однако, что простота одежды не носит у Мора характера запрета. У Кампанеллы, например, в «Городе Солнца» мы можем прочесть: *«Красота почитается у них (солжариев) в стройности, живости и бодрости. Поэтому они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой стала бы носить обувь на высоких каблуках»* ([102], с.55). У утопийцев Мора же смертной казни нет вообще ни за какое преступление, совершенное впервые, не говоря уже о высоких каблуках (только неисправимых преступников они «убивают, как свирепых зверей»); они даже выкупают смертников из соседних государств (и делают их у себя «приписанными»); в латинском оригинале *«ascriptios»*, что обычно переводят как «рабы»). А в отношении одежды утопийцы просто «не ценят» другую одежду: они все или почти все руководствуются системой ценностей самого Мора.

.70. Обедают утопийцы в дворцах сифогрантов по зову медной трубы все вместе (человек 300–400 взрослых, если помнить, что в одной сифогрантии 30 хозяйств по 10–16 человек). Но опять же: никому не запрещается самому брать с «рынка» продукты и обедать дома, если он хочет, но просто считается глупым тратить свое время на приготовление отдельного обеда, когда он уже приготовлен для всех.

.71. Чтобы отправиться в путешествие (по своей стране) утопиец должен получить разрешение у сифогранта. Сказано, что такое разрешение дается легко и, видимо, в основном оно предназначено для того, чтобы сифогрант и в его лице вся коммуна знала, где человек находится и когда он вернется – чтобы не беспокоились и не искали его. Запрет на путешествие, по-видимому, может быть наложен тогда, когда по каким-то причинам коммуна, город или вся страна в данный момент не может без данного человека обойтись. Эти установки опять отражают личную готовность Мора подчинить свои интересы общественным интересам в описанных случаях.

.72. В заграничные путешествия утопийцы отправляются, видимо, только по государственному поручению, ибо там требуются деньги. В собственной жизни утопийцы обходятся полностью без денег, но во внешней торговле деньги используются и государством накапливаются с той целью, если в случае какого-нибудь бедствия придется что-то закупать за границей или в случае войны вербовать заграничных наемников (утопийцы предпочитают воевать наемными войсками и не губить собственных граждан, хотя те и хорошие воины).

.73. А пока такой надобности нет, золото и серебро не хранится у них в запертых башнях, а используется для ночных горшков, для цепей преступников и т.п. Людям, совершившим преступления, в знак позора подвешиваются в ушах золотые серьги, надеваются на руки, шею, голову золотые кольца и т.д. Это делается для того, чтобы, если придется с золотом расстаться, все это делали скорее с облегчением, чем пытались сопротивляться. Эта моровская (скорее, конечно, ироническая, чем серьезная) установка в отношении золота была потом подхвачена многими социалистами и стала легендой. Ленин тоже писал, что после полной победы социализма *«мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира»* ([63], с.225).

.74. Жемчуг и драгоценные камни в Утопии носят только дети, а взрослая они это отбрасывают, подобно куклам. Когда (при Гитлодее) в Утопию прибывают послы из Анемолии, утопийцы, видя их разноцветную одежду, их украшения из золота, жемчуга и камней, пропускают их без внимания, полагая, что это шуты, а все почести оказывают их слугам. В этом мы видим ироническое, но и вызывающее противопоставление системы ценностей Мора и других гуманистов общепринятой человеческой системе ценностей.

.75. Во втором (парижском 1517 года) издании «Утопии» она впервые была снабжена маргиналиями – печатными примечаниями на полях – и было указано, что они написаны Эгидием. Современные комментаторы, однако, считают, что в написании маргиналий участвовал также и Эразм. В том месте, где Мор начинает издеваться над золотом, жемчугом и другими драгоценностями, эти маргиналии становятся особенно восторженными, таким образом ярко показывая мнение вообще всех гуманистов по этому вопросу.

.76. Рабы в Утопии есть, но их мало. Сказано, что в сельских хозяйствах на 40 взрослых работников имеются два прикрепленных раба. В городах рабы трудятся, например, мясниками (так как такая работа притупила бы чувства свободного утопийца). Наиболее презираемое занятие рабов – охота (что в Европе тогда было главным развлечением аристократов).

.77. В рабство утопийцы обращают, во-первых, взятых ими самими в бою военнопленных (но не покупают пленных у других народов), во-вторых, самих утопийцев, совершивших преступления (к этим отношение хуже, чем к остальным рабам, так как они получили хорошее воспитание, у них были все возможности к достойной жизни, но, тем не менее, они совершили преступления) и, в-третьих, выкупленных или полученных бесплатно смертников из соседних стран. Но рабами не считаются ни дети рабов, ни люди, содержащиеся в рабстве у соседних народов. Рабы утопийцев пребывают в цепях (как мы помним, в основном золотых) и постоянно находятся в работе.

.78. Это очерчивает воззрения Мора о том, как нужно поступать с негодной, преступной частью общества. Судя по многочисленным и разбросанным по разным местам «Утопии» словам Гитлодея, смертную казнь Мор не присуждает ни за какое, даже самое страшное, преступление, совершенное впервые. Виновному непременно дают возможность исправиться и надежду на помилование. И только если он эту возможность не желает использовать, тогда его – даже не наказывают смертной казнью –, а просто уничтожают.

.79. Однако Мор – защитник эвтаназии. У утопийцев, если человек неизлечимо болен, если *«недуг постоянно мучает и терзает больного»* и он *«в тягость другим, тяжел самому себе»*, то ему не только позволяется покончить с собой, но должностные лица и священники даже уговаривают его это сделать (либо голодом, либо приняв снотворное), и такая смерть считается почетной. Других самоубийц же *«не удостоивают ни земли, ни огня, но позорно выбрасывают в какое-нибудь болото без погребения»* ([76], с.231). Правда, оговаривается, что это в том случае, если священникам и сенату *«не будет доказана причина»* самоубийства. Видимо, речь идет о причине, которую они признают уважительной, потому что какая-то причина ведь будет в любом случае. Знание утопийца о том, как после его смерти поступят с его телом, очевидно, должно удержать его от необдуманного, поспешного решения по минутному капризу.

§6. Браки в Утопии

.80. В Утопии женщины выходят замуж не ранее 18 лет, а мужчины – с 22 лет. Добрачные связи тяжело наказываются, в том числе вообще запретом на брак. Виновных может помиловать только правитель. Такую строгость Мор объясняет тем, что если *«не удерживать людей от случайного сожительства, то в супружестве редко укореняется любовь, а ведь надобно будет всю жизнь провести с одним человеком»* ([76], с.232).

.81. Супружеская измена тоже карается очень тяжело. Потерпевшая сторона получает право на новый брак, а виновная сторона – *«все время влачит жизнь позорную, а также безбрачную»*. *«Осквернителей брака наказывают тяжелейшим рабством»*. Из этого рабства его может освободить только простивший супруг. *«Впрочем, вторичное преступление карается уже смертью»* – заканчивает Мор ([76], с.235).

.82. Мы видим, что в отношении прелюбодеяний Мор более строг, чем это для него обычно. Здесь уже действует система наказаний, а не просто утопийцы сами добровольно *«не ценят»* прелюбодеяния, как они отказывались от цветной одежды или соглашались на общие трапезы. И эта система наказаний неожиданно жестока: она включает даже смертную казнь за вторичную измену, хотя в первой части «Утопии» Мор целые страницы заполнил рассуждениями о том, что нет ничего ценнее человеческой жизни, что Бог запретил людям убивать друг друга и т.п. Как видим, когда дело касается сексуальных вопросов, Мор приходит в противоречие со своей общей установкой.

.83. Если мы продолжаем смотреть на «Утопию» как на отражение внутреннего мира самого Мора, то приходим к выводу, что лично он был готов отказаться (и отказывался) от

добрых половых связей и от супружеских измен, но требовал того же самого (и требовал очень категорически) также от своей супруги. Категоричность таких требований и особенно несоразмерная (по современным понятиям) жестокость наказаний свидетельствует, что этот вопрос был автору субъективно чрезвычайно важен, что его собственная жертва отказа внутренне воспринималась им как очень большая и, следовательно, предательство ее, преступление против нее – как очень тяжкое.

.84. В этой связи можно вспомнить факты из биографии Мора, сообщаемые Эразмом в письме Ульриху фон Гуттену, известному немецкому гуманисту. В молодости Мор внимательно изучал труды отцов церкви (особенно Августина); даже пожилые священники с интересом и уважением слушали его разъяснения. Мор собирался поступать в монастырь, но потом отказался от этой мысли по единственной причине: он не хотел жить без брака. Он женился на очень юной сельской девушке, которую сам, можно сказать, потом воспитал и просветил в гуманистическом духе. Родив четверых детей, она рано умерла, и тогда Мор через несколько месяцев женился на вдове, которая, как он по словам Эразма *«обычно шутил, не была ни красивой, ни молодой, но была деятельной и неутомимой матерью семейства»* ([76], с.326).

.85. Поскольку брак до такой степени священен и защищаем, то и заключать его нельзя легкомысленно и вслепую. Поэтому утопийцы *«сурово и строго соблюдают, как нам показалось, наинелепейший и весьма смешной обряд»*: женщину, будь то девица или вдова, *«показывают жениху голой, и какой-либо добропорядочный мужчина ставит в свой черед перед девушкой голого жениха»* ([76], с.232). Это делается для того, чтобы потом, после заключения брака, не обнаружился какой-нибудь непредвиденный физический изъян, делающий брак несчастным и толкающий людей к супружеской измене.

.86. Здесь Мор следует Платону, но не его «Государству» [84], где моногамной семьи вообще не было и *«у друзей все общее»*, а более поздней его книге «Законы» [85]. Аналогичное требование предварительного ознакомления с будущим супругом в обнаженном виде, тоже восходящее к Платону, выставляет и Кампанелла в «Городе Солнца» [102], хотя «Утопию» Мора он, видимо, не читал.

.87. Биограф Каутский, правда, услышал здесь «скрытый вздох» самого Мора о своей судьбе, и намекает, что Мор не женился бы на своей второй жене, если бы у него была описанная в «Утопии» возможность предварительного знакомства.

.88. Если же уродство супруги или супруга появляется уже после заключения брака, то это нужно стойко переносить, и это не может быть причиной развода. Разводы, кроме уже упомянутых случаев супружеской измены, допускаются только при взаимном на это согласии супругов, и то только с разрешения сената (т.е. верховного парламента не города, а всей страны) после тщательного разбора дела.

.89. По мнению утопийцев (а, значит, Мора) *«помощи от румян ищут из-за позорной надменности»*. И *«они знают по собственному опыту, что никакой красотой своего вида жена не приобретет расположение мужа так, как сделает она это нравом своим и скромностью»* ([76], с.236). Разумеется, мы понимаем, что это опять «собственный опыт» самого Мора – т.е. его личная система ценностей, впрочем, весьма типичная для ориентированных на интеллект интровертов.

.90. Биограф Карл Каутский отмечает, что вопрос о браке у Томаса Мора *«к удивлению разбирается во главе «О рабах»»* ([60], с.255). В самом деле, задумаемся: почему это так? Неужели такой литератор и мыслитель, как Мор, просто не умел разместить материал в соответствии со смыслом?

.91. Этот вопрос заставляет нас еще раз вернуться к моровскому термину *«ascriptios»* и к проблеме его перевода. Термин этот буквально означает «приписанные», но обычно переводится как «рабы». На наш взгляд то обстоятельство, что Мор в главе о «приписанных» разместил также вопросы о браке, свидетельствует, что он не рассматривал «приписанных» в качестве рабов. Действительно, в Утопии же нет невольничьих рынков, продажи в рабство, торговли рабами. Есть только люди, свобода которых в каком-то смысле усечена по сравнению с остальными. На них просто наложены дополнительные обязательства и ограничения. А брак ведь тоже можно считать определенным обязательством и ограничением, и тогда данная глава должна называться не «О рабах», а «Об обязанных».

.92. Законов в Утопии очень мало; они просты и ясны, и известны всем. Юристов нет вообще: *«так и тумана будет меньше, и легче будет разузнать истину»*. Там же Мор весьма неуважительно высказывается о законах «других стран» (т.е. Англии), *«число которых превышает возможность их прочесть»* и *«которые столь темны, что их никто не может понять»*. Не забудем, что это говорит профессиональный юрист, адвокат и судья.

.93. *«Война утопийцам в высшей степени отвратительна как дело по истине зверское, хотя никому из зверей не присуща она с таким постоянством, как человеку»* ([76], с.242). Тем не менее, утопийцы должны быть готовы всегда отразить нападение или защитить друзей, и военным делом у них занимаются все, в том числе женщины. Здесь Мор опять следует Платону, который в «Государстве» призывает жен стражей «сбросить одежды», вместе с мужьями заняться гимнастикой (греки это делали обнаженными) и *«вместо одежд облечься доблестью»*. Но если у Платона война – это дело мужчин и женщин одного сословия («стражей»), то у Мора – всего народа.

.94. В современном мире участие женщин в военном деле – явление довольно обычное. Почти во всех армиях теперь есть занимаемые женщинами должности, а обязательная военная служба для женщин существует, например, в Израиле. У Мора в Утопии участие женщин в войне не обязательно, но поощряются и почитаются те жены, которые сопровождают своих мужей на войне.

.95. Утопийцы вовсе не руководствуются христианской мыслью о подставлении второй щеки, если ударили по одной. Месть за обиды они (и, значит, Мор) считают долгом. При этом они не пытаются опустошить земли противника и уничтожить побольше его населения, а стараются достигнуть персонально виновников раздора: они, например, объявляют большие награды тому, кто убьет правителя противника или в специальных списках поименно названных его приближенных, и удваивают награду тому, кто приведет кого-нибудь из них живым. Они также обещают неприкосновенность и награду тому лицу из указанных в их списках, которое перейдет на их сторону и выступит против своих бывших товарищей. Таким образом в рядах противника заносится взаимное недоверие, подозрительность и разрушается слаженность их действий.

.96. Такой кодекс законов войны находился в полном противоречии с античными понятиями о войне. Тацит, например писал: *«римский народ отмщает врагам, не прибегая к обману, и не тайными средствами, но открыто и силой оружия»*. Перебежчиков презирали, считая, что каждый «естественно» должен бороться до конца вместе со своими. Монархи времен Мора могли вполне уважать друг друга, при этом посылая на смерть тысячи воинов, но считая недопустимым подсылать тайного убийцу к противостоящему монарху (рыцарский кодекс; разумеется, в других случаях могло и быть все иначе).

.97. Античный и рыцарский кодексы войны смотрели на нее как на определенного рода состязание, на игру, которую нужно провести по некоторым правилам чести; Мор же смотрит на войну как на преступление, и главное здесь – с минимальными потерями в корне уничтожить саму возможность продолжения и возобновления войны.

§8. Религии в Утопии

.98. Религии утопийцев *«отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе»* ([76], с.255). Одни почитают Солнце, другие Луну, третьи – какую-нибудь планету (т.е. античного бога), четвертые – когда-то живших людей и т.п. Но наиболее мудрые (по Морю) не почитают все эти божества, а считают, что есть некоторое «единое божество, вечное, неизмеримое, неизъяснимое». В конце концов оказывается, что и почитатели других культов тоже признают этого бога; на утопийском языке он зовется Митрой. (Митра – это персидский бог, культ которого широко распространился в Риме, когда римляне уже не очень верили в своих богов, но еще не приняли и христианства; молодое христианство многие обряды взяло у культа Митры). Дальше уже Мор остальные культы называет «суеверием».

.99. Религиозная проблема несомненно должна была сильно занимать Мора. С одной стороны, он был верным христианином; с другой же стороны, как все гуманисты, – почитателем античности, особенно греческой. Как могло быть, что все эти древние мудрецы оказались незнающими «истинной веры»? Отражение этих внутренних поисков Мора мы и видим в его описании религиозной жизни Утопии: культов много, и они не подлежат преследованию, но естественным путем эволюционируют к идее монотеизма – единого, непознаваемого Бога.

.100. Многие отмечали религиозную терпимость Мора, и она действительно удивительна, если учесть, что «Утопия» была написана за 57 лет до Варфоломеевской ночи в Париже, за 85 лет до сожжения Джордано Бруно в Риме, за 101 год до запрещения работы Коперника «Об обращении небесных сфер» [61]. Она была написана даже за 2 года до того, как Лютер прикрепил свои тезисы к двери Виттенбергской церкви и началась Реформация, из-за которой вопрос о терпимости сразу стал чрезвычайно актуальным.

.101. Гитлодей рассказывает, что одного из его спутников, который «слишком усердно» проповедовал среди утопийцев христианство, утверждая, что утопийцы язычники и нечестивцы, они схватили, судили и приговорили к изгнанию, *«но не за презрение к религии, а за возбуждение смуты в народе»*. *«Никого нельзя наказывать за его религию»*. *«Если же кто-нибудь станет обращать в свою религию также и других, то он может это делать спокойно и рассудительно, с помощью доводов, не злобствуя при этом против прочих религий»* ([76], с.258).

.102. Утоп, учредивший эти правила (а на самом деле, конечно, сам Мор) даже сомневался *«не требует ли Бог разного и многообразного почитания и поэтому одним внушает одно, другим – другое»* ([76], с.259).

.103. Если все религии юридически равноправны, и только спокойной рассудительностью нужно приходиться к убеждению о преимуществах той или иной веры, то полное вообще неверие неравноправно с ними, с религиями. Утоп (и, значит, Томас Мор) *«свято и нерушимо запретил кому бы то ни было до такой степени ронять достоинство человеческой природы, чтобы думать, будто души гибнут вместе с телом, что мир несетя наудачу, не управляемый провидением»* (это было мнением античного атеиста Лукиана, сочинения которого Мор так тщательно перевел с греческого на латинский и издал еще до «Утопии»).

.104. *«Того, кто думает по-иному – продолжает Мор – они даже не числят среди людей, оттого что он возвышенную природу своей души унизил до ничтожной скотской плоти; и не считают они его гражданином, оттого что, если бы не одолевал его страх, ему были бы безразличны все их установления и обычаи. Разве можно усомниться в том, что он, не страшась ничего, кроме законов, и не надеясь ни на что, кроме своего тела (..), не постарается либо тайно, хитростью обмануть государственные законы своего отечества, либо нарушить их силой?»* ([76], с.260).

.105. В самом деле – разве можно усомниться в этом?

.106. Впрочем, если посмотреть «спокойно и рассудительно», то не уронил ли здесь сам Мор «достоинство человеческой природы» и «возвышенную природу своей души» до такой степени, будто только страх перед загробным наказанием и удерживает его, Мора, от совершения злодеяний?

.107. Мы все же полагаем, что Мор здесь, можно сказать, навел клевету на самого себя. Отнюдь не из-за одного только страха перед наказанием после смерти он был честным и порядочным человеком, а потому, что честность и порядочность были его внутренними установками совершенно независимо от его веры в загробную жизнь.

.108. Правда, даже таких страшных людей, не верящих в провидение, утопийцы (и, значит, Мор) никак не наказывают, хотя и «не числят среди людей». Таким людям только запрещено занимать какие-либо должности и проповедовать свои взгляды перед толпой. А перед священниками и «почтенными мужами» излагать их даже убеждают, *«так как уверены, что безумие наконец уступит разуму»*.

.109. *«Здесь он остался сыном своего века»* – комментирует это место его социалистический биограф Карл Каутский.

§9. Место, которого нет, но которое могло бы и быть

.110. «Утопия» написана на латинском языке и, как все сочинения гуманистов, насыщена ссылками, параллелями и намеками на античную, в первую очередь греческую, литературу. По отношению к основному тексту книги греческий язык играет роль иностранного, и почти все выдуманные самим автором «иностранные» имена и названия образованы из греческих слов.

.111. Так, например, имя главного рассказчика Гитлодея по-гречески означает «опытный говорун» или «пылкий болтун» (сказано, что это не настоящее имя – оно не приводится –, а прозвище; сам Гитлодей родом из Лузитании, т.е. Португалии).

.112. Название выдуманной Мором страны «Утопия», как всем еще со школьной скамьи известно, означает: «место, которого нет», «несуществующее место». Однако здесь есть одна

тонкость. В греческом языке имеются две отрицательные частицы, из которых можно было образовать такое название: «у-» и «а-» (вторая частица использована, например, во всем известном слове «атом» – «неделимый»).

.113. Смысловая разница между этими двумя частицами заключается в том, что «а-» означает: нет и быть не может; а «у-» означает: нет, но могло бы и быть. И если Мор свою страну назвал не Атопией, а Утопией, то совершенно ясно, что он хотел этим сказать.

.114. При каких же условиях могло бы иметь место такое общество, какое описано в «Утопии»? Сам Мор на этот вопрос в конце своей книги устами своего Гитлодея отвечает так:

.115. «Когда я внимательно наблюдал и размышлял обо всех государствах (..), честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых, под предлогом и под именем государства думающих о своих выгодах (..). И эти очень плохие люди со своей ненасытной жадностью поделили между собой все то, чего хватило бы на всех! Сколько далеко им, однако же, до счастья государства утопийцев! Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности. Какое множество бед отсекали они, какую жатву преступлений вырвали они с корнем! Ибо кому не известно, что с уничтожением денег отомрут обманы, кражи, грабежи, раздоры, возмущения, тяжбы, распри, убийства, предательство, отравления (..); к тому же одновременно с деньгами погибнут страх, тревога, заботы, тяготы, бессонные ночи» ([76], с.276–277).

.116. «У меня нет никакого сомнения в том, что весь мир с легкостью давно бы уже перенял законы утопийского государства как по причине собственной выгоды, так и под влиянием Христа-Спасителя (..); но противится этому одно чудище, правитель и наставник всякой погибели – гордыня. Она измеряет счастье не своими удачами, а чужими неудачами. Она даже не пожелала стать богиней, если бы не осталось никаких убогих, над которыми можно было бы ей властвовать и глумиться, только бы ее собственное счастье сияло при сравнении с их убожеством, только бы, выставляя свои богатства, мучила она их и усиливала их бедность» ([76], с.277–278).

.117. Потом Мор как будто в мыслях возражает Гитлодею, *«что немало из того, что у этого народа установлено обычаями и законами, кажется весьма нелепым (..), самое главное, (..), разумеется, общая жизнь и пища, отсутствие какого бы то ни было обращения денег. Одно это полностью уничтожает любую знатность, великолепие, блеск, величие, которые, по общему мнению, составляют истинное достоинство и украшение государства»* ([76], с.279).

.118. Однако Мор якобы не хочет спорить с Гитлодеем, утомленным рассказом, ведет его ужинать и, выражая свое согласие отнюдь не со всеми его словами и высказывая надежду, что все-таки это все будет глубоко обдуманно, заканчивает книгу изречением, что он скорее желал бы, чтобы полезное было перенято у утопийцев, чем надеется, что это когда-нибудь произойдет...

.119. Итак, если упразднить собственность отдельных людей и обращение денег, то, согласно Морю, все беды общества «отомрут». Мешает такому упразднению людская гордыня. Эта «Авернская змея» настолько сильна, что вряд ли желательное когда-нибудь сбудется. Но если частная собственность была бы отменена, то общество стало бы замечательным.

.120. Вот этот тезис Мора и есть то самое самое главное, что нас интересует в его книге. Станет ли общество замечательным, если отменить собственность отдельных людей? Или люди по своей природе таковы, что они и без погони за собственностью найдут другие способы, как превратить свое общество в нечто столь же непереносимое, как и то, что было до отмены собственности? (Или даже в нечто еще более невыносимое?).

.121. Общество Утопии не существует, но, конечно же, легко понять, что оно могло бы и существовать, быть справедливым и счастливым при одном условии: при условии, что все люди будут такими, как сам Томас Мор. Эразм Роттердамский в письме фон Гуттену дал прекрасный портрет Мора. За неимением места мы не можем его здесь воспроизвести. Там нарисован замечательный человек. Но если бы даже Эразм и не оставил бы этого портрета, то все равно по одной «Утопии» мы могли бы восстановить его облик (и поэтому у нас нет ни малейших оснований сомневаться в справедливости слов Эразма).

.122. Если бы все люди были такими, как Томас Мор, то общество моментально стало бы прекрасным – хоть отменяй частную собственность, хоть не отменяй. А вот, если не все люди такие, как Томас Мор, – что тогда? Поможет ли отмена частной собственности, как это полагал сам Мор? Или он по своей природной доброте был слишком хорошего мнения о людях, и никакая отмена ничего нисколько ничему не поможет?

.123. У Мора в этом вопросе было огромное множество последователей. Граф Сен-Симон придумал теорию борьбы классов; доктор Маркс вывел из классовой борьбы учение о смене экономических формаций, согласно которому отмена частной собственности не будет

произвольным актом воли, а наступит в ходе естественного развития общества, и тогда кончится предыстория человеческого рода и начнется его история; адвокат Ленин решил все это поторопить, подтолкнув «предысторию» в одной отдельно взятой стране...

.124. Мы, однако, не подадимся исследовать полученные ими результаты, а отправимся по следам моровских идей в английской литературе. И следующую крупную веху на этом пути мы находим у Джонатана Свифта.

Глава 2. Этопия Джонатана Свифта

§10. Время Свифта

.125. Джонатан Свифт родился 30 ноября 1667 года: 189 лет, 9 месяцев и 23 дня после Томаса Мора. За эти почти 190 лет мир изменился, хотя с нашей точки зрения и не очень значительно.

.126. Были совершены многочисленные кругосветные путешествия, начиная с Магеллана, отправившегося в путь в 1519 году, три года после выхода книги Мора, и проплывшего от Бразилии на юг, куда якобы шел Гитлодей. Были нанесены на карты основные очертания материков Земного шара.

.127. Испания и Португалия, после рокового для Мора конфликта между английским Генрихом VIII и испанским Карлом V так и сохранившие контроль над Папой римским, получили от него буллу, которая отдала всю Америку этим двум государствам. В год, когда вышло второе издание «Утопии» (1517), испанцы открыли берега Мексики, через два года Кортес вторгся в царство Монтекумы, и в 1521 году разгромил его. В год, когда Мор отказался от должности канцлера (1532), Писарро вторгся в царство инков и овладел им в том году, когда в Англии казнили Анну Болейн (1536).

.128. Англичане, естественно, не хотели мириться с таким положением; в 1558 году у них воцарилась 25-летняя дочь Генриха VIII и Анны Болейн – Елизавета; английские пираты грабили испанские каравеллы с золотом, а Елизавета производила их в дворяне. Испанцы направили в 1588 году к английским берегам Непобедимую Армаду, которую рассеял и уничтожил ураган, и Англия на три с половиной столетия превратилась во владычицу морей. В 1607 году первые английские колонисты высадились с корабля «Мэйфлауэр» на американский берег у Плимут-Рока, и началось создание Британской империи.

.129. Ко времени написания «Гулливера» английским колониям в Америке было уже более ста лет. Несмотря на то, что капитаны разных стран – и английские теперь в первую очередь – уже более двухсот лет бороздили моря всех частей света, в мире все же оставалось еще много необследованных мест. Капитан Кук, три знаменитых путешествия которого нанесут на карту острова тех морей, где Свифт разместил свои Бробдингнейг и Лапуту, еще только родится спустя два года после первого издания «Гулливера». Еще только через 60 лет после «Гулливера» в Австралии появятся первые белые жители. Так что «свободные пространства» на Земном шаре, куда помещать вымышленные страны, у Свифта еще были, хотя и не столь обширные, как у Мора.

.130. В политической жизни Англии позади осталась гражданская война между парламентом и королем, завершившаяся казнью Карла I. Началась эра английского парламентаризма, борьба вигов и тори, в которой Свифт смог принять такое деятельное участие.

.131. Эпоха гуманистов кончилась, и теперь на латинском языке писались только сугубо научные труды, подобные ньютоновским «Началам» [35], а беллетристику сочиняли уже почти исключительно на языках национальных. На английском пышно расцвела литература путешествий, столь актуальных в то время, и Свифту легко было ее пародировать.

§11. Жизнь Джонатана Свифта

.132. Родился Джонатан Свифт в Дублине, по улице Хоескорта 7. Но он не был ирландцем по национальности: его родители были англичане, протестанты. Отец его, мелкий английский чиновник, к моменту рождения сына уже умер, а мать с братьями мужа недавно приехала в Ирландию.

.133. В два года кормилица тайно похитила маленького Джонатана и увезла его обратно в Англию; снова вернулся в Дублин он только в шесть лет, уже умеющим хорошо читать. Тогда

его устроили в лучшую школу Ирландии в городке Килкении, мать вернулась в Англию и исчезла из жизни сына надолго, а кормил его брат отца, дядя Годвин – и кормил в целом неплохо.

.134. В 15 лет он окончил привилегированную школу в Килкении и вместе с двоюродным братом Томасом, сыном Годвина, поступил в Дублинский университет на теологический факультет Тринити колледжа, где проучился шесть лет, после первых трех получив степень бакалавра, а после вторых трех покинув университет без степени магистра и без права служить священником.

.135. Он отправился к своей матери в Англию, у которой подруга детства была теперь женой сэра Уильяма Темпла – одного из самых влиятельных людей Англии. Они обе в конце 1689 года устроили 22-летнего Джонатана секретарем у Темпла, и он прослужил там (с тремя перерывами) более 9 лет до смерти Темпла в январе 1699 года.

.136. Во время второго из упомянутых перерывов он защитил диссертацию в Оксфорде, получил степень магистра и стал священником англиканской церкви. Уже после смерти Темпла, в 1701 году, он защитил еще одну диссертацию, стал в 33 года доктором теологии и получил право занимать уже более высокие должности в церковной иерархии.

.137. Служба у Темпла ввела молодого Свифта в высшее общество Англии так, что он оказался лично знаком почти со всеми сколь-нибудь видными людьми королевства, и потом даже беседы с королем уже не были чем-то особенным. В доме Темпла Свифт написал «Битву книг» [50] и «Сказку бочки» [51]; умирая, Темпл завещал ему редактирование и издание своих сочинений, а также определенную сумму денег.

.138. В 1701 году Свифт получил место викария в Ирландии, в Лондоне бывал наездами, а виги считали его своим сторонником. В 1710–1714 гг. он жил в Лондоне и сблизился с руководителями правительства тори. Он хотел получить место епископа в Англии, но ему дали только место декана (настоятеля собора) в Дублине. Назначение это состоялось в 1713 году, но уехал в Ирландию он только осенью 1714 года в возрасте 47 лет.

.139. Писать «Путешествия Гулливера» Свифт начал в 1720 году, а закончил во второй половине 1725. Ни одно свое сочинение Свифт не опубликовал под своим настоящим именем (однако был горд, когда все догадывались и знали, кто автор). Гонорар он получил только один раз: за первое издание «Гулливера» – 200 фунтов стерлингов, выплаченных посреднику Эразму Льюису; все остальные сочинения Свифта были опубликованы бесплатно для автора, и на них зарабатывали только издатели.

.140. Нападки на английское правительство и защита ирландцев создали у Свифта в Ирландии невероятный авторитет, хотя сам он не был ирландцем и принадлежал к англиканской церкви. Однажды в Дублине распространились слухи, что скоро начнется солнечное затмение, и взволнованная толпа направилась к декану собора св. Патрика. Свифт вышел на балкон и со всей серьезностью объявил: «Люди! Солнечного затмения не будет. Я приказал его отменить». И успокоенная толпа разошлась.

.141. Начиная с 1741 года, в возрасте 73 лет Свифт перестал разговаривать и был специальной комиссией признан *«неспособным заботиться о себе и своем имуществе как лицо со слабым рассудком и потерянной памятью»*. В таком состоянии он прожил около пяти лет и умер в 1745 году.

§12. Интимная жизнь Свифта

.142. Мы включили этот раздел в наше исследование потому, что вся английская (и не только английская) критика Свифта в значительной степени опирается на рассуждения именно на эту тему. Даже интересующие нас здесь авторы – Джордж Оруэлл и Олдос Хаксли – в своих эссе о Свифте, как мы увидим, сводят все свои рассуждения в конечном счете именно к этому вопросу. Но, чтобы обоснованно судить об этом, в первую очередь требуется знать факты.

.143. Относительно ранней молодости Свифта биографы рисуют довольно активного в этом плане юношу, упоминая, что уже в Дублинском университете он и его двоюродный брат Томас многократно наказывались за свои ночные похождения, а во время краткосрочного пребывания у матери в Лестере в 1689 году у 22-летнего Свифта был роман с некой Элизабет Джонс настолько глубокий, что ходили слухи о их будущем бракосочетании.

.144. В дальнейшем все вертится вокруг трех женщин, вошедших в историю мировой литературы под присвоенными им Свифтом именами: Варина, Стелла и Ванесса.

.145. Первой была Варина – Джейн Уоринг – сестра одного из товарищей Свифта по университету. С ней 27-летний Свифт познакомился в Килруте, в Ирландии, в 1695 году, будучи там рядовым священником. Сохранились два письма Свифта к ней, датированные 1696 и 1697 годами. В них Свифт уговаривает ее, называя Вариной, «стать моей», превозносит любовь, утверждая, что «все под этим солнцем суший пустяк, по сравнению с любовью», и в конце даже грозит, что в случае дальнейшего отказа она его больше не увидит, так как он решил умереть – любя ее.

.146. В то время Варина ему все же отказала, судя по письму Свифта к ней от 1700 года, – под тем предлогом, что врачи советуют ей еще не вступать в брак. В 1700 году она согласилась, но теперь Свифт отказал ей. В сохранившемся письме, довольно высокомерном и даже издевательском, он спрашивает, как у нее теперь со здоровьем, не улучшилось ли оно с тех пор, когда врачи не советовали ей вступать в брак, и т.п.

.147. В это время внимание 33-летнего Свифта было уже направлено целиком к Стелле – к 19-летней Эстер Джонсон, воспитаннице Темпла и ученице самого Свифта. Стелла была дочерью старшей горничной сестры Темпла, а отец ее не был известен; подозревали, что это сам Темпл. Во всяком случае, девочка воспитывалась в доме Темпла, Свифт, как секретарь хозяина, был ее домашним учителем, а после своей смерти Темпл оставил ей значительное состояние, не уделив при этом никакого внимания ее матери.

.148. В 1700 году, когда Свифт переселился в Ирландию, Эстер последовала за ним и поселилась поблизости, но отдельно. В 1704 году молодой священник Тисдел, через Свифта познакомившийся с 23-летней Эстер и полагавший, что 37-летний Свифт просто ее опекун, просил руки Эстер сначала у нее, а потом у Свифта. Свифт ответил в письме, что и представить себе не может лучшей жены, чем Эстер, что если бы он хотел жениться, то непременно выбрал бы мисс Джонсон, но так как он не собирается жениться, то надеется, что его сожаление о потере такого друга не станет препятствием для нее при устройстве своей жизни, ибо брак считается необходимым и важным в человеческой жизни, а ореол девственности со временем улетучивается в глазах всех, кроме его, Свифта, глаз. Он просил показать это письмо Эстер, что и было сделано, после чего Стелла отказала жениху.

.149. В 1710–1713 годах, когда Свифт находился в Лондоне, а Стелла в Дублине, он написал ей 65 писем, позже опубликованных как знаменитый «Дневник для Стеллы» [86]. В это же время по соседству со свифтовским домом в Лондоне жила вдова голландского негоданта миссис Ваномри, а с ней 19-летняя (в 1709 году, когда 42-летний Свифт с ними познакомился) ее дочь Эстер. Свифт в это время был одним из самых знаменитых людей в Англии, неофициальный «министр без портфеля», друг премьер-министров и всей знати, и Эстер, видимо, решила им завладеть.

.150. Когда в 1714 году Свифт вернулся в Ирландию, Эстер Ваномри, у которой к тому времени умерла мать и сестра, и которая теперь осталась одна, тоже последовала за Свифтом в Ирландию, благо у нее там было имение. Письма Ванессы (так он ее звал) к Свифту полны упреков в невнимании к ней и укоров за отвержение им ее любви, а в ответах Свифта чувствуется все нарастающее раздражение.

.151. Свифт написал ей поэму «Каденус и Ванесса» [87] (Каденус – это анаграмма с латинского названия его теперешнего поста: *Decanus*). В поэме он пишет, что никогда и не думал влюбляться в Ванессу, только хвалил ее, мечтая об интеллектуальной дружбе, но Ванесса, которой недавно исполнилось 20 лет, чахнет по 44-летнему священнику, полуслепому от чтения книг, и он ей не кажется ни старым, ни больным...

.152. Ванесса, однако, не отступала на протяжении 10 лет; иногда Свифт резко и даже грубо порывал с ней, иногда смягчался, посещал ее и писал. В завещании Ванессы значилось, что все свое имущество она оставляет Свифту. Однако в апреле 1723 года, после своей последней встречи со Свифтом, Ванесса меняет завещание, оставляя все двум другим своим друзьям (при условии, что они обязательно опубликуют поэму «Каденус и Ванесса» и все письма Свифта к ней), а через месяц умирает по неизвестной причине в возрасте 33 лет. Скорее всего, это было самоубийством.

.153. Стелла умерла от туберкулеза в 1728 году в возрасте 46 лет, когда Свифту было 60 лет.

.154. Истории этих женщин, особенно Стеллы, которая так и осталась незамужней, и Ванессы, которую Свифт «так жестоко» отверг и которая из-за него покончила с собой, создали у

Свифта в английской литературе репутацию «истязателя женщин» и т.д. и т.п. – все то, что можно прочесть в бесчисленных сочинениях.

.155. Биограф Левидов считает [62], что Свифт на Стелле фактически был женат, только не хотел это оформлять официально. Нам представляется, что объективные факты свидетельствуют о том, что у Свифта была какая-то причина не вступать в брак, более серьезная, чем простое нежелание или каприз. Упоминание болезни в поэме «Каденус и Ванесса», думается, совсем не случайно. Причина эта появилась, видимо, около 1700 года, так как до этого он, как мы видели, очень желает жениться, а после этого не соглашается уже ни при каких обстоятельствах. Стелла добровольно согласилась разделить вынужденное одиночество Свифта, а домогательства Ванессы, явно имевшей глубоко истерический характер, при наличии у Свифта непреодолимой объективной причины, конечно, могли вызвать только раздражение и породить к жизни все те нелестные о женщинах стихи и пассажи, которые теперь так часто ставятся Свифту в вину.

§13. Жизнь «Путешествий Гулливера»

.156. На английском языке в латвийских библиотеках имеется много различных изданий «Путешествий Гулливера»; наиболее старое из них – лондонское издание 1768 г. [54].

.157. На латышском языке «Путешествия Гулливера» впервые вышли в 1925 году [47], однако в этом издании только первое и второе путешествие, но нет остальных двух. Полное издание вышло в 1952 году в Стокгольме [45], в эмигрантском издательстве «Даугава» в переводе А. Йохансона. В Латвии первое полное издание в 1959 г. в переводе Мирдзы Кемпе и с иллюстрациями Угиса Межавилкса.

.158. Кроме этих изданий, имеются еще пересказы для детей: два довоенных в 1928 г. («Гулливер у лилипутов») и в 1929 («Гулливер у великанов»), а в послевоенное время три издания (1951, 1976, 1991) переведенного с русского языка пересказа Тамары Габе. Другие работы Свифта, по-видимому, не издавались на латышском языке.

.159. На русском языке в латвийских библиотеках имеются 12 изданий «Путешествий Гулливера» периода с 1958 по 1992 г. (не считая детских пересказов Тамары Габе); два из этих изданий сопровождает «Сказка бочки». Кроме того, имеется «Дневник для Стеллы», выпущенный в 1981 г. [86].

.160. Когда «Гулливер» был впервые переведен на русский язык, нам не удалось установить.

§14. Четыре путешествия Гулливера

.161. О первом путешествии Гулливера мы знаем, что оно началось 4 мая 1699 года из Бристоля на корабле «Антилопа» под командой капитана и владельца корабля Уильяма Бричарда. Кораблекрушение произошло 5 ноября на южной широте 30 градусов и 2 минуты северо западнее земли Ван Димена (т.е. Австралии; во времена Свифта землей ван Димена называли теперешний о. Тасмания, но при этом полагали, что он составляет единое целое с Австралийским континентом). Там Гулливера выбросило на остров лилипутов. Следовательно, Свифт поместил Лилипутию где-то в Индийском океане недалеко от теперешнего австралийского города Перта (если принять тождество земли ван Димена и Австралии, а если это отвергнуть и ориентироваться по собственно Тасмании, то остров лилипутов окажется либо на южном побережье, либо в глубине континента Австралии).

.162. Второе путешествие Гулливера началось 20 июня 1702 г. из Даунса на корабле «Приключение» под командой капитана Джона Николаса. Почти через год, 17 июня 1703 г. перепуганные великаном товарищи уплыли, оставив Гулливера в стране Бробдингнег около 1000 км северо-восточнее Молуккских островов (что в Индонезии). Следовательно, великаны жили где-то на теперешних Каролинских островах, которые в нашем веке взяли под свою опеку США.

.163. Третье путешествие Гулливера началось 5 августа 1706 года на корабле «Добрая Надежда» под командой капитана Уильяма Робинсона. Из Китая Гулливер по поручению капитана отправился в дополнительную экспедицию на маленьком паруснике и подвергся нападению японских пиратов в точке 46 градусов северной широты и 183 градуса восточной долготы, откуда пираты его отпустили в одиночку в море на лодке, и вскоре он достиг земли. Следовательно, Лапута находится где-то между Гавайскими островами и Камчаткой.

.164. Четвертое путешествие Гулливера началось 7 сентября 1710 г. из Портсмута на еще одном корабле «Приключение» под командой самого Гулливера. В отличие от трех предыдущих путешествий целью была уже не Восточная, а Западная Индия. «В одно утро» команда корабля взбунтовалась, решила стать пиратами и взяла курс на Мадагаскар (где в то время существовали целые пиратские республики). 9 мая 1711 года мятежники высадили капитана Гулливера на какой-то попавшийся им по пути берег – сами не зная, где это находится –, и берег этот оказался страной хойхнхнмов...

.165. Итак, четвертое путешествие Гулливера по своим «фактологическим данным», содержащимся в книге Свифта, резко отличается от первых трех. Здесь Гулливер впервые сам выступает в роли капитана, впервые плывет не на Восток, а на запад к Южной Америке по следу Америго Веспуччи, а местонахождение обнаруженной им новой страны впервые невозможно точно определить: известно только, что она где-то по пути между Бразилией и островом Индийского океана Мадагаскаром. Зато все ее «географические данные» в точности повторяют все, что известно об Утопии: она тоже находилась где-то по пути между Бразилией (где Америго Веспуччи оставил Гитлодея) и островом Индийского океана Тапробамой (Цейлоном, который Гитлодей посетил после Утопии и откуда вернулся в Европу).

.166. Правда, при описании выхода Гулливера из страны хойхнхнмов Свифту снова приходится возвращаться к вопросу о ее местонахождении. Обратим внимание на то, как это делается. Но сначала уточним некоторые факты.

.167. Как известно, «Путешествия Гулливера» впервые вышли в издательстве Бенджамин Мотта в 1726 году [52] (и появились в магазинах 28 октября, как об этом сообщили три лондонские газеты). Автор, как это было обычно для Свифта, скрывался; рукопись передал через посредника (своего друга Эразма Льюиса), а в сопроводительном письме, подписанном «Ричард Симпсон», сообщал, что «мой кузен Лемьюэль Гулливер некоторое время назад доверил мне список своих «Путешествий»...». Книга вышла с многими опечатками, ошибками, купюрами и самовольными вставками издателя. Свифт был возмущен этим. В написанном ⁶ 2 апреля 1727 года «письме Гулливера кузену Симпсону» (которое, начиная с издания 1735 года [53], всегда печатается в качестве предисловия к «Путешествиям») он говорит, что рукопись была уничтожена издателем, но что он отправил список исправлений к первому изданию. Друг Свифта Форд внес эти исправления в свой экземпляр книги; этот экземпляр с правками Свифта сохранился до наших дней и теперь замещает утраченный подлинник манускрипта.

.168. Часть искажений текста исправлялись уже в последующих изданиях 18-го и 19-го веков, но с действительно научным подходом «фордовский экземпляр» был проанализирован и свифтовский текст в максимально возможной степени восстановлен только в лондонском издании 1922 года под редакцией Г. Ревенскрофта Денниса [48]. Мы в настоящей работе пользовались московским изданием 1973 года [49] для студентов филологов по курсу зарубежной литературы, английский текст которого является перепечаткой упомянутого лондонского издания 1922 года, а комментарии составлены В.И. Чигаревым.

.169. Итак, Гулливер возвращается из страны хойхнхнмов. Он еще раз напоминает, что, приближаясь к стране, несколько недель был заключен пиратами в свою каюту и все это время корабль плыл по неизвестному курсу. Однако теперь он все-таки полагает, что находится на 10 градусов южнее мыса Доброй надежды, на 45-й южной параллели «юго-восточнее на пути к Мадагаскару». Здесь Чигарев в комментарии поясняет, что это надо понимать так, что Гулливер находится юго-восточнее мыса Доброй надежды. Мы, однако, не поверим комментатору и будем держаться оригинального текста, тем более, что выше только что проверили его достоверность. У Свифта не сказано, юго-восточнее ЧЕГО – просто юго-восточнее, и все. К тому же, точка на 45-й параллели юго-восточнее мыса Доброй надежды вообще не лежит на пути из Бразилии на Мадагаскар.

.170. Различные переводчики здесь тоже путались, пытаясь найти какое-то объяснение; например, в латышском переводе Мирдзи Кемпе сказано, что они находились «юго-восточнее от задуманного направления на Мадагаскар» ([46], 309.lpp.) – бессмыслица очевидная. В русских переводах Энгельгардта ([88], с.275) и под редакцией Ингера («Библиотека всемирной литературы», [89], с.374) в обоих сказано, что Гулливер находился к юго-западу (!) от острова Мадагаскар. Поскольку сами переводы вообще-то сильно отличаются, то, видимо, это не прихоть

⁶ В.Э.: датированном 1727 годом; фактически написано оно было, видимо, лишь в 1735 году.

переводчика, и юго-запад был упомянут в английском оригинале, представлявшем собой, скорее всего, еще не исправленный по фордовскому экземпляру текст.

.171. Дальше говорится, что Гулливер решил взять курс на восток в надежде достигнуть юго-западного берега Новой Голландии. Чигарев в комментарии поясняет, что западное побережье Австралии (Новой Голландии) *«находится приблизительно в 4000 миль, а южная оконечность Африки – в 700–800 милях от предполагаемого местонахождения пироги Гулливера (...) Скорость пироги Гулливера явно фантастическая»*.

.172. Еще раз не поверим комментатору в том, что Гулливер действительно намеревался преодолеть эти 4000 миль и в своей лодочке переплыть весь Индийский океан (к тому же 45-я параллель не пересекает Австралию и, держа курс строго на восток, Гулливер проплыл бы мимо этого континента). Австралия в свифтовское время действительно называлась Новой Голландией, потому что ее берега первыми объездили голландские мореплаватели В. Янсзон в 1606 г., Х. Браувер в 1611 (он, кстати, первым и переплыл Индийский океан от мыса Доброй надежды до Австралии почти по предполагаемому маршруту Гулливера), Д. Хартог в 1616–1629 гг. и А. Тасман в 1642–1644 гг. (он открыл также Тасманию, назвав ее «Землей ван Димана», и Новую Зеландию).

.173. Однако в мире были еще по крайней мере два места, которые тоже могли называться «Новой Голландией». Во-первых, это голландские колонии в Северной Америке. Официально они назывались «Новыми Нидерландами», но разница между Голландией и Нидерландами такая же, как, например, между Англией и Великобританией или Объединенным Королевством: для педантичного специалиста она есть, а в более небрежной речи, тем более, иностранца, ее нет. Голландские колонии в Северной Америке были основаны в 1613 г., всего на шесть лет позже, чем высадка переселенцев с английского «Мэйфлауэра» в Виргинии; главный город Голландии Амстердам там получил свой двойник – Новый Амстердам, который после его захвата англичанами в 1664 году был переименован в Нью-Йорк.

.174. Во-вторых, прямо в непосредственной близости от предполагаемого местонахождения Гулливера, на пути от Бразилии к Мадагаскару, вокруг мыса Доброй надежды с 1652 года находилась самая крупная колония голландцев. Официально она называлась Капской колонией (от *Каар* – мыс), но сами переселенцы ее называли именно Новой Голландией (даже еще во времена англо-бурской войны в XX веке), так как после потери северо-американских владений практически весь поток эмигрантов из Голландии направлялся именно сюда (а в Австралии голландцы колонии так и не сумели основать; там с 1788 года начали селиться англичане, и континент перестал называться «Новой Голландией»).

.175. Итак, на самом деле мы не знаем, к какой из этих трех «Новых Голландий» намеревался плыть Гулливер (а чуть ниже увидим, что в действительности свифтовский текст содержит намеки одновременно на все три Новые Голландии и что вообще это название – просто символ).

.176. Дальше, согласно тексту «Путешествий», Гулливер проплыл на восток всего 18 миль и увидел материк, который на востоке простирался «с юга на север». Проспав ночь в своей лодке, он утром достиг «юго-восточного берега Новой Голландии» и стал разглагольствовать о том, что на картах (жившего в Англии голландского картографа) Германа Молля эта страна отмечена по крайней мере на три градуса восточнее, чем находится на самом деле.

.177. Вконец растерянный Чигарев это комментирует так: *«здесь, по-видимому, ошибка автора, так как несколькими строками выше Гулливер говорит, что он надеялся достичь юго-западного побережья»*. Не поверим комментатору и в третий раз. Никакой ошибки нет. И дело даже не в том, что «несколькими строками выше» Гулливер хотел достичь западного побережья, а в том, что, плывя на восток, принципиально невозможно оказаться на ВОСТОЧНОМ берегу материка, который простирается «с юга на север».

.178. Итак, просуммируем все, что нам известно о выходе Гулливера из страны хойхнхнмов. Он находился на 45-ой параллели юго-восточнее неизвестно чего, решил плыть на восток, чтобы достичь неизвестно которую из трех Новых Голландий (точнее: все три одновременно) при том, что явно ближе всего находилась Капская колония, а по 45-ой параллели он проплывет мимо Австралии и уткнется только в Южную Америку (которая и простирается «с юга на север»). Там он (неизвестно как) очутился на ее восточном (т.е. противоположном) берегу и к тому же не на 45-й южной, а на 45-й северной параллели, на юго-восточном берегу северо-американской Новой Голландии близ Нового Амстердама. Из этого он сделал (абсолютно никак

не вытекающий из всего предыдущего) абсурдный вывод, что на картах Молля она нарисована на три градуса восточнее.

.179. Ясно, что все это просто нагромождение нелепостей, призванное «замести все следы» относительно «действительного» местонахождения страны хойхнхнмов и сбить с толку всякого, кто попытается этот свифтовский текст как-то интерпретировать. (И, видимо, Свифту это удалось настолько великолепно, что еще 200 и 250 лет после написания книги не все комментаторы в этом разобрались).

§15. Четыре путешествия Америго

.180. Итак, Гулливер был выведен из страны хойхнхнмов так же таинственно, как в нее попал, и Свифт (сохранив видимость «точных» описаний) не локализовал Утопию точнее, чем это сделано у Мора.

.181. Зато как только выход Гулливера состоялся, параллели с «Утопией» возобновляются. Гитлодей, как мы помним, после Тапробамы в Калкутте встретил португальские суда и на них вернулся в Европу. И Гулливеру тут как тут подворачиваются именно португальские корабли, которые и доставляют его домой.

.182. Чтобы полностью осознать, в какой мере четвертое путешествие Гулливера было ответом Свифта на «Утопию» Мора, рассмотрим еще один вопрос. В 1724 году Свифт пишет тому же Форду: *«Я покинул страну лошадей и пребываю теперь на летающем острове, где пробуду недолго, и мои два последних путешествия будут скоро закончены»*. Чигарев из этого делает вывод, что «Путешествие в Лапуту» было написано Свифтом ПОСЛЕ «Путешествия в страну хойхнхнмов». На этот раз мы с комментатором согласимся. Но мы задумаемся над этим обстоятельством более глубоко.

.183. Итак, раз третье путешествие было написано позже четвертого, а потом вставлено перед ним, то, значит, первоначально существовал план ограничиться тремя путешествиями. Этот план с композиционной точки зрения даже лучше окончательного. Действительно: сначала Гулливер попадает в страну пигмеев, потом великанов и наконец в Утопию лошадей. Соблюдено традиционное трехчленное деление, на своем месте «святое число» три, встречаемое нами повсюду от народных сказок до христианской троицы – «все хорошее с третьего раза»...

.184. Эти три путешествия цельны по своей природе: в каждом посещается только одна страна с одним каким-то ярким ее признаком, и очевидна литературная цель автора.

.185. А добавленное путешествие хаотично и эклектично по своей природе: посещаются четыре вымышленные страны и одна реальная; вся изначальная цельная композиция произведения нарушается.

.186. Так зачем тогда Свифт добавил эту хронологически последнюю, а композиционно предпоследнюю часть? Просто не мог остановиться, просто хотел еще и посмеяться над наукой и некоторыми другими вещами?

.187. Мы полагаем, что в ходе работы над своим первым и последним романом Свифт стал все больше осознавать внутреннюю связь этого сочинения с «Утопией» Мора и захотел сделать с ней как можно больше скрытых параллелей. Мы полагаем, что он «передумал» и добавил еще одну часть в книгу для того, чтобы путешествие Гулливера в Утопию лошадей оказалось именно четвертым, а не традиционно третьим. А захотел он этого потому, что Гитлодей попал в Утопию во время ЧЕТВЕРТОГО путешествия Америго Веспуччи.

.188. Правда, Мор говорит, что Гитлодей не участвовал в первом путешествии Веспуччи и, таким образом, для собственно Гитлодея это было только третьим путешествием. Но мы полагаем, что Свифт здесь не проводил столь педантичной разницы между вообще путешествиями Америго Веспуччи и теми из них, в которых участвовал Гитлодей. С присвоением имени Америке (и тем самым – с открытием обильного множества новых земель) были связаны именно четыре всемирно знаменитых путешествия, а Мор, в свою очередь, связал Утопию именно с четвертым из них. Этим, мы полагаем, Свифт и руководствовался.

.189. В добавленной дополнительной части «Путешествий Гулливера» была восстановлена диспозиция первых двух частей: Гулливер, уже «на самом деле» побывавший капитаном, был опять «низведен» до хирурга; он опять направлялся в Восточные моря, а не к Бразилии; только один раз – решающий, последний раз – ему позволялось плыть по следам Гитлодея, и тогда уж в качестве капитана.

.190. Уже были сочинены все хитросплетения вокруг выхода Гулливера из страны хойхнхнмов для сокрытия ее местоположения, а в добавочной части оно для Лапутии дается наиболее «открытым текстом» из всех четырех путешествий: впервые «без всяких разговоров» прямо указываются полные координаты – и широта и долгота. Скрывать уже незачем.

.191. Именно в этой добавочной части впервые «собственной персоной» появляется и сам Томас Мор. Гулливер узнает в стране чародеев Глаббдобдриб, что духи умерших Брута, Юния, Сократа, Эпаминонда, Катона-младшего и сэра Томаса Мора на том свете «всегда держатся вместе» и составляют секстумвират, «к которому Века Мировой истории не могут добавить седьмого участника». Итак: Томас Мор – единственный из англичан, единственный даже из всего христианского мира, кто вошел в «шестерку непревзойденных», сел рядом с античными духовными великанами в воображении автора «Битвы книг»...

.192. Как мы уже отметили, после первого издания «Путешествий» было написано «письмо Гулливера Симпсону», которое потом стало неизменным предисловием к книге. В этом предисловии впервые «открытым текстом» упоминается и «Утопия»:

«Если суждения ехузов могли бы на меня как-то влиять, то у меня было бы достаточно причин жаловаться, что некоторые из них осмеливаются думать, будто мои книги путешествий являются только воображением моего ума, и договариваются даже до того, что хойхнхнмы и ехузы не более реальны, чем жители Утопии».

.193. Таким образом, обе страны явно поставлены рядом; кроме «Утопии» в этом предисловии упоминается еще только одна книга: «Кругосветное путешествие» Демпьера [1], но в нелестном смысле в связи с правкой стиля.

.194. Еще одна параллель с «Утопией» появляется в предисловии «Ричарда Симпсона» к «Путешествиям» – «Издатель читателю». Соседи Гулливера в Рэдрифе, когда им нужно было поклясться в достоверности чего-нибудь, мол, употребляли поговорку: «*Это так же правдиво, как будто это сказал мистер Гулливер*». Имя Гулливера было образовано, видимо, еще без ассоциаций с Гитлодеем, но эта «поговорка» их создает: «Гитлодей» по-гречески – «опытный говорун» или «пылкий болтун».

.195. Наконец, мы рассмотрим здесь в качестве последней параллели дату возвращения Гулливера в Европу. Советский биограф Свифта Михаил Левидов (1891–1942) в своей книге [62] говорит, разбирая «Путешествия Гулливера», что дата начала путешествий есть дата смерти Темпла в 1699 году, когда началась самостоятельная жизнь Свифта. Далее Левидов пишет:

.196. «Как и Свифт, начинает Гулливер свои путешествия в 1699 году. Ничто не разрушило бы концепции книги, если б он кончил их в 1705 или в 1725 годах. Но Свифт избирает 1715 год. Конечно, ведь к этому году – возвращение в Ирландию после краха – кончились путешествия Свифта в поисках страны гуигнгнмов...».

.197. Позволим себе не согласиться с биографом. Во-первых, Свифт вернулся в Ирландию в 1714 году, так что совпадение лишь очень приблизительное. Во-вторых, в 1720–1726 гг., когда Свифт писал «Гулливера», он не рассматривал свое пребывание в Ирландии как окончательное. Еще после завершения книги он предпринимал попытки вернуться в Лондон; в апреле 1726 г., например, просил место у премьер-министра Уоллпола и т.п.

.198. Тогда почему же он выбрал для окончания последнего путешествия Гулливера именно 1715 год? Точнее, Гулливер прибыл в Лиссабон 5 ноября, а домой в Рэдриф – 5 декабря 1715 года.

.199. Поищем ответ в путешествиях Гитлодея. Вспомним, где и когда Гитлодей рассказывал Томасу Мору и Петру Эгидию о своих странствиях. Согласно сюжету «Утопии», это происходило в Голландии во время пребывания Мора в составе английского королевского посольства. Известно, что Мор уехал туда из Лондона 12 мая 1515 года.

.200. Дальше в начале «Утопии» он сообщает три вещи: 1) что спустя некоторое время после прибытия в Голландию он познакомился с Эгидием; 2) что разговоры с этим юношей очень украсили его жизнь, так как он не был дома уже более четырех месяцев; 3) что однажды он после мессы у церкви встретил Эгидия, и тогда же состоялось знакомство и разговор с Гитлодеем.

.201. Мор, как это было обычно для литераторов того времени, больше заботился о красноречии витиеватых выражений, чем о точности и информативности сказанного. Поэтому не совсем ясно, к какому моменту относятся слова «уже более четырех месяцев я не был дома».

Человеку, просто читающему «Утопию», логично будет предположить, что они относятся к моменту знакомства с Эгидием. Тогда следует, что это знакомство состоялось между 12 сентября и 12 октября. С другой стороны, Эразм Роттердамский сообщает, что миссия Мора длилась «более шести месяцев». Тогда самый максимальный срок пребывания Мора в Голландии – 12 декабря. Так как Эгидий познакомил Мора с Гитлодеем явно спустя некоторое время после того, как познакомились они сами и стали друзьями, то из всего этого самым логичным будет предположение, что разговор с Гитлодеем мог состояться, вероятно, в ноябре, а Мор вернулся домой в начале декабря.

.202. Современные комментаторы, однако, сообщают, что Мор познакомился с Эгидием уже в конце июля. Тогда слова «уже более четырех месяцев я не был дома» явно не могут относиться к моменту их знакомства, и либо они не относятся вообще ни к чему, либо относятся к моменту встречи с Гитлодеем. Комментаторы выбирают второй вариант и датируют встречу с Гитлодеем «между 12 сентября и 12 октября». Кроме того, они сообщают, что Эразм ошибся относительно длительности миссии Мора в Голландии и что она продлилась на самом деле всего «немногим более пяти месяцев» (т.е. Мор вернулся в Англию уже во второй половине октября).

.203. Такое мнение комментаторов, видимо, опирается на изучение архивных документов, относящихся к королевскому посольству Англии 1515 года. Но мы полагаем, что Свифт не проводил таких архивных исследований и что, более того, в его время вообще никто их еще не провел. Следовательно, Свифт мог опираться только на собственные тексты Мора и Эразма, и тогда он должен был прийти к выводу, что разговор с Гитлодеем состоялся в ноябре 1515 года, а Мор вернулся домой в начале декабря.

.204. Итак, мы полагаем, что дата возвращения Гулливера в Лиссабон (5 ноября 1715 г.) есть символическая дата 200-летия возвращения Гитлодея в Европу, а дата возвращения Гулливера в Рэдриф (5 декабря 1715 г.) есть символическая дата 200-летия возвращения Мора в Англию. А в целом окончание путешествий Гулливера есть не что иное, как 200-летие рассказа Гитлодея. С этого момента и Гулливер может рассказать об увиденном им.

.205. Теперь становится ясным и то, почему при возвращении из страны хойхнхнмов Гулливер направляется именно к Новой Голландии: потому что Гитлодей свой рассказ вел в (старой) Голландии, а Гулливер везет НОВЫЕ сведения «о старом острове Утопия».

.206. Если так, то сомнительной становится и версия биографа Левидова о начале путешествий Гулливера (год смерти Темпла). Раз конец путешествий привязан к Гитлодею, то не привязано ли и начало? В этой связи небезынтересно будет выяснить, когда же в свое первое путешествие отправился Америго Веспуччи? Оказывается: в мае 1499 года. Ну, а Гулливер, как мы помним, отправился в свое первое путешествие 4 мая 1699 года.

.207. Вряд ли после этого можно еще сомневаться в том, что четыре путешествия Гулливера есть смещенные во времени на 200 лет и пародированные четыре путешествия Америго Веспуччи с добавлением к ним фантазий Томаса Мора. Первоначально, очевидно, было задумано пародировать три кругосветных путешествия Уильяма Демпьера (1652–1715), но потом замысел был изменен, и в качестве «прототипов» были избраны Веспуччи и Гитлодей.

.208. Исходя из этой концепции, мы теперь можем и объяснить, что означают обсужденные выше загадочные слова Гулливера «юго-восточнее», сказанные им после выхода из страны хойхнхнмов. А именно, в «Утопии» Мора словосочетание «юго-восточнее» упоминается, насколько мы заметили, только один раз: в первой книге Гитлодей рассказывает об ахорийцах, которые живут «к юго-востоку от острова утопийцев» ([76], с.151). Они приводятся как пример глупого народа, король которых пытался захватить соседнюю страну, но не смог удержать. Название «Ахория» по-гречески означает: «мрачная, безрадостная страна». Опять же – вряд ли можно сомневаться в том, что при этом имел в виду Свифт.

§16. Ответ декана Джонатана Свифта сэру Томасу Мору

.209. Мы провели данный в предыдущих разделах столь подробный анализ для того, чтобы доказать одну вещь, которая нам теперь представляется уже несомненной: при написании «Путешествий Гулливера» Джонатан Свифт думал об «Утопии» Томаса Мора, очень существенно учитывал ее при создании своего творческого замысла и, таким образом, четвертое путешествие Гулливера представляет собой в известном смысле сознательный, намеренный ответ автора Томасу Мору.

.210. «Путешествия Гулливера» в целом, видимо, не были задуманы и начаты как сочинение, оппонирующее «Утопии». Первоначальная цель, по всей видимости, состояла просто в пародировании литературы о путешествиях и в сатире на современное Свифту общество. Но по мере продвижения вперед его книги, Свифт, очевидно, всё больше и больше осознавал связь затронутых им в аллегорической форме вопросов с идеями Мора, и в конце концов «Гулливер» завершился как масштабный ответ Свифта сэру Томасу Мору и его «Утопии».

.211. Таким образом, в этих двух классических сочинениях двух великих английских писателей мы видим во всей ее остроте и масштабности поставленной ту проблему, которая составляет предмет нашего исследования, и видим два диаметрально противоположных ответа на нее.

.212. Ответ Томаса Мора: люди по своей природе добры; надо лишь кое-что подправить в организации их общества, и всё станет замечательно. Ответ Свифта же таков: люди по своей природе неисправимы, они – ехузы, и идеальное общество невозможно. Идеальное общество могло бы состоять только из не-людей, ну, – например, – лошадей.

.213. Сама проблема идеального общества для Свифта столь же важна и ценна, как и для Мора; лично Мора он любит и уважает, как никого в своей стране – он включил его даже в Мировой Секстумвират, очевидно, за то, что тот первым стал думать об этой проблеме (а также, разумеется, за непреклонную оппозицию власти) –, но в теоретическом плане он с ним абсолютно не согласен и полностью его опровергает.

.214. И именно потому, что эта проблема настолько важна для Свифта, в первую очередь именно поэтому его ненависть и сатира обрушивается с таким неистовством на тех, по чьей вине идеальное общество невозможно – на «ехузов».

.215. Мы ограничимся пока констатацией этого идейного столкновения двух великих гениев и не станем пока разбирать, кто из них более прав. Вместо этого мы посмотрим лучше, что об Утопии Свифта сказал еще один в этом исследовании интересующий нас персонаж – Джордж Оруэлл – в его интересном эссе «Политика против литературы: анализ «Путешествий Гулливера»» [78], написанном им в 1946 году, будучи литературным редактором газеты социалистов «Tribune».

.216. Благодаря обращению к эссе Оруэлла, мы, во-первых, освободим себя от необходимости перечислять существенные черты Утопии Свифта, так как это вместо нас сделает Оруэлл, во-вторых, заодно узнаем мнение по данному вопросу столь интересного нам человека и, в-третьих, в меру наших сил оппонируя ему, сами тоже получим возможность высказаться по этим вопросам.

§17. Беспощадная критика Свифта

.217. «В «Путешествиях Гулливера» человечество подвергается нападению или критике, по крайней мере, с трех разных сторон», – начинает Оруэлл свое эссе – «при этом с необходимостью изменяется и образ самого Гулливера. В первой части он – типичный путешественник восемнадцатого столетия, смелый, практичный, без налета романтики (...). Во второй части образ в общем тот же, но временами, когда того требует сюжет, в нем обнаруживается склонность обращаться в глупца (...). В третьей части Гулливер во многом тот же, что и в первой (...). В четвертой части он приходит в ужас от рода человеческого – в предшествующих книгах это не было очевидным (...) – и обращается в некоего нерелигиозного отшельника, чья единственная мечта – жить в каком-нибудь пустынном месте, где можно посвятить себя размышлениям о добродетельных гуигнгнамах» ([105], с.359–360).

.218. «Никто не станет отрицать, что «Путешествия Гулливера» – продолжает Оруэлл – «книга злобная и пессимистическая, что она – особенно в первой и третьей частях – нередко скатывается к узкопартийной предвзятости. В ней перемешаны: мелочность и величие души, республиканизм и авторитарность, любовь к логике и отсутствие любознательности. Ненависть к человеческой плоти, столь характерная для Свифта, явно проступает лишь в четвертой части, однако, так или иначе, эта новая тема не воспринимается как неожиданность» ([105], с.361).

.219. «Физическое отвращение Свифта к человечеству, конечно, вполне очевидно, но не покидает ощущение, что развенчание им человеческого высокомерия, его обличительные речи против лордов, политиков, придворных фаворитов и т.д. имеют главным образом ограниченное значение и проистекают из принадлежности самого автора к партии, не добившейся успеха. Несправедливость и угнетение он осуждает, но тщетно искать у него доказательств любви к демократии» ([105], с.363).

.220. «Однако реакционный склад Свифтова ума проявляет себя главным образом не в политических пристрастиях писателя. Следует обратить внимание на его отношение к науке и – еще шире – к интеллектуальной любознательности. Знаменитая академия Лагадо, описанная в третьей части «Путешествий Гулливера», безусловно является справедливой сатирой на большинство так называемых ученых времени Свифта (...). Но ничто не свидетельствует о том (...), что «чистая наука» привлекала внимание Свифта как занятие достойное (...). В ряде мест (...) он изо всех сил доказывает бесполезность всякого учения или рассуждения не преследующего какой-либо практической цели» ([105], с.364).

.221. «Гуигнгнмы, эти Свифтовы идеальные существа, отстали даже в том, что связано с механикой. Они незнакомы с металлами, никогда не слышали о кораблях и лодках, строго говоря, они и земледелия не знают (нам сказано, что овес, которым они питаются, «растет сам, как трава») и, по всей видимости, не ведают колеса. У них нет алфавита и незаметно особого интереса к окружающему миру. Они не верят в существование иных обитаемых земель, кроме собственной, и хотя понимают движение Солнца и Луны, а также природу затмений, «это крайний предел Прогресса их Астрономии»» ([105], с.365).

.222. «Даже если бы Свифт не написал третью часть «Путешествий Гулливера», из всего оставшегося в книге можно было бы понять, что писатель – подобно Толстому, подобно Блейку – ненавидит саму идею познания процессов природы. «Разум», которым он так восхищается у гуигнгнмов, не связан прежде всего со способностью делать логические выводы из наблюдаемых фактов. Хотя определения Свифт нигде не дает, но, по всей видимости, «разум» во всех контекстах означает либо здравый смысл (то есть принятие очевидного и презрение к софизмам и абстракциям), либо отсутствие страсти и суеверия. Общая его посылка та, что все нам необходимое мы уже знаем и просто неверно пользуемся нашим знанием» ([105], с.366).

.223. «Видимо, цель писателя – статичная, нелюбознательная цивилизация: тот же современный ему мир, только чуть чище, чуть благоразумнее, – без радикальных перемен и без сования носа в непознаваемое. В гораздо большей степени, чем можно было бы ожидать от столь свободного от общепринятых заблуждений человека, он чтит прошлое, особенно классическую античность, и верит, будто современный человек резко деградировал за последние сотни лет. (Физическая деградация, которую, по словам Свифта, он наблюдал, в те времена действительно могла иметь место. Он относит ее на счет сифилиса, бывшего для Европы новой болезнью и, вероятно, более опасной, чем ныне. Новацией для восемнадцатого века были и очищенные спиртные напитки, это должно было поначалу вызвать сильный всплеск пьянства)» ([105], с.366–367).

.224. «Если слить воедино пессимизм Свифта, его почитание прошлого, его нелюбознательность и отвращение к человеческой плоти, то мы обнаружим взгляды, характерные для религиозных реакционеров, то есть тех, кто защищает несправедливое устройство общества, утверждая, что этот мир нельзя сколько-нибудь заметно улучшить и что значение имеет лишь «мир иной». Однако у Свифта нет и малейшего признака каких бы то ни было религиозных верований, по крайней мере в любом общепринятом смысле. Не создается впечатления, что он всерьез верит в жизнь после смерти» ([105], с.367–368).

.225. «Собственные взгляды писателя, насколько их можно постичь, не так уж либеральны. Несомненно, он ненавидит лордов, королей, епископов, генералов, законодательниц моды, ордена, титулы и всяческое пустое восхваление вообще, но не создается впечатления, будто он о простых людях думает лучше, чем об их правителях, будто он выступает за большее социальное равенство или полон энтузиазма в отношении институтов представительной власти. Гуигнгнмы организованы в некую кастовую систему, расовую в своей основе, ибо лошади, занятые в услужении, отличаются от своих хозяев по масти и не скрещиваются с ними» ([105], с.370–371).

.226. «Не выглядит Свифт и решительным сторонником свободы слова и печати, несмотря на терпимость, с какой относились к его собственным писаниям. Король Бробдингега удивлен обилием религиозных и политических групп в Англии; тех, считает он, кто придерживается «мнений, пагубных для общества» (в контексте это, по-видимому, должно просто означать – еретических мнений), хотя и не следует принуждать менять свои мнения, но следует обязать скрывать их, ибо «для любого Правительства требовать первого – Тирания, так же как не добиваться второго – Слабость»» ([105], с.371).

.227. «Четвертая часть «Путешествий Гулливера» изображает анархическое общество, управляемое не законом в обычном смысле слова, а требованиями «Разума», которые добровольно признаются каждым. Генеральное Собрание гуигнгнмов «увещевает» хозяина Гулливера избавиться от него, соседи побуждают хозяина, не затягивая, привести этот совет в исполнение. Два довода выдвинуты ими. Во-первых, присутствие необычного йэху могло бы внести сумятицу во все остальное племя, и, во-вторых, дружеские отношения между гуигнгнмом и йэху «не согласуются ни с Разумом, ни с Природой и вообще есть Вещь неслыханная среди них». Хозяин Гулливера словно бы колеблется, не желая подчиниться, но «увещевание» (гуигнгнма, говорят нам, никак нельзя ПРИНУДИТЬ к чему-либо, ему просто дают «увещевания» или «советы») нельзя оставить без внимания. Это прекрасная иллюстрация тоталитарной тенденции, которая внутренне присуща

анархическому или пацифистскому взгляду на общество. В обществе, где нет закона и – в теории – нет принуждения, единственным судьей и регулятором поведения становится общественное мнение. Но общественное мнение – из-за огромной тяги к конформизму у стадных животных – менее терпимо, чем любая система права» ([105], с.371–372).

.228. «Когда людьми правит принцип «ты не должен», индивид может позволить себе некую толику эксцентричности; когда же считается, что правят «любовь» или «разум», индивид постоянно подвергается давлению, заставляющему его думать и вести себя совершенно так же, как и все остальные. Гуингнмы, сообщают нам, были единоклюбы почти во всем. Единственная проблема, которую они когда-либо ОБСУЖДАЛИ, – как поступать с йэху. Во всем ином у них не было почвы для разногласий, поскольку истина всегда либо самоочевидна, либо непознаваема и несущественна» ([105], с.372).

.229. «Фактически они достигли высшей стадии тоталитарной организации, стадии, когда конформизм становится настолько всеобщим, что отпадает надобность в полицейских силах. Свифт это одобряет, ибо среди множества его дарований нет ни любознательности, ни добродушия. Несогласие всегда должно было казаться ему просто упрямством. Среди гуингнмов, пишет он, *«Разум не есть Средоточие Проблемы, как у нас, когда люди способны с равным Правдоподобием отстаивать обе Стороны Дилеммы. Напротив, их Разум поражает вас прямой Убежденностью, как тому и быть надлежит, когда он не запятнан, не замутнен или нейтрализован Страстью и Корыстью»*. Другими словами: мы все уже знаем, а потому зачем терпеть инакомыслие? Тоталитарное общество гуингнмов, где не может быть ни свободы, ни прогресса, естественно, выходит из этой посылки» ([105], с.372).

.230. «Но самое важное – это неспособность Свифта поверить, что жизнь (обычную жизнь на твердой земле, а не надуманную, дезодорированную версию ее) можно сделать так, что стоит жить (...). Свифт, скорее всего, был импотентом, испытывал преувеличенную брезгливость к человеческим испражнениям, но думал об этом постоянно, что очевидно во всех его произведениях. Такие люди не склонны наслаждаться даже тем маленьким счастьем, которое выпадает большинству рода человеческого, и, по понятным мотивам, вряд ли способны признать, что земная жизнь во многом может быть изменена к лучшему. Их нелюбознательность, следовательно, и их нетерпимость вырастают из одного корня» ([105], с.373–374).

.231. Остановим здесь монолог Джорджа Оруэлла, чтобы осмыслить сказанное им.

§18. Легкий голос защиты

.232. Мы очень сомневаемся в том, что Свифт *«испытывал преувеличенную брезгливость к человеческим испражнениям, но думал об этом постоянно»*. Если человек действительно испытывал бы «преувеличенную брезгливость» к этому, то он упоминаний о такой вещи именно избегал бы. Если Свифт так часто об этом упоминает, то мы видим здесь, во-первых, его излюбленный прием и, во-вторых, обстоятельство, по нашему мнению, имевшее место в действительности вместо «преувеличенной брезгливости»: желание в максимальной возможной степени унижить то, что другими возвеличивается. И какое может быть еще большее унижение всего аристократического, научного и т.п. блеска, как тем или иным образом связать все это «с дерьмом»?

.233. Что же касается «импотенции» Свифта, то у него несомненно имело место какое-то препятствие, не позволявшее ему устанавливать нормальные сексуальные отношения с женщинами. Была ли это «импотенция», никто определенно знать не может. Да и сам термин «импотенция» собирательный и скрывает за собой целый ряд всевозможных физических, нервных или психических причин, а также симптомов различных болезней. Помимо «импотенции» препятствующей причиной могли быть скрываемые им дефекты тела (например, грыжа), приобретенная в молодости венерическая болезнь (вспомним, что тут только что выше говорилось о сифилисе того времени; путь «избегание женщин – крайняя раздражительность – безумие в конце жизни» – это картина одного из типичных течений сифилиса; это путь, пройденный, например, Лениным).

.234. Могли иметь место также множество других (не венерических) соматических и психических заболеваний. Безумие Свифта в конце жизни – неоспоримый факт, но это только финал, прелюдия к которому длилась всю жизнь. В его время науки психиатрии не существовало; еще только через полтора столетия Крепелин выделит первые психические болезни, такие как шизофрения и циклотимия. Дифференциальный диагноз установить часто нелегко даже сегодня, имея на руках результаты различных анализов и непосредственно наблюдая пациента, поэтому вряд ли могут быть осмысленными попытки по неточным описаниям невежественных современников пытаться теперь, задним числом, определить, чем именно болел Свифт.

.235. Биограф Левидов пишет, что это был лабиринтин или, по другому названию, болезнь Меньера, и что этот диагноз Свифту был поставлен «задним числом» в конце XIX века. Он пишет также, что Свифт заболел лабиринтином в возрасте приблизительно 30 лет (что совпадает с установленной нами выше границей, до которой он хотел вступать в брак и после которой уже не хотел) и что особенно обострилась болезнь в 1736 году (в 69 лет), когда уже началось скатывание к безумию.

.236. Лабиринтин впервые был описан французским врачом Меньером в 1861 году, и заключается эта болезнь в неполадках внутреннего уха и связанного с ним вестибулярного аппарата: во время приступов больному кажется, что весь мир кружится, больной теряет равновесие и падает, начинается тошнота и рвота, он надолго теряет слух. Болезнь не связана с сексуальной сферой, но Свифту, если он не знал, что с ним и каков прогноз, могло казаться, что он скоро умрет, и поэтому не имеет права взять на себя никаких обязательств в отношении женщин. Однако похожие симптомы могли быть и в случае других болезней, так или иначе затрагивающих внутреннее ухо. Поэтому диагноз, поставленный спустя 150 лет после смерти пациента, конечно, нельзя считать окончательным и единственным.

.237. Итак, мы не можем определенно знать, что это была за болезнь, но мы знаем точно: Свифт был БОЛЕН. Из этого и надо исходить при оценке его личности. Вся картина, нарисованная в его произведениях, всё его мироощущение – это мироощущение человека больного.

.238. Оруэлл продолжает:

.239. «Свифтовы отвращения, злоба и пессимизм имели бы смысл в контексте «мира иного», для которого мир сей есть прелюдия. Поскольку в такие вещи он, по всей видимости, всерьез не верил, он вынужден был создать рай, существующий вроде бы на поверхности земли, но отличающийся ото всего нам известного (...). В идеальные существа он избирает лошадь – животное, чьи экскременты не так отвратительны» ([105], с.374).

.240. Такое объяснение выбора Свифта нам представляется довольно упрощенным. Учитывая основной смысл ответа Свифта Мору, идеальное общество не должно было состоять из людей. Поэтому автор мог либо придумать фантастические существа, либо избрать животных. Привлечение фантастических существ увело бы внимание читателя в ненужную сторону и лишило бы произведение элементов реальности. Значит, оставались животные. Какое животное избрать, было не столь уж существенно. Выбор лошадей давал возможность показывать комические сцены, как, например, та, в которой повозку тянут люди, а едет лошадь. Кроме того, Свифт вообще любил лошадей, как показывает знаменитый эпизод из его молодости. (Многие биографы и эссеисты уделяют большое внимание эпизоду из школьной жизни Свифта, когда он по дешевке купил предназначенную на убой лошадь и очень переживал, когда ему не позволили ее держать).

.241. «Гуигнгнмы – отчаянно скучные животные» – пишет дальше Оруэлл – «это настолько общепризнанно, что и рассуждать на эту тему не стоит. Гений Свифта смог сотворить их достоверными, но едва ли отыщется много читателей, в ком они пробудили какие-либо чувства, кроме неприязни. И отнюдь не из-за уязвленного тщеславия при мысли, что животному отдано предпочтение перед человеком. Гуигнгнмы куда больше походят на людей, чем йэху» ([105], с.374).

.242. Если Оруэлл говорит, что хойхнхнмы – «отчаянно скучные животные», то это означает всего лишь одно: то положение, что покажется блаженством для истерзанного страданиями больного («кончились боли, кончились страсти, покой, покой! – о, благодать!») – это самое состояние несомненно покажется безнадежной скукой здоровому человеку.

.243. «Свифт самого себя превзошел в ярости, он кричит своим братьям: «Вы еще мерзостнее, чем вы есть!»» ([105], с.374).

.244. Так он кричит только для человека с довольно притупленным слухом. Более острое ухо слышит другое: «Каждый ваш шаг, каждая ваша выходка доставляет мне боль и страдания! О, Боже, когда всё это кончится!».

.245. «Нельзя, однако, очень уж жалеть йэху, и гуигнгнмы непривлекательны вовсе не потому, что угнетают их. Непривлекательны они потому, что «Разум», правящий ими, на самом деле есть желание смерти» ([105], с.374–375).

.246. В каком-то смысле это, разумеется, верно. Измученный больной весьма часто мечтает об эвтаназии как об избавлении. Цель его – не радости (куда уж там!), а освобождение от мук. Свифтовская утопия лошадей в основных чертах повторяет логику буддизма: жизнь есть страдания; цель человека – нирвана, состояние абсолютного покоя, по европейским понятиям фактически эквивалентное смерти. Разве не нирвана здесь описана:

.247. «Они лишены любви, дружбы, любознательности, страха, печали и (..) гнева и ненависти. «У них нет Нежности к своим Жеребяткам. Забота, которую они проявляют, воспитывая их, целиком подчинена Требованиям РАЗУМА. Они высоко ценят Дружбу и Благорасположенность, но они не связаны с определенными Особями, а всеобща для всей Породы» (..). Гуигнгнмы практикуют строгий контроль за рождаемостью; каждая пара производит двух отпрысков, после чего воздерживается от половых сношений. Браки устраиваются у них старшими по правилам евгеники, в языке их нет слова «любовь» в физическом, половом смысле. Когда кто-то умирает, остальные продолжают жить совершенно так же, как прежде, не впадая ни в горе, ни в печаль. Мы увидим, что цель их – как можно больше походить на труп, сохраняя в то же время физическую жизнь» ([105], с.375).

.248. «Большинство создателей «благоприятных» утопий, однако, озабочены тем, чтобы показать, какой могла бы быть жизнь, если жить насыщенной. Свифт ратует просто за отказ от жизни, оправдывая это тем, что «Разум» заключается в обуздании ваших инстинктов» ([105], с.376).

.249. Обуздание страстей – это еще один тезис буддизма. Снова и снова мы убеждаемся, что и буддизм, и свифтовская утопия лошадей (назовем ее эвтопией по ассоциации с эвтаназией) – это мироощущения таких людей, главное содержание жизни которых составляют страдания, и отсюда главной целью существования становится избавление от страданий, а не погоня за наслаждениями.

.250. «Создания без истории, гуигнгнмы поколение за поколением продолжают благоразумное существование, поддерживая на постоянном уровне численность населения, избегая всех страстей, не зная болезней, встречая смерть безразлично, воспитывая в тех же принципах молодых – и все это для чего? Для того, чтобы тот же самый процесс мог продолжаться бесконечно. Мыслям, что временами жизнь стоит того, чтобы жить, что ее можно сделать такой, чтобы стоило жить, или же ею нужно пожертвовать ради будущего, – этим мыслям места нет» ([105], с.376).

.251. В общем, по мнению Оруэлла, лучше быть здоровым, чем больным. Что ж, замечание, пожалуй, верное, но не очень новаторское. Однако, здесь можно спросить: «А для чего живут здоровые?». Разве в конечном счете всё равно не для того же: «чтобы тот же самый процесс мог продолжаться бесконечно»? Так что разница состоит не в том, бесконечен или не бесконечен «тот же самый процесс», а в том, чем кому представляется желательным заполнить каждый отдельный жизненный цикл. Ну, и здесь, как мы видим, мнения больного и здорового человека расходятся.

.252. «Скучный мир гуигнгнмов был почти идеальной утопией, какую только мог создать Свифт, учитывая, что он не верил в «мир иной» и не мог получать удовольствий в процессе нормальной жизнедеятельности. И все же создатель утопии использует ее не для самого по себе показа желаемого устройства общества, а для оправдания еще одной атаки на человечество. Цель для него обычная: унижить Человека напоминанием, как слаб он, смешон, а пуще того – зловонен. А конечным мотивом, вероятно, является некая зависть – зависть призрака к живущему, человека, который знает, что не сможет быть счастливым, к тем, кто – как ему со страхом чудится – может быть чуточку счастливее, чем он (..). Его приверженец возымеет желание помешать обществу развиваться по тому пути, на котором его пессимизм может оказаться в дураках. Осуществить такое желание можно либо разнеся все вдребезги, либо избегая социальных перемен. Свифт в конечном итоге разнес все вдребезги (..), – то есть он сошел с ума, – однако, как я пытался показать, политические цели его были в целом реакционными» ([105], с.376–377).

.253. По Оруэллу вроде бы получается, что Свифт «сошел с ума» потому, что сам пожелал этого. Более реалистическим с точки зрения психиатрии всё же кажется другое мнение, согласно которому «сумасшествие» представляет собой болезнь, а ее грозные предвестники могут

отравить существование больного задолго до наступления собственно кризиса. Что же касается зависти, то, наверное, всякий больной в какой-то степени завидует здоровым. Однако, мы не думаем, чтобы она и была главным мотивом Свифта. Болезнь, конечно, наложила отпечаток на все мироощущение писателя и тем самым на его произведения, но, помимо этого, в «Гулливере» есть и много рациональных, чисто логических соображений, которые могут быть поняты и оценены также и людьми здоровыми, с другим мироощущением.

.254. На одно из них мы уже указывали: это фундаментальный ответ Свифта Мору о том, что из людей таких, какие они есть, невозможно построить идеальное общество. В следующей главе нашего исследования мы попытаемся выяснить, не является ли и наиболее знаменитый роман самого Оруэлла подтверждением именно свифтовской, а не моровской мысли. А пока что разберем некоторые из других рациональных моментов «Гулливера», только что подвергнутых столь жесткой оруэлловской критике.

.255. В начале эссе Оруэлл говорил, что в четвертой части Гулливер вдруг превращается в человеконенавистника, «нерелигиозного отшельника», единственная мечта которого – жить в обществе хойхнхнмов и не видеть ненавистных ехузов; – в предыдущих частях, хоть те и были критическими и язвительными, но столь радикальный финал «не был очевидным».

.256. Признаем существование указанного Оруэллом факта, но задумаемся над ним более глубоко. Мы знаем, во-первых, что Свифт начал писать «Гулливера» в 1720 году; во-вторых, что издана книга была в 1726 году; и, в-третьих, что четвертая часть была написана раньше третьей. Следовательно, тот довольно неожиданный перелом, о котором говорит Оруэлл, наступил, когда были написаны две части книги, а остальные две были еще впереди, т.е. – наступил как раз в середине книги.

.257. Тогда, чтобы датировать хронологически этот момент, мы можем ориентировочно разделить по-полам тот интервал времени, в который «Гулливер» создавался (1720–1726), – и получим 1723 год. Теперь полистаем назад наше сочинение до разделов о жизни Свифта и посмотрим, не произошло ли именно в этот год какое-нибудь особое для автора событие? Да! – 2 июня 1723 года покончила с собой Ванесса, предварительно распорядившись в завещании, чтобы были опубликованы письма Свифта к ней и чтобы весь мир таким образом узнал, сколь Свифт был жесток, как она страдала и как он ее мучил.

.258. Ну, и после этого Гулливер воспыхает ненавистью к человеческому роду и телу, а Свифт затоскует по эвтопии лошадей, где нет больше страданий и наконец-то достигнут желанный покой...

§19. О реакционных взглядах

.259. Цитаты из эссе Оруэлла мы закончили словами, что политические цели Свифта «были в целом реакционными». С этим в принципе, пожалуй, можно согласиться. Но по контексту видно, что Оруэлл придает этому слову отрицательное значение. «Реакционный» у него нечто вроде ругательства, а «прогрессивный», надо полагать, нечто, наоборот, положительное.

.260. В другом своем эссе («Заметки о национализме» [77]) он – под национализмом, «за неимением лучшего слова», понимая вообще любое ограниченное мышление в примитивных стереотипах –, критикует тех, кто при таком способе мышления навешивают на противников различные ярлыки, как будто после этого все уже ясно. Применим это положение к самому автору и согласимся, что навешивание ярлыков «прогрессивный» или «реакционный» еще ничего не решают, и следует разбираться более глубоко по существу дела.

.261. Слово «прогресс», видимо, означает, что в положении цивилизации вводятся какие-то новшества и что-то меняется. Если человек «реакционный», то это, очевидно, означает, что ему эти новшества не нравятся и что он предпочел бы сохранение старого. Старое положение он оценивает более положительно, чем новое. Другому, «прогрессивному», человеку, наоборот, не нравится именно старое положение, а новшества он одобряет.

.262. Таким образом, каждый из них что-то любит и одобряет, а что-то не любит и рад был, если бы это исчезло. Разница только в том, что именно одобряется, а что не одобряется. Но какие у нас есть причины отдавать предпочтение именно второму, а не первому мнению, кроме нашего собственного отношения к прежнему положению в том или ином вопросе и к каким-то конкретным нововведениям?

.263. Возьмем чисто умозрительный пример из наших дней. Допустим, на берегу реки Гауя построена фабрика мобильных телефонов. «Прогрессивный» человек радуется: будет больше

телефонов, рабочих мест и т.п. – это прогресс. А «реакционный» человек злиться: опять вырублены сосны, нет больше тропинки, гуляя по которой он слушал соловьев... Соловьи для него неизмеримо важнее, чем мобильные телефоны.

.264. Из такой постановки вопроса видно, что «реакционными» окажутся люди, которые по каким-то причинам будут воспринимать новшества как угрозу чему-то ценному, дорогому, любимому. Соглашаясь, что Свифт был в общем «реакционным», мы отсюда можем сделать вывод, что новшества он воспринимал именно так: как угрозу разрушения.

.265. В поисках причин такого восприятия мы можем еще раз вспомнить о его болезни: не удивительно, если различные страхи (даже и не связанные прямо с болезнью) больше характерны для больных, чем для здоровых людей. Но дело не только в этом. Видимо, Свифт еще и больше любил настоящее (и тем более прошлое, особенно античное), чем «прогрессивный» человек – глубже вникал, больше о нем знал и т.п. И, в-третьих, возможно, что он вдобавок еще и видел вперед дальше и яснее, чем «прогрессивный» человек.

.266. Лошади в эвтопии Свифта поддерживают население на одном уровне и не размножаются в геометрической прогрессии, как люди. Почему? Не потому ли, что Свифт видел и понимал последствия неограниченного роста? Для «прогрессивного» человека рост населения, рост благосостояния (т.е. потребления людьми различных ресурсов) – это однозначно хорошо; это – прогресс. А для «реакционного» человека – это угроза.

.267. В наше время на катастрофически перенаселенной Земле от продуктов жизнедеятельности людей уже во всю работает «парниковый эффект», тают – с геологической точки зрения молниеносно – ледники Гренландии, Аляски и Антарктиды. Через – самое большое – несколько десятилетий значительная часть Европы будет под водой. Тогда у тех, кто лишился дома, можно будет спросить их мнение: кто же в конце концов был умнее – прогрессивный или реакционный человек?

.268. Далее Оруэлл упрекает Свифта, что тот, хоть и ругал лордов и других вельмож, но *«не создается впечатления, будто он о простых людях думает лучше»*. А почему, собственно, он о «простых людях» должен думать лучше? Было бы даже странно, если бы он думал о них лучше; это противоречило бы всей его идеологической концепции. Его фундаментальный ответ Мору в том и состоял, что из людей нельзя образовать идеальное общество – ни из каких: ни из лордов, ни из «простых».

.269. По истории мы знаем, что господствовал в некоторых местах одно время такой стереотип: все, имеющее «пролетарское происхождение», лучше «буржуазного». Но привела ли в тех местах «диктатура пролетариата» к обществу, лучшему, чем прежнее? И если не привела, то – почему? Не потому ли именно, что «простые люди» оказались ничем не лучше «лордов»?

.270. Дальше: у Свифта хойхххны почти во всем согласны между собой и удивляются, как можно *«с равным Правдоподобием отстаивать обе Стороны Дилеммы»*, а Оруэлл видит в этом ограничение свободомыслия. Но катастрофический разброс враждующих людских мнений происходит в первую очередь от того, что каждый из них воображает, будто его мнение и есть Абсолютная Истина. Истинный бог – Яхве, или истинный бог – Аллах, или евреи – источник зла, или реакционный – это плохой, и т.д. и т.п. – всего не перечислишь.

.271. Однако действительно умные люди мыслят не так. Они понимают, что в основе всякого мнения лежат те или иные предположения (постулаты), которые легко могут быть заменены на другие. Поэтому между людьми, ставшими на такую точку зрения, разногласий действительно очень мало. Если они даже и отдают предпочтение разным постулатам, то это у них не вызывает той войны взглядов, которая неизбежно возникает, как только кто-то пытается выдать свое мнение за Абсолютную Истину.

.272. Так как у Свифта изображено не общество людей, а разумных существ, то вполне естественно будет ожидать, что разногласий между ними мало, так как они согласны в основном: что всякая истина относительна и что на любой вопрос можно посмотреть с разных сторон. Если на носителей ехузовской Абсолютной Истины они взглянут сверху, с некоторым презрением, то это вполне естественно – разумные существа и не могут на это иначе смотреть.

.273. Оруэлл говорит, что *«в тоталитарном обществе гуигнгнмов» «единственным судьей и регулятором поведения становится общественное мнение»*, которое *«хуже любой системы права»*. Действительно, в обществе ехузов – т.е. людей, какие они на самом деле есть, – общественное мнение может быть хуже права, потому что это мнение – просто один из вариантов той же Абсолютной Истины. Но в обществе, в котором в качестве незыблемого основного положения принят принцип относительности любой точки зрения – в обществе

действительно умных существ – ни о каком «тоталитаризме», конечно, не может быть и речи. Например, общественное мнение Нобелевских лауреатов, пожалуй, никогда не будет хуже, чем система права, когда-то введенная в СССР Сталиным и Вышинским.

.274. В таком духе мы могли бы еще долго возражать Оруэллу, но, пожалуй, достаточно. В целом мы считаем критику Оруэлла несправедливой. Нам представляется, что он не понял фактически ни одной из основных установок Свифта. Свифт сквозь иносказательные образы нам говорит: «общество людей-ехузов раздирают войны взглядов, и иначе у них быть не может; только разумные существа на разумной основе пришли бы к единодушию». А Оруэлл возражает: «в обществе людей-ехузов обязательное единодушие приведет к тоталитаризму». И так далее, – всегда невпопад.

.275. Справедливости ради надо отметить, что Оруэлл, хоть и не согласен со Свифтом идейно, хоть и называет его своим противником идеологически и относится крайне неуважительно к его личности, тем не менее считает «Путешествия Гулливера» одним из величайших творений человеческой души. «*Доведись мне составить список из шести книг, которые надлежало бы сохранить при уничтожении всех остальных, я не колеблясь включил бы в него «Путешествия Гулливера»*» – пишет он ([105], с.377).

.276. Мы же видим в Свифте не только гениального писателя и сатирика, но и великого мыслителя, который сумел заглянуть в корень различных проблем гораздо глубже многих своих предшественников, современников и потомков. Конечно, на жизнь и творчество Свифта наложила (весьма тяжелый) отпечаток его болезнь; конечно, кое в чем сказывается «историческая ограниченность» взглядов его времени, но величие идей, сознательно зашифрованных Свифтом в качестве его ответа Томасу Мору, не могут не поражать.

.277. Оруэлл, кажется, так и не заметил этого свифтовского фундаментального ответа на «Утопию»: идеальное общество невозможно, пока люди остаются людьми. А если и заметил, то оценил это как «*неспособность Свифта поверить, что жизнь можно сделать так, что стоит жить*».

.278. И теперь мы переходим к роману самого Оруэлла, чтобы посмотреть, можно ли по пути Мора сделать жизнь такой, чтобы стоило жить.

Глава 3. Атопия Джорджа Оруэлла

1998.12.25 21:03 пятница, Рождество
(через 24 дней, 4 часов, 56 минут)

§20. Антиутопии

.279. Здесь в нашем исследовании как будто проходит ось симметрии: мы рассмотрели две – пусть и очень разные – «положительные утопии» и выслушали двух их авторов, имеющих прямо противоположные взгляды о том, можно ли осуществить идеал справедливого общества. Благополучный во всей своей жизни (за исключением последних трех лет) Томас Мор сказал, что это возможно, если отменить частную собственность, а неблагополучный и больной Джонатан Свифт ответил, что невозможно, потому что люди к этому не приспособлены.

.280. Теперь же, если оставаться в кругу выбранных нами четырех авторов, мы попадаем в царство т.н. «антиутопий», где «все наоборот», как в зеркальном изображении. Решив, что раз уж повиноваться такому принципу зеркального отражения, то повиноваться решительно во всем, мы с настоящего места, с этой оси симметрии меняем местами все в нашем изложении. Хронологически более позднюю работу Оруэлла мы рассмотрим перед более ранней работой Хаксли, и начнем с общих идей, оставляя биографии авторов и характеристику их времени на потом.

.281. Распространенное слово «антиутопия» мы находим неудачным. Если «Утопия», как мы помним, означает «место которого нет, но которое могло бы и быть», то что означает «Антиутопия»: место, которое есть? Или которого нет и быть не может? Если же мы хотим говорить о месте, где все плохо, то оно антипод эвтопии, а не утопии...

.282. Переходя к роману Джорджа Оруэлла «1984» и, согласно только что принятому принципу зеркального отражения, при этом начиная не с частных, а с самого общего тезиса, который будет лейтмотивом проходить через все наше рассуждение, мы объявляем сейчас, что «антиутопия» Оруэлла есть Атопия, то есть: «место, которого нет и быть не может» – и как

таковая она на самом деле является еще более глубоким противопоставлением моровской «Утопии», чем это было задумано самим автором.

.283. Тот факт, что роман «1984» есть противопоставление всем прежним утопиям, как литературным, так и осуществленным в жизни, в общем-то никогда не вызывало ни у кого сомнения, но специально на моровскую «Утопию» указывает, например, такая знаменательная деталь, как приложение о «новоязе», присоединенное к роману. Вспомним, что, начиная с базельского издания 1517 года, единственного, отредактированного самим Мором, к «Утопии» присоединилось приложение с описанием языка и алфавита утопийцев, а также стихи «на утопийском языке». Отметим также, что, согласно тексту Мора, в Утопии существовали два языка: старый (на котором, например, начальник 30 городских общин назывался «сифогрантом») и новый (на котором это должностное лицо именовалось «филархом»).

.284. Итак, мы полагаем, что роман Оруэлла «1984» правильнее всего будет называть «атопией», заменив выбранную Мором греческую отрицательную частицу («у-») на ту, которую он отверг («а-»). Почему же мы считаем, что нарисованного автором в этом романе общества не только нет (никто, конечно, и не утверждает, что оно где-то реально существует), но и быть не может? Ведь существовали же при жизни Оруэлла тоталитарные режимы Гитлера (с которого он списал примерно 5–10% реалий) и Сталина (у которого взяты остальные 90–95%).

.285. Казалось бы: еще чуть-чуть, еще немножко довести сталинский режим «до совершенства» – и получим общество, изображенное у Оруэлла. Но дело в том, что это «чуть-чуть» как раз и невозможно. Сталинский режим и был тем самым страшным, что реально возможно при роковом стечении обстоятельств: когда страной правит параноик (это не ругательство, а серьезный диагноз, поставленный одним из лучших и наиболее знаменитых русских невропатологов и психиатров В.М. Бехтеревым, диагноз, из-за которого ученый был убит в 1927 году), – сталинский режим был самым страшным, что реально возможно при том, что в стране имеется достаточно широкий слой людей, искренне окрыленных поднятым революцией энтузиазмом, пусть и на самом деле неоправданным, но тем не менее настоящим, – и при том, что люди есть такие, какие они есть.

§21. Атопия

.286. В романе Оруэлла за Уинстоном Смитом (а также за бесфамильной Джулией и всеми остальными членами «внешней партии») осуществляется тотальная слежка. Во всех комнатах – и дома, и на работе в Министерстве Правды – стоят «мониторы», которые не только передают пропагандистские сведения, но и позволяют видеть находящихся в комнате людей (т.е., говоря современным языком, эти устройства объединяют в себе телевизор и телекамеру). Чтобы спрятаться от монитора, Уинстон дома залезает в нишу, с которой ему повезло в его квартире, и пишет там свой дневник. На дневнике он оставляет пылинку, чтобы видеть, не брал ли кто-нибудь его записную книжку в его отсутствие, и эта пылинка всегда оказывается на месте, хотя, как потом выясняется, дневник брали и читали. На вокзале, на лесной тропинке, где Уинстон прогуливается с Джулией, в аллее парка могут быть и действительно бывают спрятаны микрофоны. Про кабинку в туалете Уинстон «точно знает», что ничто не просматривается так тщательно, как эти кабинки...

.287. Атмосфера тотальной слежки в романе создана такая, что вряд ли можно найти где-нибудь в литературе еще что-нибудь сравнимое по своей интенсивности и подавляющей полноте. Но в романе Оруэлла все изображается только с одной стороны – с точки зрения преследуемых. Мы, однако, попробуем себе представить и другую сторону – преследующих. Чтобы просматривать изображения, поступающие с огромного количества мониторов, чтобы прослушивать тысячи или даже миллионы микрофонов, чтобы просматривать и прослушивать все это круглосуточно, должна быть задействована гигантская армия сыщиков. Каждому, кто может действительно представить себе технические детали такого мероприятия, будет ясно, что эта армия сыщиков должна быть намного больше, чем контролируемое ими общество. Например, в позднем СССР, когда КГБ следило за диссидентами, «филеров», задействованных в этом деле, было в десятки раз больше, чем численность самих диссидентских групп.

.288. В подавляющем большинстве случаев из мониторов и микрофонов не поступит ничего подозрительного – ведь все люди же крайне осторожны. Следовательно, чтобы не пропустить что-то действительно подозрительное, сыщики должны быть предельно внимательными и собраны, и должны сохранять такую напряженную готовность месяцами, годами.

.289. Мы утверждаем, что это невозможно. Ни одна организация – тем более такая многочисленная – не может работать столь совершенно. В реальной жизни солдаты в Советской армии, несшие «боевое дежурство», напивались и уходили в «самоволки», офицеры, обязанные запускать глушители на все западные радиостанции, часто оставляли «окна», где сами прослушивали новости «радиоголосов», и даже штатные сотрудники КГБ иногда переходили на сторону диссидентов (см., например, публикацию [57] в журнале «Юность» № 6 1991 года о капитане КГБ Викторе Орехове, который предупреждал многих диссидентов об ожидаемых арестах и обысках, в том числе помог в январе 1977 года скрыться председателю советского «Хельсинкского комитета» доктору Юрию Орлову, и был потом осужден на 8 лет лагерей).

.290. Итак, изображенная Оруэллом тотальная слежка могла бы быть осуществлена только в том случае, если бы в ней были задействованы не «обычные» люди – такие, какими они на самом деле являются –, а какие-то совершенные существа, но совершенные во зле. На самом деле люди несовершенны – как в отношении добра, так и в отношении зла.

.291. Здесь, мы можем снова сопоставить моровскую «Утопию» и оруэлловский «1984»: и в том, и в другом случае для осуществления описанного общества требовалось бы определенное совершенство людей. Но в отношении Утопии мы можем указать, какие именно люди требовались бы для ее осуществления, и можем убедиться, что такие люди действительно в мире существуют: Утопия реализовалась бы, если бы все люди были такими же, как сам Томас Мор. Но в отношении «1984» мы не можем повторить этот же «ход мыслей»: если бы все люди были такими, как сам Джордж Оруэлл, то мы НЕ получили бы такого общества, какое описано в его романе.

.292. Тогда мы можем спросить себя дальше: а какие же люди требовались бы для осуществления общества «1984», и существуют ли такие вообще «в природе»? Если общество будет состоять из одних только преступников – смогут ли они создать организацию, функционирующую столь слаженно и безотказно? Нет, – преступники еще более безответственны и эгоистичны чем «обычные люди», и их организация развалилась бы еще быстрее, чем составленная из «нормальных» людей, – и сползла бы к обычной драчке между группировками и кланами (что мы и наблюдаем в реальной жизни в виде постоянных мафиозных «разборок»).

.293. Таким образом, мы видим, что моровская Утопия нереализуема, потому что не все люди такие, как Томас Мор, однако в принципе она была бы осуществима, ибо требующиеся для ее реализации люди в обществе вообще-то все-таки имеются. Мы можем (мысленно) взять реальных, существующих людей – таких, как сам Томас Мор –, составить общество исключительно из них, и тогда мы получим Утопию.

.294. Но то же самое мы не можем повторить с «1984». Нет на Земле таких людей, которых мы могли бы (в мыслях) взять, составить общество из одних только них, и получить тогда ситуацию, изображенную Джорджем Оруэллом. Поэтому мы и называем здесь первую вещь Утопией, а другую Атопией со всеми теми ассоциациями, что создаются разницей смыслов обеих греческих частиц отрицания.

.295. Теперь нас интересует вопрос, отдавал ли себе отчет Оруэлл в том, что описанного им общества быть не может. Ведь писатель может описать в своем сочинении и что-то такое, в невозможности чего сам совершенно уверен. Не можем же мы, например, заподозрить Свифта, будто он серьезно полагал, что лошади могут быть наделены разумом и разговаривать. Однако, если не иначе, то по общей концепции книги и по биографическим данным самого писателя всегда видно, преподносил ли он в своем сочинении то или иное положение как реальность (пусть потенциальную) или как заведомый вымысел.

.296. И в отношении Оруэлла нам представляется, что вся концепция романа «1984», весь его исторический контекст, а также биография автора, свидетельствуют, что Оруэлл (и не только он) воспринимал описанное там общество как потенциально возможное. Он даже и сам говорил: *«Я не верю, что общество, которое я описал, обязательно НАСТУПИТ, но я верю (учитывая, разумеется, тот факт, что книга – все-таки сатира), что что-то похожее МОЖЕТ наступить»* ([105], с.421).

.297. Но, допуская потенциальную возможность существования такого общества, Оруэлл тем самым фактически придерживался мнения о людях худшего, чем они есть на самом деле. «Вы еще мерзостнее, чем вы есть!» – он если не кричал, то говорил своим братьям. И если у Свифта это было в значительной степени сознательной гиперболой, то у Оруэлла это является неосознанной глубинной установкой, вылезавшей наружу даже против его собственной воли и против осознанного замысла.

.298. Оруэллу весь мир представлялся полным таинственного, непонятного, необъяснимого зла. В разбираемом нами романе многократно появляется образ: Уинстону Смиуту снится стена тьмы, за которой скрыто что-то страшное, но неизвестно, что именно (или потом он вспоминает этот сон и думает об этом). Как «Утопия» Мора отражала внутренние установки ее автора, так и роман «1984» отражает установки самого Оруэлла. Стена тьмы, пусть и не в буквальном смысле, скрывающая что-то страшное, несомненно была постоянным его мироощущением. Когда кончилась война, он, например, не верил, что правительство отменит продуктовые карточки и говорил всем своим друзьям, что «они этого никогда не сделают» и что ожидается установление диктатуры. Он и здесь был худшего мнения о людях, чем они того заслуживали в действительности.

.299. «Стена тьмы» отображает на самом деле не что иное, как непонимание, незнание самим Оруэллом процессов, происходящих «за этой стеной», т.е. в реальной жизни. Эти процессы, их истинные действующие пружины и механизмы представлялись ему «тьмой» – именно потому, что он их не знал и не понимал. Не понимал он и сущности происходящего в современном ему Советском Союзе – и только поэтому и мог он экстраполировать советские явления до (невозможных на самом деле) пределов романа «1984». Если бы он понял, что фактически произошло в СССР, то сразу бы увидел и невозможность тех пределов, до которых он советскую реальность расширил в своей книге.

.300. Обрисуем очень коротко – лишь в самых самых основных чертах – что же произошло в Советском Союзе. Общество перед революцией в России было в целом несправедливо: вслед за Томасом Мором можно было говорить про *«заговор богатых, под предлогом и под именем государства думающих о своих выгодах... И эти очень плохие люди со своей ненасытной жадностью поделили между собой всё то, чего хватило бы на всех»*. Социалистическая революция, следуя идеям Платона – Мора – Маркса – Ленина, устранила частную собственность, ожидая вслед за этим исправления людей. Но это не произошло. Нашлись и без частной собственности другие средства, как установить неравенство людей: высокие посты, государственные дачи, особое снабжение и другие привилегии. За эти привилегии пошла новая «драка» («Драка за Кресло» – это выражение Сталина времен его борьбы с Каменевым и Зиновьевым, сказанное им в ответ на вопрос Стасовой – одной из ветеранов партии).

.301. Прежние парии оказались не только не лучше свергнутых участников «заговора богатых», но и намного хуже: большинство прежней элиты были все-таки людьми высокообразованными и воспитанными в духе определенных идеалов, в то время, как новые участники «заговора власть имущих» очень часто имели мораль обыкновенных уголовников. Мировая война, потом гражданская война приучили к безнаказанному употреблению оружия; идеалы небывалого общественного переворота – идеалы в целом справедливые, хоть и, как оказалось, неосуществимые – и небывалые надежды на будущее окрылили миллионы вполне честных людей огромным энтузиазмом и одновременно ослепили их, не позволяя им увидеть фактическую сущность происходящего и оказать должное сопротивление «заговорщикам». Маркс понимал «диктатуру пролетариата» как доминирование рабочих в обществе через голосование в таких условиях, когда они составляют большинство в развитом индустриальном обществе, а вооруженное восстание предполагал необходимым только в том случае, если демократия подавлена тиранией меньшинства и поэтому доминирование через выборы невозможно. Ленин же истолковал «диктатуру пролетариата» как право от имени пролетариата устанавливать тиранию вождей без всяких выборов.

.302. Во всей этой неразберихе власть захватил Сталин как самый аморальный из всей большевистской верхушки, и начал террор против всех своих соперников и против всех ему потенциально опасных слоев населения. Стержнем происходившего в СССР была личная диктатура Сталина; все наблюдаемые явления получают объяснение исходя из этого; из этого вытекают все истинные мотивы, определяется, что может и что не может происходить при этом.

.303. Оруэлл, как мы уже говорили, сущности происходившего в его время не понимал, и наблюдаемые явления ему казались страшными, но загадочными и непонятными (страшными они и действительно были, но не загадочными). В романе «1984» диктатор фигурирует – это Большой Брат. Его «титул» является скрытой ссылкой на «Город Солнца» Кампанеллы: там у него говорится, что соларины не смотрели на своего предводителя как на государя, а почитали его *«как отца или старшего брата»*. При Оруэлле название «Отец» было занято (Сталиным), и он использовал вторую альтернативу, предоставленную Кампанеллой. Бреджес, автор книги «1985» [55], уверяет, что название «Большой Брат» было взято Оруэллом с печатной рекламы, где

симпатичный мужчина предлагал: «Позвольте мне быть вашим старшим братом!» и советовал купить пасту или лезвия. Плакаты с лицом Большого брата и бритвенные лезвия, фигурирующие в романе, пожалуй, подтверждают эту мысль, но мы полагаем, что при этом Оруэлл помнил также Кампанеллу и именно поэтому зафиксировал свое внимание на такой рекламе.

.304. Итак, диктатор в романе фигурирует. Однако Большой брат Оруэлла безличен. У него нет даже имени, только «титул»; по ходу романа Уинстон Смит пытается узнать, существует ли на самом деле Большой брат – но так и не узнает, ибо ответ О’Брайена, что Брат существует, но, «естественно», никогда не умрет, заставляет скорее предположить, что речь идет не о конкретном физическом лице, а о собирательном символе. Таким образом, в романе, в отличие от реальной жизни, все обстоятельства уводят нас в сторону от мысли, что сущность происходящего заключается именно в обычных попытках обыкновенного тирана удержать свою собственную власть.

.305. Нельзя, правда, сказать, чтобы такое понимание сущности происходящего в современном Оруэллу Советском Союзе было ему совершенно чуждо. В «Ферме животных», написанной за 4–5 лет до романа «1984», все построено именно на этом понимании: там нет никаких таинственных мощных и слаженно действующих организаций, а просто обыкновенные поросята, выросшие в свиней, добиваются себе все новых и новых привилегий. Однако, видимо, такое понимание дела казалось Оруэллу упрощенным и не совсем соответствующим действительности; в романе «1984» он захотел построить уже целую концепцию (потенциально возможного по его мнению) развития общества, экстраполируя тенденции своего времени за реально наблюдаемые пределы. Но мы находим эту его концепцию ошибочной.

.306. Не удовлетворяясь изложением своей концепции одними только художественными средствами, Оруэлл в романе «1984» дает ее и «открытым текстом» в виде читаемой Уинстоном книги, якобы написанной Гольдштейном, но «на самом деле» О’Брайеном и его соавторами. Согласно этой концепции, общество всегда делилось на три главных слоя: Верхние, Средние и Нижние. Сущность происходящего в оруэлловской Океании заключается в том, что в результате революции 1950–1960-х годов в Океании (включавшей прежние Британскую империю, США и Латинскую Америку) к власти пришла группировка, ставшая Верхними (в виде Внутренней партии) и задавшаяся целью утвердить неравенство общества (и свою власть) навечно. В понимании того, каким образом это можно осуществить, они превосходят всех своих предшественников. Оруэлл (или Гольдштейн, или О’Брайен) пишет:

.307. «После революционного периода пятидесятых и шестидесятых годов общество вновь разделилось на Высших, Средних и Низших. Но новые Высшие, в отличие от своих предшественников, руководствовались не интуицией, они знали, как сохранить свое положение. Уже давно стало ясно: единственной надежной основой олигархии может быть только коллективизм. Богатство и привилегии легче всего защитить, когда ими владеют сообща. Так называемая «ликвидация частной собственности», имевшая место в середине века, на самом деле означала концентрацию собственности в руках более узкого круга лиц. Разница состояла в том, что новые собственники были теперь сплоченной группой, а не отдельными индивидуумами. Ни один член Партии сам ничем не владеет, за исключением немногих личных вещей. Но коллективно Партия владеет в Океании всем, потому что она все держит под контролем» ([105], с. 163).

.308. Там же рядом сказано, что во Внутренней партии имеется 6 миллионов членов и что они составляют 2% населения государства (а 85% составляют «пролы», следовательно, на Внешнюю партию остаются 13%). Шесть миллионов – это именно столько же, сколько, как мы помним, было всего населения на острове Утопии. Итак, нас хотят убедить, что в Утопии было невозможно, чтобы (ради благородной цели) шесть миллионов человек, сообща владели богатствами страны и считали эту собственность действительно своей, берегли ее и заботились о ней, а в Океании возможно, чтобы (ради подлой цели) шесть миллионов человек, сообща владея богатствами страны, ощущали эту собственность как свою и т.д.

.309. Никогда шесть миллионов человек не могут выступать как «сплоченная группа»; на самом деле даже группа из шести человек скоро поругается между собой и начнет конфликтовать. Вновь и вновь Оруэлл своей книгой демонстрирует (скрыто присутствующую у него) мысль, что такая сплоченность и сотрудничество людей, какие невозможны для благородной цели, в то же время возможны для осуществления цели злой.

.310. Каковы же те привилегии, ради которых шесть миллионов человек способны на такой подвиг единства?

.311. «Привилегированные группы населения тоже преднамеренно держат на грани лишений, поскольку всеобщая нехватка повышает значение маленьких привилегий и таким образом увеличивает различия между отдельными группами. По меркам начала двадцатого столетия даже член Внутренней Партии ведет аскетическую трудовую жизнь. И тем не менее та роскошь, которую он все же имеет, – хорошо обставленная большая квартира, одежда из хорошего материала, еда, вино и табак более высокого качества, двое или трое слуг, личный автомобиль или вертолет – все это отличает его мир от мира, в котором живет член Внешней Партии, а члены Внешней Партии точно так же имеют ряд преимуществ по сравнению с угнетенным большинством, которое мы называем «пролами». Мы живем в социальной атмосфере осажденного города, когда граница между бедностью и богатством определяется тем, достался тебе или нет кусок конины» ([105], с.153).

.312. Итак, в Океании награды в виде «куска конины» оказалось достаточно, чтобы осуществить такую сплоченность людей вокруг аморального дела, какой никогда прежде не видала человеческая история и какую не могла и близко достигнуть обещанная Мором всеобщая духовная умиротворенность утопийцев.

.313. «В принципе принадлежность к любой из этих трех групп не является наследственной» – пишут дальше Оруэлл, Гольдштейн и О'Брайен. – «Теоретически дитя членов Внутренней Партии не принадлежит к ней по рождению. Вступление во Внутреннюю или Внешнюю Партию лежит через экзамены в шестнадцатилетнем возрасте. При этом нет ни расовых предпочтений, ни географических. На самых высших постах в Партии вы найдете и еврея, и негра, и чистокровного индейца из Южной Америки (...). Правителей Океании связывают не кровные узы, а преданность ее общей идее. Разумеется, общество расслоено, причем весьма четко расслоено, и на первый взгляд расслоение это носит наследственный характер. Переход из одной общественной группы в другую случается в нем гораздо реже, чем при капитализме или даже в прединдустриальный период. Между двумя частями Партии происходит определенный взаимный обмен людьми, но такие переходы лишь удаляют слабых из Внутренней Партии и нейтрализуют наиболее честолюбивых из Внешней Партии, давая им шанс продвинуться по служебной лестнице. На практике пролетариям дорога в Партию практически закрыта» ([105], с.165).

.314. «Но такое положение дел совсем необязательно будет сохраняться всегда, во всяком случае, принципиальным оно не является. Партия – не класс в прежнем смысле этого слова. Она не ставит целью передачу власти именно своим детям. И если не найдется другого способа сконцентрировать наверху самых способных, она без колебаний наберет новое поколение руководителей даже из среды пролетариата (...). Суть олигархического правления не в наследовании власти от отца к сыну, а в непоколебимости определенного мировоззрения и образа жизни, которые мертвые диктуют живым. Правящий класс до тех пор правящий, пока он может назначить своих наследников. Партия заботится не о том, чтобы увековечить свою кровь, а о том, как увековечить себя» ([105], с.165–166).

.315. У Оруэлла «партия» всегда выступает как нечто действительно сплоченное и единое, одинаково мыслящее. В действительности любая группа и партия состоит из людей, у каждого из которых имеются свои мысли, свои собственные стремления, свои представления и критерии, в результате чего ни одна группа никогда в истории человечества не могла быть сколь-нибудь сплоченной сколь-нибудь длительное время, даже если ее объединяли идеи гораздо более пригодные для такой цели, нежели просто стремление увековечить власть своего сословия, гарантирующую кусок конины. Церковь распалась на секты и ереси, марксизм разлагался на бесчисленные всевозможные течения...

.316. Сама идея такого кастового правления стара, как мир. В европейской античности ее ярче и дольше всего удалось осуществить греческой Спарте, которая и воодушевила Платона на сочинение им своего диалога «Государство» [84]. Платон, видимо, лучше Оруэлла понимал человеческую природу, так как он не стал утверждать, будто люди, воодушевленные какой-нибудь идеей – у Оруэлла это идея власти «Внутренней партии», у Платона это идея мощи «Государства стражей» –, будто люди откажутся от стремления выдвигать наверх своих собственных детей и «без колебаний наберут новое поколение руководителей даже из среды пролетариата». Поэтому Платон и выдвинул в своем «Государстве» идею, чтобы дети после рождения отнимались у родителей и воспитывались всеми сообща так, чтобы никто не знал, где чей ребенок. Тогда можно будет выдвигать наверх действительно наиболее способных из нового поколения, без всякой протекции родителей.

.317. Но проблема, которая была ясна и существовала для Платона (и которую он так и не смог решить таким способом, чтобы люди с этим согласились) – эта проблема просто не существует для Оруэлла: она исчезла только потому, что речь уже идет не о «Государстве стражей», а о государстве «Внутренней партии».

.318. «В прошлом идею неизбежности иерархического общества обычно проповедовали Высшие – пишет далее Оруэлл. – Ее придерживались короли и аристократы, а также зависевшие от них священники и адвокаты (...). Средние, пока шла борьба за власть, обычно прибегали к таким понятиям, как «свобода», «справедливость» и «братство». Но теперь на идею человеческого братства ополчились люди, которые не имели пока никакой власти, но надеялись захватить ее в ближайшем будущем. В прошлом Средние совершали революции под лозунгами равенства, а потом, сбросив старую тиранию, немедленно устанавливали новую. Нынешние новые Средние фактически заранее провозглашали свою тиранию. Появившиеся в начале девятнадцатого столетия социалистические учения, ставшие последним звеном в цепи философской мысли, рожденной восстаниями рабов едва ли не с античных времен, несли в себе немало утопических идей прошлых веков. Однако все социалистические школы, сложившиеся после 1900 года, так или иначе, но все более откровенно отказывались считать своей целью и свободу, и равенство» ([105], с.161).

.319. Главными прототипами, «заранее провозглашавшими свою тиранию» и «все более отказавшимися считать своей целью свободу и равенство», для Оруэлла, видимо, были коммунисты Ленина и национал-социалисты Гитлера. Действительно, Ленин еще летом 1917 года, до захвата власти в России грозился распустить Учредительное собрание, к выборам которого тогда готовилась вся страна, – распустить, если в этом собрании верх возьмут «буржуазные партии». Гитлер говорил еще до прихода к власти в 1933 году, что если его партия возьмет власть в Германии, то уж никогда ее не отдаст.

.320. Такие позиции «новых Средних» окружавшего Оруэлла мира, очевидно, наводили его на мысль, что действительной целью этих партий и их вождей является «власть сама по себе», и в романе «1984» это положение получило соответствующее отражение в установках О'Брайена и вообще всей «Внутренней партии». В действительности, однако, все было несколько иначе, и мы снова видим, что Оруэлл эту действительность не понимал.

.321. Идеей «власти самой по себе» в чистом виде, возможно, иногда и руководствуются некоторые люди (хотя обычно она почти у всех тесно сплетена с какой-нибудь другой, общезначимой идеей). Но такие люди практически не будут иметь шансов оказаться во главе широкого общественного движения и тем самым шансов осуществить свою идею. Мириады конкурентов будут отпихивать их в сторону с криком из подсознания души: «Почему ты, а не я!?».

.322. Ни Ленин, ни Гитлер на самом деле не руководствовались идеей «власти самой по себе» – и только поэтому они и могли иметь столько преданных им приверженцев, которые в конце концов и привели их к власти. Оба они руководствовались в первую очередь общезначимой для многих – «великой» – идеей, и миллионы людей следовали за ними, увлеченные именно этой идеей и видя в вождях только ее наиболее яркое и последовательное олицетворение. Для Ленина это была идея социалистической революции, преобразования общественного строя, а для Гитлера – идея возвышения германской нации, попорченной после Первой мировой войны, – возвышения ее до тогдашнего положения английской нации – это была идея создания для немцев такой же «Британской империи», какой владели в то время англичане.

.323. Да, оба эти вождя еще до захвата власти не скрывали, что уже не отдадут ее после того, как получат, но это они провозглашали (и не только провозглашали на словах, но и чувствовали внутренне) не ради «власти самой по себе», а ради той великой идеи, осуществление которой им (и миллионам их соратников) казалась достаточно ценной, чтобы ради нее можно было пожертвовать всякими там формальностями типа Учредительного собрания или Рейхстага.

.324. Если бы, например, Гитлер руководствовался на самом деле идеей «власти самой по себе», то после того, как он стал рейхсканцлером и установил свою диктатуру, разумнее всего было бы для него не начинать никаких новых авантюр, а просто пользоваться полученной наконец властью. Тогда не было бы войны, и он спокойно правил бы до естественного конца своих дней. Но, так как он на самом деле руководствовался не просто идеей о власти, а «великой» идеей возвышения германской нации, то он приступил к осуществлению этой идеи, этого плана, что привело к войне и потом к его самоубийству в подвале Рейхсканцелярии.

.325. Можно, пожалуй, утверждать, что идеей «власти самой по себе» (но не для какого-то класса, а для него лично) руководствовался Иосиф Сталин. Но он и не смог возглавить какое-то социальное движение, приведшее к общественному перевороту. Только когда Ленин уже осуществил этот переворот, а Сталин по стечению обстоятельств оказался уже среди «Верхних» очень близко к штурвалу государства, только тогда ему удалось (и то только при условии тщательной маскировки своих действительных намерений общезначимой идеей) осуществить свою личную цель и захватить власть.

.326. Мы не считаем установки Ленина и Гитлера правильными, но мы понимаем, как они оба в действительности рассуждали, и тогда видим, что оруэлловская концепция «власти самой по себе» несостоятельна.

.327. Первоначально Оруэлл назвал свой роман «Последний человек в Европе», но когда оказалось, что похожее название («Последний человек» [101]) уже имеется у Мери Шелли, он на скорую руку переименовал книгу в «1984», поменяв местами последние цифры текущего тогда года. Это наспех данное заглавие является не очень удачным и не выражает ничего, кроме предполагаемого времени действия, поэтому в качестве ориентира нам лучше брать первоначальное название.

.328. В романе вообще нет ни одного положительного героя. О'Брайен, на которого возлагает такие надежды «последний человек» Уинстон Смит, оказывается фанатичным функционером Партии; антиквар Чаррингтон, у которого Смит покупает блокнот для дневника, а потом снимает комнату, оказывается беспощадным агентом Полиции Мысли. Безнадежное предательство повсюду, и даже сами «последние люди» Уинстон и Джулия в конце концов предают друг друга, и над всем миром звучит рефрен:

.329.

Под старым каштаном, при свете дня,
Я предал тебя, а ты – меня...

.330. Во истину: «вы еще мерзостнее, чем вы есть».

.331. Удивительно, но почти все упреки, которые Оруэлл бросал Свифту в своем эссе о нем, на самом деле могут быть отнесены к нему самому или во всяком случае к его роману в гораздо большей степени, чем к Свифту. Оруэлл упрекал Свифта, что тот не верит в «простых людей», не верит, что они лучше лордов, но в романе «1984» «простые люди» – «проль» изображены совершенно безынициативными и пустыми; в Книге, читаемой Уинстоном, под это подводится «теоретическая база»: пролам *«можно вообще предоставить интеллектуальную свободу, поскольку у них интеллекта нет»*. На самом деле, в реальной жизни «простые люди» действительно не лучше «лордов», но в то же время среди тех и других встречаются – и немало – очень талантливые люди.

.332. Оруэлл писал, что Свифт якобы испытывал патологическую брезгливость к человеческому телу и особенно к испражнениям, и «думал об этом постоянно». Однако, читая соответствующие места у Свифта, мы чувствуем всегда отчетливо желание автора издеваться, но именно брезгливость-то и не очень слышна. Зато именно брезгливость звучит всюду, когда Оруэлл описывает вечно сопровождавший Парсонса потный запах или в сцене, когда в тюремной камере Парсонс при Смите испражняется, после чего в воздухе на много часов устанавливается густой смрад.

.333. Упрекать кого-то в чем-то и одновременно самому придерживаться тех же вещей – не с собственной ли психологии списано легендарное оруэлловское «двоемыслие»?

.334. Не следует, однако, думать, будто мы считаем Оруэлла злым, порочным и двуликим человеком. Наоборот, биография его показывает скорее человека преувеличенной, может даже болезненной честности и чувства справедливости. Он не мог допустить, когда в Барселоне его товарищи оказались оклеветанными, и (по мнению критиков) «испортил» свою книгу об Испании их защитой. Он не мог вынести нелепой несправедливости сталинских судебных процессов против Бухарина и других старых коммунистов, и именно это чувство вызвало к жизни его последний роман.

.335. Так что личную честность и справедливость Джорджа Оруэлла мы под сомнение ни в коем случае не ставим. Но мы находим, что при всем его обостренном чувстве справедливости его мысли были довольно путанными, он не мог четко разобраться в происходящем вокруг, не понимал действительных механизмов и сущности общественных процессов, что отразилось на концепции его романа. Он вообще плохо понимал людей, как давно умерших, вроде Свифта, так

и своих современников, не понимал действительных мотивов их поведения и чего можно от них ожидать. Во многом именно это непонимание порождало ту общую подозрительность, которая сопровождала Оруэлла всю жизнь и особенно в конце ее, ту подозрительность, которая граничила почти что уже с манией преследования и породила в его романе как образ таинственной, зловещей стены тьмы, так и атмосферу жуткой, невозможной в реальной жизни, всеобщей слежки и предательства.

§22. Жизнь Джорджа Оруэлла

.336. Хотя Джордж Оруэлл – по настоящему имени Эрик Артур Блэр – родился в XX веке, но точную дату этого рождения не знает даже современная Британская энциклопедия, указавшая лишь год: 1903. Возможно, это потому, что родился он в далекой Индии, в Бенгалии, в местечке Montihāgi. Его отец, по корням шотландский аристократ, был мелким гражданским служащим английской администрации в Индии, а мать была дочерью торговца французского происхождения.

.337. Родители вернулись в Англию, когда сыну было 8 лет; там он окончил хорошие, привилегированные школы в Винчестере (за казенный счет) и потом в Итоне, а в 19 лет (1922 г.) отправился в Бирму служить полицейским. В 24 года, находясь в отпуске в Англии, он вдруг решил не возвращаться в Бирму, осенью 1927 года переделся в старую одежду и стал жить среди рабочих и бродяг; с 1 января 1928 года отчислен из полиции.

.338. Потом он отправился бродяжничать по Парижу, подрабатывал мытьем посуды в гостиницах и ресторанах Франции. Эти приключения он описал в книге «Down and Out in Paris and London» [39], с которой начинается его литературная деятельность. Здесь он и выбрал псевдоним Джордж Оруэлл, в качестве имени взяв имя святого покровителя Англии, а фамилией избрав название шотландской речки.

.339. После возвращения из Бирмы он называл себя анархистом, став литератором, именовал себя социалистом, а потом коммунистом. Когда в 1936 году началась гражданская война в Испании, он отправился туда вместе с женой в качестве корреспондента, однако вступил в милицию Барселоны, которая вскоре была обвинена в троцкизме и измене, и подверглась репрессиям так, что и самому Оруэллу едва удалось спастись, бежав через французскую границу. С этого момента он становится врагом сталинского тоталитаризма. Перед этим он был ранен в горло; пуля прошла в миллиметр от артерии, и он на год потерял голос.

.340. Во время мировой войны он возглавлял индийскую службу Бибиси и работал в 101-м кабинете, потом попавшем в последний роман. В 1943 году он покинул радиофон и стал литературным редактором газеты левых социалистов «Tribune». Там были опубликованы его главные эссе, в том числе о Свифте, национализме и др. В это же время он начал писать «Ферму животных», которую закончил в 1944 и которая, опубликованная в 1945, сделала его знаменитым и относительно богатым.

.341. В это же время (29 марта 1945 года) от послеоперационной инфекции умерла его жена Эйлин, и он переселился в приобретенную им ферму на острове Юра, где роман «1984» в основном и писал, будучи уже смертельно больным туберкулезом. Потеря жены и предчувствие собственной смерти несомненно влияли на общий крайне пессимистический дух последнего романа. Он умер в лондонской больнице 21 января 1950 года, спустя полгода после выхода его наиболее знаменитого романа в свет.

.342. Отметим, что Оруэлл, хоть и окончил привилегированную школу в Итоне, но не имел университетского образования; его «нормальной» профессией была служба полицейского и что для всей его жизни была характерна очевидная психическая неустойчивость, выражавшаяся во внезапном бросании службы, бродяжничестве, шатаниях между анархизмом, социализмом, коммунизмом и антикоммунизмом.

.343. Для анархизма как движения вообще характерна основная идея о том, что личность подавляется государством, но теоретическое обоснование учения при этом крайне слабо. В принципе роман «1984» является типичным творением анархистской мысли – в нем налицо ярко выраженная идея о подавлении личности государством, но теоретическая база не выдерживает критики. В целом Оруэлл по своей психологии был и оставался анархистом – человеком, постоянно ощущающим свой личный психический конфликт с обществом (государством), чувствующим в нем себя обиженным и ущемленным, и в то же время испытывающим чувство

вины перед другими за любое благополучие, – чувство, заставляющее этого благополучия избежать.

.344. Его вторая жена Сони Оруэлл (с которой он обвенчался перед смертью уже находясь в лондонском госпитале) свидетельствовала, что уже в *prep-school* (подготовительной школе) по мнению самого Оруэлла «начали бессознательно копиться материалы для «1984»», что та атмосфера, что изображена в романе, начиная уже с холода и отвратительной пищи, – впервые ощущалась им в этой школе. (Вряд ли это ощущение отражало объективное положение вещей и разделялось также другими учениками; но в качестве субъективного явления ощущение это очевидно имело место).

.345. Некролог Джорджу Оруэллу в его родной газете «Трибюн» написал Артур Кестлер – знаменитый тогда социалист, а позже антисоциалист. Он писал: «Я уверен, что будущие историки литературы увидят в Оруэлле связывающее звено между Свифтом и Кафкой. Его «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо» – это свифтовская классика, но с одной существенной разницей: он никогда не терял веры в благородных йеху» ([80], с.336).

.346. Вряд ли последние слова отражают истинное положение дел. Жизнь писателя и его «черный роман» скорее свидетельствуют, что Оруэлл внутренне всем своим мироощущением не верил «в благородных йеху», но отчаянно надеялся, что ошибается, и постоянно искал свидетельства, могущие доказать, что они все-таки существуют.

§23. Время Оруэлла

.347. «Временем Оруэлла» – как это время повлияло на его роман и отразилось в нем – можно считать вторую половину 1930-х и первую половину 1940-х годов.

.348. Это было время Большого Террора в Советском Союзе, начавшегося после убийства Кирова 1 декабря 1934 года. В 1935 году в Москве состоялся первый судебный процесс над Каменевым и Зиновьевым – бывшими членами ленинского Политбюро. Они были приговорены к тюремному заключению. Но через год, в августе 1936, был организован новый суд, на котором их приговорили уже к смертной казни и сразу после суда расстреляли. Еще до судебных процессов Каменев и Зиновьев несколько раз исключались из партии, потом каялись публично в прессе, были как будто прощены и восстанавливались в партии.

.349. В романе «1984» эти колебания отражены в истории бывших лидеров Партии Джонса, Аронсона и Рузерфорда, которых судили, которые признавались в разных преступлениях, но потом были освобождены, и Уинстон Смит их видел в том же кафе с символическим названием «Под каштаном», в котором в конце романа будет сидеть и он сам. Потом Джонса, Аронсона и Рузерфорда судили еще раз, они признались в еще новых преступлениях, совершенных после освобождения, и их расстреляли.

.350. А в СССР в июне 1937 года был расстрелен маршал Тухачевский – для Запада наиболее известный советский военачальник, – и целая плеяда генералов, таких, как Якир, Уборевич, Эйдеман. В 1938 году состоялись показательные процессы, на которых в невероятных преступлениях признавались бывший член Политбюро Бухарин и другие. На процессах утверждалось, что всей этой подрывной деятельностью якобы руководил Троцкий и его сторонники.

.351. Троцкий, находившийся с 1929 года в эмиграции, энергично разоблачал в прессе эти судебные процессы, публиковал документы, опровергающие приводимые на судах «факты» (например, на процессе утверждалось, что Бухарин тогда-то и там-то встречался с Троцким, получая от него инструкции, а Троцкий документально доказывал, что в указанное время он находился совсем в другой точке Земного шара).

.352. В романе «1984» подобные обстоятельства отразились как газетная фотография бывших лидеров, которая попадает в руки к Уинстону Смигу. По газете десятилетней давности видно, что Джонс, Аронсон и Рузерфорд находились на партийной конференции в Нью-Йорке, а потом на суде утверждалось, что именно в этот день они в Сибири встречались с начальником генерального штаба Евразии.

.353. Несмотря на очевидную фальсификацию московских судебных процессов, многие на Западе – не только социалисты, но и просто либералы, например, Лион Фейхтвангер, – поверили инсценировкам. Именно против этих поверивших в первую очередь и был направлен роман Оруэлла.

.354. Пакт о дружбе и ненападении, заключенный между СССР и Германией 23 августа 1939 года, т.н. «пакт Молотова-Риббентропа» (и его нарушение нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г.) отражаются в романе как постоянные неожиданные смены противника Океании.

.355. Когда с 1941 года СССР стал союзником Западных держав, их руководители и общественность были склонны еще больше прощать Советскому Союзу. «Ферму животных» Оруэллу удалось напечатать лишь с большим трудом. Именно в этой атмосфере максимального дружелюбия Запада к СССР и был задуман и написан роман «1984».

.356. Уже когда роман был готов, Уинстон Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фультоне, которую считают моментом начала «холодной войны». В этой речи Черчилль говорил, что такие европейские культурные столицы как Варшава, Будапешт, Прага, Бухарест и София находятся под властью деспотии. Но Рига, Таллин и Вильнюс им не были упомянуты. Занятие этих столиц Советскому Союзу прощалось даже еще и тогда.

§24. Жизнь черной книги

.357. Первое издание романа «1984» вышло в июне 1949 года [41]. Со знаменитым предисловием Эриха Фромма вышла в 1961 г. [44]. В латвийских библиотеках имеются издания [42], [43].

.358. На латышском языке книга Оруэлла «1984» вышла почти сразу после английского издания: в 1951 году в Стокгольме [38] в переводе В. Карклиньша, но в Латвии она была доступна только подпольно (Гунар Астра, например, был осужден, среди других «преступлений», также за хранение книги «1984»). В 1954 г. в Лондоне вышла «Ферма животных» в переводе В. Скултана [36]. Собственно в Латвии сначала появились в 1988 г. легально привезенные экземпляры этих западных изданий, потом состоялась журнальная публикация «Фермы животных» и, наконец, в 1990 г. обе работы вышли в Риге в одном переплете, выпущенные издательством «Liesma» [37]. Новых изданий пока, видимо, не было.

.359. На русском языке работы Оруэлла тоже выпускались на Западе эмигрантскими издательствами, а также печатались в СССР «закрытыми» тиражами. В советское время эти западные и закрытые издания «ходили по рукам» подпольно, но в латвийских библиотеках их нет. Открыто в СССР роман Оруэлла «1984» впервые был напечатан в журнале «Новый Мир» в №№ 2–4 1989 года [108], и потом в том же году был выпущен в книжном варианте сразу тремя издательствами [104], [107], [106], а в следующем, 1990 году – еще одним [105]. Эти четыре издания имеются в латвийских библиотеках.

.360. В 1989–1990 гг. вышли также не менее восьми изданий сказки Оруэлла, из-за параллельных и одновременных переводов – под четырьмя различными названиями по-русски: «Скотный двор» [105], [103], [79], [80], «Ферма животных» [107], [82], «Скотский уголок» [81] и «Скотоферма» [104].

.361. Вышедший в самом конце 1940-х годов и сразу же переведенный на многие языки мира, роман Оруэлла сыграл большую роль в тогдашних условиях, когда Советскому Союзу прощалось почти все им совершенное – и прощалось не только западными социалистами, но даже и теми слоями, что ярче всего в истории представлены Уинстоном Черчиллем. В этой связи мы можем спросить: случайно ли совпадение имени этого политического деятеля с именем главного героя Оруэлла? В то время имя «Уинстон», во всяком случае во всем «внешнем», «неанглийском» мире ассоциировалось только с одним человеком. Предупреждение о том, во что может превратиться англичанин с самым знаменитым в то время именем и самой распространенной английской фамилией, – это предостережение прозвучало достаточно впечатляюще, несмотря на те фактически имевшие место логические недостатки, которые мы разбирали выше.

.362. Но сегодня, когда угроза тоталитаризма фактически миновала, в рамках нашего исследования о развитии утопической идеи, мы можем сказать, что Атопия Джорджа Оруэлла как теоретический, как идеологический антипод Утопии Мора несостоятельна. Она невозможна в еще большей мере, чем невозможна сама Утопия.

§25. Две антиутопии

.363. 4 января 1946 года Джордж Оруэлл опубликовал в газете «Tribune» небольшую статью [40] «Обзор. «Мы» Е.И. Замятина». Основной смысл статьи сводится к тому, что английским издателям следовало бы выпустить эту книжку Замятина, а публике надо бы следить

за новинками и ждать ее (в статье Оруэлл говорит, что «Мы» Замятина никогда не издавались по-русски, но были опубликованы английский, французский и чешский переводы; по-английски книга вышла в США, и Оруэллу не удалось ее достать – он читал Замятина на французском языке). На фоне этой главной идеи Оруэлл сравнивает «Мы» Замятина [59] с «Бравым новым миром» Олдоса Хаксли [7] и заключает, что: 1) книга Хаксли явно навеяна книгой Замятина; 2) что у Хаксли проблема «человеческой природы» в сущности решена, потому что при помощи изначального выращивания организма, лекарств и гипнотического влияния люди приспособлены к их назначению и всегда довольны своим положением; 3) у Замятина же ситуация намного больше созвучна с нашей реальной ситуацией и рассматривается конфликт между личностью и обществом.

.364. Эта статья Оруэлла особенно интересна нам потому, что она была написана в промежутке времени между «Фермой животных» и романом «1984», написана непосредственно перед началом работы над последним романом, и тем самым она раскрывает тот круг идей, в котором Оруэлл тогда вращался и который очевидно определял замыслы романа.

.365. Итак, несомненно, что центральное место в этом кругу мыслей у Оруэлла занимали «Мы» Замятина и «Бравый новый мир» Хаксли – их сравнение, противопоставление, их спор и столкновение. И роман «1984», следовательно, представляет собой ответ Оруэлла обоим этим авторам, является выражением собственного мнения Оруэлла по данному вопросу.

.366. Если, уяснив этот факт, мы теперь взглянем на роман Оруэлла с целью уяснить себе этот его ответ, то увидим, что автор не просто «на стороне Замятина», но и превосходит его, рисуя еще более мрачное, жестокое общество и еще более острый конфликт.

.367. Относительно же общества, нарисованного Олдосом Хаксли, Оруэлл в упомянутой статье пишет, что *«трудно поверить, будто такое общество может появиться»*. В самом романе «1984» (в «книге Гольдштейна») тоже говорится, что *«конечно, нетрудно придумать такую модель общества, в котором богатство (...) будет распределяться поровну, в то время как власть останется в руках небольшой привилегированной касты. Но на практике такое общество не может быть стабильным очень долго»* ([105], с.152).

.368. Мы, однако, не согласимся с Оруэллом ни относительно Хаксли, ни относительно его, Оруэлла, собственного романа. Нам представляется, что весь ход развития человеческого общества как раз движется к тому положению, что изображено Олдосом Хаксли, в то время как общество, изображенное в «1984», существовать, как мы убедились, не может.

.369. Но нас этот вопрос интересует с другой точки зрения: в контексте идей Мора и Свифта.

.370. Итак, Мор своим трудом представил нам Утопию – общество, которого нет, но которое могло бы существовать – при условии, что все люди будут такими же, как сам Мор. Он ошибочно полагал, что это условие выполнится, если отменить частную собственность.

.371. Свифт изобразил Эвтопию – общество созданий, избавленных от страданий (при этом полагая, что в обществе людей таких, какие они есть, подобное состояние невозможно).

.372. Оруэлл нарисовал Атопию – общество, которого нет и которое существовать не может. Если же оно могло существовать, то представляло бы собой самое жесткое отрицание моровской Утопии.

.373. И, наконец, Хаксли показал общество, которое мы назовем Дистопией, потому что оно, возможно, не совсем привлекательно, и к рассмотрению которого теперь переходим.

Глава 4. Дистопия Олдоса Хаксли

2000.04.27 12:54 четверг

(через 1 год, 4 месяца, 1 день, 15 часов, 51 минуту)

§26. «Осуществление утопий»

.374. Литературовед Алексей Зверев писал в послесловии к одному из русских изданий «Бравого мира» Олдоса Хаксли, касаясь этой книги на фоне антиутопий вообще:

.375. «Высвечивалась драма, ожидающая каждого, кто как личность не растворился в единомыслии, взаимопользовании и прочих непререкаемых установлениях самого прогрессивного из всех прогрессивных обществ, однако освободиться от его принципов тем не менее не смог, остался его затосковавшим пленником. Эта вот драма будет постоянно повторяться в антиутопии,

становясь стержнем повествования. И в ней отразится один из важнейших процессов духовной жизни нашего времени – разочарование, побудившее отвергнуть самые совершенные доктрины прогресса, если необходимым его условием оказывается насилие над индивидуальностью, лишаемой свободы выбора, суждения и поступка» ([100], с.345–346).

.376. Вряд ли можно сомневаться в том, что сам Олдос Хаксли (хотя бы в принципе) согласился бы с этим утверждением. Разочарование автора и сомнения его в прогрессивности и целесообразности современного ему промышленного западного общества в книге выступают отчетливо. (Несмотря на вплетенные в рассказ имена персонажей, такие как Ленайна, Троцкая и Маркс, в целом книга направлена в основном против тенденций тогдашнего западного, а не тогдашнего социалистического общества).

.377. В качестве эпиграфа к своему сочинению Олдос Хаксли поставил слова Николая Бердяева «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать их окончательного осуществления...».

.378. В наши дни человечество, похоже, благополучно избежало осуществления социалистических «утопий», которые были главной мишенью в сочинении Оруэлла, но тем более актуальными стали «утопии» западные. (И именно поэтому мы оставили рассмотрение книги Хаксли в качестве последней, хотя хронологически она более ранняя, чем сочинение Оруэлла).

.379. В 1946 году, пятнадцать лет спустя после создания «Бравого мира», в предисловии к очередному (Нью-Йоркскому) изданию книги, Хаксли писал: «*Today it seems quite possible that the horror may be upon us within a single century*». Таким образом, то, что в самой книге он «предвидит» возможным через 614 лет, в более позднем Предисловии уже представляется возможным «в течение одного столетия». Однако прошла лишь половина столетия, и «ужас» уже здесь.

.380. В том предисловии Хаксли перечисляет ряд «признаков» надвижения «нового бравого мира», наблюдаемых в Америке середины 1940-х годов, например, говорит о росте брачных разводов. Но США того времени были на самом деле еще весьма «пуританской» страной; например, Элвису Пресли, который потом станет «секс-символом» американской «сексуальной революции», в детстве родители не разрешали даже вообще смотреть кинофильмы – совершенно «невинные» по нынешним меркам. Знаменитая ныне «сексуальная революция» последовала только в середине 1950-х годов; только тогда пришел «рок-н-рол», только 10 лет после написания Предисловия Олдосом Хаксли в 1956 году наступил переломный момент, когда стремительно взлетела звезда Элвиса Пресли, и он впервые стал миллионером...

.381. Спустя еще 10 лет, в 1960-е годы, порнография была «официально» разрешена (пока еще только) в Дании, куда, в знаменитую «Кристианию», поэтому стекались хиппи со всего мира. В следующие десятилетия примеру Дании последовал весь западный мир; был также легализован гомосексуализм...

.382. В 1997 году в Шотландии осуществили клонирование овцы Долли, после чего клонирование человека тоже теперь принципиально возможно.

.383. Все это делает книгу Хаксли самой актуальной для нас из всех четырех, здесь рассмотренных. И главной задачей нашего исследования теперь становится выяснение того, во-первых, что именно из «предсказанного» Олдосом Хаксли (пусть и предсказанного с ироническим или сатирическим оттенком) на самом деле осуществляется или имеет тенденцию к осуществлению в наши дни, и, во-вторых, насколько это хорошо или плохо по возможно более объективной оценке, не взирая на личное отношение к этому самого Олдоса Хаксли.

§27. Жизнь Олдоса Хаксли

.384. Олдос (Леонард) Хаксли был на 9 лет старше Оруэлла; он родился 26 июля 1894 года и был третьим ребенком писателя Леонарда Хаксли и внуком Томаса Хаксли – биолога, который сыграл столь важную роль в жизни Чарлза Дарвина, став его другом и ближайшим сподвижником.

.385. Олдос Хаксли, как и Оруэлл, учился в Итоне, а в 22 года (1916) окончил Balliol College в Оксфорде; тогда же опубликовал свою первую книгу. Поработав два года в периодике (в журнале «*Athenaeum*» 1919–1921), он поселился в Италии, где прожил до конца 1930-х годов, а потом переехал в Калифорнию, где и умер в Лос-Анджелесе 11 ноября 1963 года в возрасте 69 лет.

.386. В целом это была жизнь материально обеспеченного литератора, которому не приходилось особенно заботиться о средствах своего существования. Главные его книги: [9], [6], [15], [11], [8], [10], [14], [12], [13].

.387. «Новый дивный мир» он написал в возрасте 37–38 лет во время своего итальянского периода; вскоре после этого он стал увлекаться индийской философией и мистицизмом, особенно буддизмом. В 1950-х годах экспериментировал с галлюциногенными наркотиками, особенно мескалином, и в 60 лет издал об этом книгу [13].

.388. Как мы уже отметили в главе об Оруэлле {.363}, он считал, что «Новый дивный мир» навеян книгой Замятина «Мы». У нас нет данных, ни подтверждающих, ни отвергающих такое мнение. Английский (но марксистский) критик Ральф Фокс же сравнивает Хаксли с Уэллсом и пишет:

«У Хаксли, я чувствую, есть много общего с Уэллсом, та же страсть к идеям, придающая жизненность его книгам, которую они никогда не приобрели бы от выведенных в них персонажей, тот же интерес к науке и та же неспособность прийти к какому-нибудь удовлетворительному заключению относительно упрямых фактов современной действительности. Он, по существу, является тем, чем стал бы Уэллс, если бы он вместо начальной школы в Бромли и Южного Кенсингтона окончил бы Итон и Оксфорд» ([91], с.139–140).

.389. Литературовед Г. Анджапаридзе, составитель и комментатор многих русских изданий Хаксли, считает ([99], с.12), что «Бравый мир» был задуман как пародия на утопию Уэллса «Люди как боги» (1923). Он указывает также, что «в этой книге Хаксли во многом отталкивался от работы Бертрانا Рассела «Научное мировоззрение» (1931)». Последнее сочинение нам кажется наиболее вероятным импульсом, побудившим Хаксли взяться за перо, так как хронологически начало работы над «Бравым миром» непосредственно следует за выходом книги Рассела.

§28. Жизнь книг Олдоса Хаксли

.390. Роман вышел в 1932 году во время мирового кризиса. На английском языке в латвийских библиотеках имеется книга [7].

.391. На латышском языке «О новый дивный мир», впервые издан только в 1999 году [5]. Из всех остальных работ Хаксли по-латышски выпущен (в 1993 г.) только «Остров» [4] в переводе Г. Грозы.

.392. На русском языке в латвийских библиотеках имеются три издания «Дивного мира»: [98], [97] и [100] в 1989 и 1990 гг.

§29. Время Олдоса Хаксли

.393. «Временем Олдоса Хаксли» мы здесь назовем начало 1930-х годов, когда «Бравый Новый мир» создавался.

.394. Это было время мирового экономического кризиса – Великой Депрессии, когда все кругом мечтали и говорили о столь желаемой ими «стабильности», что несомненно отразилось и в книге: действие там происходит «в 632-м году эры стабильности, эры Форда».

.395. «Его фордейшество Постоянный Главноуправитель Западной Европы» Мустафа Монд, в начале романа встретившись со студентами, говорит им, что отсчет лет «эры Форда» начинается с момента выпуска им «модели Т». В дальнейшем узнаем, что буква Т теперь вообще исполняет роль прежнего креста: у всех крестов спилили верхушки так, чтобы получился знак Т, «архипеснослов» осеняет всех «знаком Т», Ленайна носит на груди в цепочке медальон в виде буквы Т, вместо привычной уху станции Черингкросс мы в романе находим станцию Черингти⁷ и т.д.

.396. «Модель Т» – это был автомобиль, который Генри Форд начал выпускать в 1913 году и при производстве которого впервые в мире применялся конвейерный метод сборки (изобретенный самим Фордом). Отсюда легко вычислить, что действие романа происходит в 2545 году или через 614 лет после 1931 года, когда Олдос Хаксли книгу писал.

⁷ В.Э.: «кросс» по-английски – крест; «ти» – название буквы «Т».

.397. В 1914 году началась Первая мировая война, так что до нее мир не успел оценить значение изобретения Форда. Зато он оценил его сразу после войны. 1920-е годы в некотором смысле действительно выглядели «эрой Форда»: одна за другой выходили книги самого Форда: «Моя жизнь и работа» (1922, [93]), «Моя жизнь, мои достижения» (1924, [94]), «Сегодня и завтра» (1926, [95]), «Движение вперед» (1930, [92]). Первую из этих книг Дикарь в «Бравом мире» листает в приемной у Главноуправителя, но находит скучной.

.398. Современники, однако, находили книги Форда достаточно интересными, чтобы перевести их на многие языки; ту самую книгу, что забраковал Дикарь, в 1924 году, в году смерти Ленина, издали в русском переводе даже в СССР, несмотря на то, что автор был типичной «капиталистической акулой» и писал именно о том, как «эксплуатировать рабочих».

.399. Такой интерес объяснялся чрезвычайно высокой производительностью труда на предприятиях Форда. В начале 1920-х годов у Форда в США один автомобиль производился за 5,75 человекоднев, а в Германии у Бенца за 450, у Даймлера за 1750. Естественно в таких условиях, что предприниматели во всем мире начали внедрять у себя методы Форда – и не только в автомобильной промышленности.

.400. В своей второй книге («Моя жизнь, мои достижения», 1924) Форд затрагивал также и социальные темы; он писал, что его методы могут создать «общество изобилия и социальной гармонии». Генри Форд не был аристократом или потомственным капиталистом; его отец Уильям Форд был ирландским эмигрантом, который собственными руками вспахал целинную землю в Мичигане для своей фермы, а мать была дочерью соседнего фермера Литогота. Детство Генри прошло в бедности, хотя и – благодаря трудолюбию родителей – не в нищете. Он окончил 8-классную школу и в 18 лет поступил учеником на фабрику, изготавливающую паровые двигатели. Это было вызвано исключительно интересом к технике, так как на фабрике Генри получил гораздо меньше, чем его отец платил своим батракам. Все же через год стареющий отец отозвал сына назад на ферму, и 9 лет Форд крестьянствовал сначала на отцовской, а потом, когда женился, на своей собственной ферме.

.401. Только в возрасте 28 лет он принял решение бросить фермерство, переселиться в город (Детройт) и заняться изготовлением «каretty, которая двигалась бы без лошади» (как он идею объяснял жене Кларе, которая, хоть и неохотно, но все же согласилась с мужем и была в дальнейшем ему верной спутницей). Можно себе представить, сколь трудным было начало. Только в 40 лет Форд основал свое предприятие (в 1903 году), когда его собственноручно изготовленные машины уже побеждали на всех соревнованиях; только в 50 лет он запустил свой знаменитый поточный конвейер.

.402. Таким образом, первую половину своей 84-летней жизни Генри Форд был не предпринимателем, а трудящимся. Возможно, это повлияло на его политику в отношении своих рабочих во второй половине жизни. Благодаря чрезвычайно рациональной организации труда и, как следствие, чрезвычайно высокой производительности, Форд в 1920-х годах стал самым богатым человеком в мире, но в то же время его предприятия были легендой тогдашней рабочей Америки. На конвейере рабочий выполнял какую-нибудь одну, очень простую операцию, которую любой умственно здоровый человек мог освоить за один день или, в худшем случае, за несколько дней. Поэтому не требовалось длительной подготовки и обучения; любой человек, кто раньше никогда этим не занимался, мог прийти к Форду и тут же начать плодотворно работать. Более того, Форд принимал на работу также инвалидов, которых никто другой не брал, если только мог их как-то использовать. Так, в свое время у Форда работали 1 человек без обеих рук, 4 полностью слепых, 207 одноглазых, 37 глухонемых, 123 однуруких и т.д.

.403. Когда, вскоре после запуска конвейера, Форд объявил о приеме с начала 1914 года 4000 тысяч рабочих за 5 долларов в день (баснословные деньги для простого рабочего в то время) при 8-часовом рабочем дне (остальная Америка тогда работала 10 часов в сутки), то к Форду повалили такие толпы желающих, что полиции пришлось пустить в ход излюбленные брандспойты, чтобы навести хоть какой-то порядок. На предприятиях Форда действовали свои собственные школы и больницы...

.404. Все эти факты дают понимание того, что подразумевал Олдос Хаксли, когда вкладывал в уста своих героев слова о «господе нашем Форде». «Фордизм» 1920-х годов был целой системой общественных отношений и в этом смысле определенной «социальной утопией», только уже тогда реализованной в группе предприятий. «Антиутопия» Хаксли, таким образом, касалась экстраполяции «фордизма» на все человеческое общество, а главным сатирическим

средством для Хаксли стало «применение» конвейера Форда к детопроизводству (с описания чего роман и начинается).

.405. Главноуправитель Мустафа Монд, выступая перед студентами, путает (или притворяется, что путает) Форда с Фрейдом и говорит:

«Господь наш Форд – или Фрейд, как он по неисповедимой некоей причине именовал себя, трактуя о психологических проблемах, – Господь наш Фрейд первый раскрыл губительные опасности семейной жизни. Мир кишел отцами – а значит, страданиями; кишел матерями – а значит, извращениями всех сортов, от садизма до целомудрия, кишел братьями, сестрами, дядьями, тетками – кишел помешательствами и самоубийствами» ([99], с.434).

.406. Так, воспользовавшись совпадением трех согласных букв в этих фамилиях, Хаксли присоединил к фордизму еще и фрейдизм – второе нашумевшее учение его времени.

.407. Зигмунд Фрейд был на 8 лет старше Генри Форда; свою теорию (которую он вскоре назовет «психоанализом» [96]) придумал в 1895 году (два года после того, как Форд построил свой первый автомобиль); психоаналитическое общество в Вене основал в 1902 году (за год до того, как Форд создаст предприятие «Ford Motor Company»); первый международный конгресс психоаналитиков созвал в 1910 году (за три года до того, как Форд запустит Конвейер).

.408. Таким образом, обе системы взглядов были ровесницы, и наибольший шум вокруг учения Фрейда тоже пришелся на 1920-е годы. Фрейд утверждал, что он открыл детскую сексуальность (и у Хаксли в «Младопитомнике» голенькие дети бегают в саду, время от времени по двое или по трое уединяясь, «присев и примолкнув в цветущих кустах»). Согласно Фрейду у мальчиков существует «комплекс Эдипа» (желание иметь сексуальные контакты с матерью, ревность к отцу и желание его умертвить), а у девочек – «комплекс Электры» (желание спать с отцом, ревность к матери и желание ее смерти); по Фрейду, если эти «комплексы» в зрелом возрасте не изжиты или недостаточно изжиты, то они порождают неврозы и другие психические заболевания.

.409. Отсюда недалеко до вывода, что для столь желанной и искомой «стабильности» (в том числе стабильности психической) нужно было бы устранить сами понятия отца и матери, то есть, перейти к какому-нибудь другому способу детопроизводства. Хаксли в своем романе объединил оба учения, и вредный (по Фрейду) способ детопроизводства заменил конвейерным (по Форду).

.410. Третьей вехой эпохи, которая тоже появляется на страницах романа в виде «залов неопавловского формирования рефлексов» (начало 2-й главы), было учение Ивана Павлова о высшей нервной деятельности. Павлов был на 6 лет старше Фрейда и на 14 лет старше Форда; как и Чарлз Дарвин, он получил образование священника, но, как и Дарвин, не стал проповедовать пастве. Окончив духовную семинарию, он поступил в Петербургский университет на юридический факультет, вскоре перевелся на физико-математический, а после его окончания поступил в Медико-хирургическую академию. Таким образом, к 30 годам своей жизни Павлов имел три высших образования: по теологии, естествознанию и медицине.

.411. Работы Павлова стали широко известны миру с «Лекций о работе главных пищеварительных желез» в 1897 году (4 года после первого фордовского автомобиля и 2 года после первых работ Фрейда, [83]); в 1904 году Павлов был награжден Нобелевской премией (год после основания Фордом своего предприятия и 2 года после основания Фрейдом первого психоаналитического общества). Таким образом, павловское учение тоже было ровесницей учений Форда и Фрейда; в 1920-е годы Павлов был жив, продолжал работать и, как единственный тогда Нобелевский лауреат из России, являлся наиболее знаменитым на Западе русским ученым.

.412. Наиболее знаменитой частью павловского учения были условные рефлексы: например, опыты, в которых у собак выделяется желудочный сок при одном только звонке, если перед этим некоторое время звонок сопутствовал подаче еды. В романе Хаксли в «младопитомнике» детям «дельт» по методу Павлова прививают «условный рефлекс» страха и отвращения к цветам и книгам.

.413. Четвертое нашумевшее учение «времени Хаксли» присутствует в романе незримо. Это теория относительности, разработанная Альбертом Эйнштейном, тоже ровесница трех уже названных. В 1905 году Эйнштейн опубликовал первые статьи по этой теории (т.н. «специальная теория относительности» [3], [2]); к 1916 году была разработана т.н. «общая теория относительности»; она допускала экспериментальную проверку на астрономических наблюдениях

(отклонение луча света под влиянием гравитационного поля Солнца), но из-за Первой мировой войны эти наблюдения не было возможности произвести сразу; только в 1919 году, после окончания войны, специальная английская экспедиция провела соответствующие наблюдения, полностью подтвердившие теорию Эйнштейна.

.414. После этого 1920-е годы стали периодом наибольшего триумфа и славы Эйнштейна; теория относительности излагалась в бесчисленных популярных пересказах. Согласно теории относительности наше физическое пространство является одной разновидностью искривленных, т.н. «римановых пространств» (по имени немецкого математика Георга Римана – Riemann; 1826–1866). Для объяснения свойств такого пространства в популярных изложениях часто приводились примеры с двумерными существами, «ползающими» по искривленным (Римановым) поверхностям, но не замечающими этих искривлений из-за своей двумерности.

.415. Теория относительности явно не появляется в романе Хаксли, но всегда, когда его герои играют в какие-нибудь спортивные игры типа гольфа или тенниса, они это делают непременно на «римановых поверхностях». Например, Линда, умирая в 44 года, «смотрела полуфинал южноамериканского чемпионата по теннису на римановых поверхностях» ([100], с.239). Это была маленькая месть Олдоса Хаксли малопонятным ему современным научным теориям.

.416. Таковы основные реалии времени Хаксли, как они отразились в романе.

§30. Время Дивного нового мира

.417. Роман Хаксли – единственный из четырех, нами рассмотренных, действие которого происходит в далеком будущем. Оруэлл тоже поместил своих героев в будущее, но отстающее всего на 36 лет от момента создания самой книги, так что почти все реалии Оруэлла мог сохранить неизменными, добавив к ним лишь «мониторы», объединяющие телевизор с телекамерой. Хаксли же унес своих персонажей в будущее на 614 лет, что сразу порождает проблему изображения окружающих их реалий.

.418. Хотя мы понимаем, что эти реалии не имеют большого значения для замысла автора, но все же отметим, что Хаксли, как и большинству авторов, писавших «о будущем» (которое для нас уже наступило частично или полностью), не удалось сколь-нибудь правильно предвидеть развитие науки и техники. В сущности, не считая уже упомянутой нами Конвейер Детопроизводства, Хаксли разместил вокруг своих героев только три «чуда технологии будущего»: «вертопланы» (индивидуальные вертолеты), «ощущальные фильмы» и «сому» (безвредный наркотик). Все остальные вещи сохранились на уровне 1931 года.

.419. В самом начале романа студенты в «Центрально-Лондонском инкубатории и воспитательном центре» (ИВЦ), подобострастно слушая Директора, строчат... карандашами в блокнотах. Нет у них ни обычных в наше время диктофонов, ни, тем более, какого-нибудь «сверхсовременного» карманного компьютера с аудио или видеовводом. Из Резервации Бернард Маркс звонит Главному управителю по обычному телефону и ждет соединения на почтамте в Санта-Фе, как во времена Хаксли ждали «междугороднего» разговора; привычного уже для нас мобильного телефона у него нет...

.420. Совершенно не предвидено развитие техники обработки информации – в «Дивном новом мире» нет и намек на компьютеры. В ИВЦ, например: «*восемьдесят восемь кубических метров – объем картотеки! – объявил, просмаковав цифру, мистер Форстер*» ([99], с.418). Ясно, что им просто был нужен один наш персональный компьютер.

.421. Похоже, что не предвидел Хаксли и проблемы с экологией. Окрестности Лондона через шесть столетий так же зелены, как и в начале XX столетия; не застроены, не загажены.

.422. Что же касается главной сатирической идеи Хаксли – конвейерному детопроизводству «по методу Бокановского», то жалобы Директора Эмбрионария на то, что этот метод позволяет производить не более 96 однойцевых близнецов, нам кажутся наивными уже сегодня.

.423. «Яйцо же, подвергаемое бокановскизации, будет пролиферировать – почковаться. Оно даст от восьми до девяносто шести почек, и каждая почка разовьется в полностью оформленный зародыш, и каждый зародыш – во взрослую особь обычных размеров. И получаем девяносто шесть человек, где прежде вырастал лишь один. Прогресс! Девяносто шесть тождественных близнецов, работающих на девяносто шести тождественных станках!» – рассказывает Директор студентам в ИВЦ. «Но, к сожалению, идеал недостижим, беспредельно бокановскизировать нельзя» – заканчивает он ([100], с.134–135; [99], с.415–416).

.424. «Идеал» этот достижим уже сегодня, в 2000 году. Уже в наши дни можно было бы клонировать сколько угодно (хоть тысячу, хоть миллион) совершенно одинаковых («однойцевых») близнецов (правда, сегодня еще невозможно их выращивать вне тела женщины; пришлось бы имплантировать их в «живородящие матери», но, если бы современная наука задалась бы целью решить такую проблему, то, несомненно, она была бы решена за, самое большое, пару десятилетий).

.425. Но сегодня же и нет никакой необходимости производить большие партии «тождественных близнецов» для работы на «тождественных станках», так как с этой задачей гораздо лучше справляются компьютеры. Уже в 1980-х годах в Японии появились полностью автоматизированные заводы, которые закрывались на ночь на ключ, гасился свет, и завод работал без участия людей до утра.

.426. Директор начинает свой рассказ *«разумеется с хирургической увертюры к процессу – с операции, «на которую ложатся добровольно, ради блага Общества, не говоря уж о вознаграждении, равном полугодовому окладу», затем коснулся способа, которым сохраняют жизнённость и развивают продуктивность вырезанного яичника»* ([99], с.414).

.427. Уже в наши дни для клонирования нет никакой необходимости вырезать яичник; ДНК для копирования какого-нибудь организма можно взять из любой клетки этого организма (например, с кожи ладони, волос и т.п.), а яйцеклетку получить процедурой, напоминающей обычный гинекологический осмотр.

.428. Наивными современному читателю кажутся также методы выращивания «низших каст» («дельта», «эпсилонов» и т.д.).

.429. «Убавлено число оборотов, – объяснил мистер Форстер. – Кровезаменитель циркулирует теперь медленнее; следовательно, реже проходит через легкое; следовательно, дает зародышу меньше кислорода. А ничто так не снижает умственно-телесный уровень, как нехватка кислорода (...). Нехватка прежде всего действует на мозг. Затем на скелет. При семидесяти процентах кислородной нормы получаются карлики. А ниже семидесяти – безглазые уродцы, которые ни к чему уж не пригодны» ([99], с.420).

.430. Зачем снижать уровень кислорода и добавлять спирт в «кровезаменитель» – какой грубый, «слепой» метод! –, когда есть тонкая генная инженерия. Совсем недавно, летом 2000 года, было объявлено на весь мир, что полностью расшифрован геном человека. А гены сельскохозяйственных растений и животных целенаправленно модифицируются уже давно. Современные достижения генной инженерии намного превосходят то, что породила фантазия Хаксли (в области «боканоускизации»).

.431. Все эти факты нисколько не умаляют достоинств книги Хаксли, а наоборот, делают поднятые ею этические, социальные, психологические и другие проблемы особенно актуальными для нас.

.432. Отметим здесь только еще одно важное обстоятельство. Все манипуляции, которые в «Мировом Государстве» романа Хаксли проделываются над человеческими зародышами, направлены на УХУДШЕНИЕ положения по сравнению с положением естественным, созданным природой. Зародышей отравляют спиртом, им перекрывают кислород и т.п. с целью получения индивидуумов «низших каст». Реальная же генная инженерия наших дней направлена целиком на УЛУЧШЕНИЕ положения по сравнению с тем, что было стихийно создано природой: подвергнутые целенаправленной генной модификации сельскохозяйственные растения и животные становятся более устойчивыми против холода или жары, против болезней или паразитов, быстрее растут, быстрее зреют или какими-то другими своими свойствами превосходят немодифицированных их родственников.

.433. Это обстоятельство будет иметь большое значение в наших дальнейших рассуждениях.

§31. Новый дивный мир

.434. Вспомним, что по мнению Оруэлла «Новый дивный мир» Хаксли был «навеем» романом Замятина «Мы». Роман самого Оруэлла уж несомненно испытал влияние обеих этих книг, так как непосредственно перед началом работы над «1984» он опубликовал статью в «Tribune», в которой сравнивает обе эти работы.

.435. Обратим теперь внимание на некоторые общие черты построения сюжета во всех трех этих «антиутопиях»: у Замятина в романе «Мы», у Хаксли в «Бравом мире» и у самого Оруэлла в романе «1984».

.436. Везде имеется главный (мужской) герой, отвергающий новое общество. У Замятина это Д-503, у Оруэлла Уинстон Смит, а у Хаксли – Джон Дикарь (правда, несколько раздвоенный Бернардом Марксом или даже растроенный еще и Гельмгольцем Уотсоном).

.437. Везде рядом с главным мужским героем имеется героиня женская, с которой у него развиваются любовные отношения. У Замятина это I-330, у Оруэлла Джулия, а у Хаксли – Ленайна.

.438. Однако героиня Хаксли кардинально отличается от героинь обоих остальных авторов. I-330 и Джулия не только целиком разделяют мнение своих возлюбленных об окружающем их обществе, но и побуждают их к активной борьбе против этого общества. А Ленайна, наоборот, полностью согласна с порядками окружающего общества и только все время растерянно и с досадой удивляется «чуждости» сначала Бернарда, а потом Дикаря.

.439. Вряд ли такая диспозиция случайна. По-видимому, внутреннее ощущение у Хаксли было таким, что описываемый им «hoггог» неизбежен, и сопротивляться этому будут только отдельные умственно высокоразвитые интеллектуалы (такие, как он сам), но не женщины с их «приземистым» мышлением...

.440. Отметим также, что в романе Хаксли, в отличие от двух остальных книг, вообще не фигурирует преступность, как и «законное» насилие со стороны властей. Напуганные оруэлловским «1984», мы ожидаем, что вот-вот за внешне блестящим фасадом «Дивного мира» появятся какие-нибудь пыточные камеры типа «101-й комнаты», – но ничего подобного не происходит. «Главноуправитель Западной Европы» Мустафа Монд, появление которого в начале романа (непонятно почему) встречается остальными героями с таким трепетом и чуть ли не страхом, в конце романа оказывается весьма разумно рассуждающим бывшим ученым-физиком; вызванный Дикарем бунт «дельт» полиция подавляет не жестокими репрессиями, а всего лишь обычной сомой; «вольнодумцы» Бернад Маркс и Гельмгольц Уотсон, оказавшиеся непригодными для «стабильного общества», не подвергаются никакому другому наказанию, кроме переселения их к другим таким же «свободомыслящим».

.441. В «ощущальном фильме», который смотрят Дикарь и Ленайна, главный герой – негр с пострадавшим в аварии мозгом и по этой причине лишившийся всех ранее «сформированных» навыков, – от ревности становится «террористом»: захватывает блондинку и держит ее в плену три недели, пока наконец «отряду по борьбе с терроризмом» удастся его захватить. Но и он не подвергается никакому наказанию, а просто отправляется в «центр переформировки взрослых». Во всей книге Хаксли нет ни одной насильственной смерти; не считая финального самоубийства Дикаря, умирает только Линда, но и та, как мы сегодня сказали бы, – «от передозировки наркотиков».

.442. Главный комизм сочинения Хаксли построен на перевернутом (по сравнению с его эпохой) понимании благопристойности и воспитанности. «Мать» и «отец» считаются словами крайне неприличными, при необходимости произнесения которых все герои запинаются и краснеют. Зато секс со многими партнерами – дело само собой разумеющееся; Ленайну ее подруга Фанни упрекает за слишком длительные (уже четыре месяца!) связи с одним и тем же мужчиной – это считается до опасности неприличным. Когда Директор Ленайну «потрепал сзади», это всеми, в том числе самой Ленайной, воспринимается как жест, показывающий его хорошее воспитание. И так далее.

.443. В то же время в книге Хаксли нет и намеков на какие-нибудь сексуальные извращения (или на то, что могло восприниматься таковыми во времена Хаксли): нет гомосексуализма, нет бисексуализма, нет секса с несовершеннолетними, нет группового секса – нет всего того, что с таким постоянством звучит и гремит вокруг нас в нашей реальной жизни. (Например, в эти дни, когда я пишу эти строки, родину Хаксли сотрясают демонстрации против педофилов, вызванные убийством после изнасилования восьмилетней девочки Сары (Sarah)).

.444. В области киноиндустрии тоже «ужасы» Хаксли намного отстают от современной действительности. Когда Дикарь и Ленайна смотрят «ощущальный фильм», то описание этого фильма ([99], с.508), приведенное в романе, не дает однозначно понять, изображен ли там половой акт (как в сегодняшних творениях Голливуда) или просто поцелуи (как в американских фильмах 1920-х и 1930-х годов). Сказано только, что герои фильма обнимаются «на знаменитой медвежьей шкуре», «каждый волосок которой ощущается зрителями». Всё же и в этом эпизоде,

и в дальнейшем упоминаются только ощущения на губах. Например, позже, у главного управителя Монда, Дикарь говорит: «*Но ваше новое так глупо, так противно. Эти фильмы, где все только летают вертопланы и ощущаешь, как целуются*» ([99], с.536). По-видимому, в «Дивном мире» нет даже порнографии.

.445. Таким образом, мы видим, что во всех областях, кроме «конвейерного детопроизводства», «ужасы», изображенные Хаксли в его романе, далеко отстают от сегодняшней реальности. Мы живем в мире, где царит преступность и терроризм, где миллионы людей гибнут от наркотиков (совсем непохожих на безвредную сому), где сексуальная «распущенность» принимает отнюдь не те «безвинные» формы частой смены партнеров при «нормальном» во всем остальном сексе, какие изобразил Хаксли. В таких условиях нам приходится не ужасаться картиной, нарисованной Олдосом Хаксли, а скорее желать, чтобы всего лишь «такие мелочи» стали нашей реальностью. Мы можем воскликнуть: «Ну пусть меняют партнеров каждую неделю, лишь бы не убивали наших детей!»

.446. Слова «О дивный новый мир!», послужившие Олдосу Хаксли в качестве названия его книги, впервые появляются в конце восьмой главы, когда Бернард Маркс собирается взять Джона (будущего Дикаря) из индейской резервации в Лондон. Это слова Миранды из шекспировской «Бури» (акт V, сцена I), и повторяет их Дикарь в предвкушении того мира, что он увидит за пределами Резервации. И любопытно (и, очевидно, символично), что они соседствуют (как у Шекспира, так и у Хаксли) со словами: «Как прекрасен род людской!».

.447. Возможно, что здесь получилась ирония, еще более глубокая, чем было сознательно задумано самим Хаксли – ирония не только в отношении «Нового дивного мира», но и в отношении «Прекрасного рода людского».

§32. Прекрасный род людской

.448. Свое отношение к «Дивному новому миру» Хаксли выразил через трех героев: Джона Дикаря, Бернарда Маркса и Гельмгольца Уотсона; сам автор как будто разделен между ними.

.449. Дикарь олицетворяет «первобытное ощущение мира», которое Хаксли, выпускник Итона и Оксфорда, конечно, не может отождествить со своим собственным мироощущением, но которому он симпатизирует «со стороны». В конце романа Дикарь, не находя уединения в окружении хоть и незлобных, но бездумных представителей цивилизации, кончает жизнь самоубийством. Очевидно, это символизирует гибель того «первобытного мироощущения», которому так симпатизировал Хаксли, хоть и не считал его своим собственным, причем способ гибели наверное тоже символичен (ведь «примитивные народы» так охотно бросаются «в объятия цивилизации», совершая таким образом самоубийство своей культуры).

.450. Бернард Маркс олицетворяет «худшие стороны» образованного интеллигента (и самого Хаксли) – он интроверт, ищет уединения, не принимает окружающее общество, ворчит на него, но в то же время Хаксли изобразил его (неожиданно и необоснованно) трусливым, не способным на рациональные действия. Бернард – это то лицо, каким Хаксли не хотел бы быть, но каким он себя в какой-то степени осознает.

.451. Гельмголец Уотсон – это тот персонаж, каким Хаксли хотел бы себя видеть; он олицетворяет «лучшие стороны» высокообразованного интеллигента, «компенсирует» Бернарда. В конце романа оба эти героя отправляются в ссылку на Фолклендские острова. Это, очевидно, выражает и символизирует желание Хаксли уединиться от цивилизации; эта тенденция еще более сильно выступает в других его книгах.

.452. Кульминационным пунктом всего романа являются 16-я и 17-я главы, где все эти три героя по вызову Главного управителя являются к Мустафе Монду и происходит логическая и философская дуэль между этой тройкой бунтарей с одной стороны и Мондом с другой стороны. (Фамилия Монда, надо полагать, тоже символична; по-французски она означает – Мир – *World*). Эту логически-философскую дуэль мы теперь разберем более подробно.

.453. Когда Дикарь предлагает Главному управителю вместо «ощущальных фильмов» показать «Отелло», Мустафа Монд отвечает:

.454. «Мир наш уже не мир «Отелло». Как для «фордов» необходима сталь, так для трагедий необходима социальная нестабильность. Теперь же мир стабилен, устойчив. Люди счастливы; они получают все то, чего хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней; не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и

старости; им не отравляют жизнь отцы с матерями; нет у них ни жен, ни детей, ни любовей – и, стало быть, нет тревожений; они так сформированы, что практически не могут выйти из рамок положенного. Если же и случаются сбои, то к нашим услугам сома. А вы ее выкидываете в окошечко, мистер Дикарь, во имя свободы. Свободы! – Мустафа рассмеялся. – Вы думали, дельты понимают, что такое свобода!» ([99], с.537).

.455. Нам, живущим в мире «нестабильном», трудно что-либо возразить против аргументации Монда. Возможно, вопреки ожиданиям автора, мы сразу ощущаем логическое превосходство Главноуправителя. Но главная цель Хаксли здесь, конечно, состоит в выдвигании проблемы: что будет с «великим искусством» в этом «мире сытости»? К этой проблеме мы вернемся ниже.

.456. «Вам, я вижу, не по вкусу наши группы Бокановского; – продолжает Мустафа Монд, – но, уверяю вас, они – фундамент, на котором строится все остальное. Они – стабилизирующий гироскоп, который позволяет ракетоплану государства стремиться свой полет, не сбиваясь с курса (...).

.457. – А разве нельзя обойтись вовсе без них? – упорствовал Дикарь. – Ведь вы можете получать что угодно в ваших бутылках. Раз уж на то пошло, почему бы не выращивать всех плюс-плюс-альфами?

.458. – Ну нет, нам еще жить не надоело, – отвечал Монд со смехом. – Наш девиз – счастье и стабильность. Общество же, целиком состоящее из альф, обязательно будет нестабильно и несчастливо. Вообразите вы себе завод, укомплектованный альфами, то есть индивидуумами разными и розными, обладающими хорошей наследственностью и по формовке своей способными – в определенных пределах – к свободному выбору и ответственным решениям (...). Это же абсурд. Человек, сформированный, воспитанный как альфа, сойдет с ума, если его поставить на работу эпсилон-полукретина, сойдет с ума или примется крушить и рушить все вокруг. Альфы могут быть вполне добротными членами общества, но при том лишь условии, что будут выполнять работу альф. Только от эпсилона можно требовать жертв, связанных с работой эпсилона, – по той простой причине, что для него это не жертвы, а линия наименьшего сопротивления, привычная жизненная колея, по которой он движется, по которой двигаться обречен всем своим формированием и воспитанием (...). Это ясно уже теоретически. Да и практикой доказано. Кипрский эксперимент дал убедительные результаты (...).

.459. Начат он был в четыреста семьдесят третьем году Эры Форда. По распоряжению Главноуправителей Мира остров Кипр был очищен от всех его тогдашних обитателей и заново заселен специально выращенной партией альф численностью в двадцать две тысячи. Им дана была вся необходимая сельскохозяйственная и промышленная техника и предоставлено самим вершить свои дела. Результат в точности совпал с теоретическими предсказаниями. Землю не обрабатывали как положено; на всех заводах бастовали; законы в грош не ставили, приказам не повиновались; все альфы, назначенные на определенный срок выполнять черные работы, интриговали и ловчили, как могли, чтобы перевестись на должность почище, а все, кто сидел на чистой работе, вели встречные интриги, чтобы любым способом удержать ее за собой. Не прошло и шести лет, как разгорелась самая настоящая гражданская война. Когда из двадцати двух тысяч девятнадцать оказались перебиты, уцелевшие альфы обратились к Главноуправителям с единодушной просьбой снова взять в свои руки правление. Просьба была удовлетворена. Так пришел конец единственному в мировой истории обществу альф» ([99], с.538–539).

.460. Здесь мы уже не можем согласиться ни с Мустафой Мондом, ни с Олдосом Хаксли. Как мы уже отметили выше {432}, все «формирование» личностей различных каст в «Новом мире» заключается только в подавлении чего-либо в естественном организме человека, в ухудшении его качеств путем снижении кислорода в «кровезаменителе» или добавлении в нем спирта и т.п. Следовательно – «бетты», «гаммы», «дельты» и т.д. – это в различных степенях ухудшенные варианты «нормальных людей». А «альфы», стало быть, это всего лишь люди неухудшенные, – такие, какими они вырастают и есть без всякого спирта и без кислородного голодания.

.461. То, что ТАКИЕ люди неспособны создать «стабильное общество», для нас не секрет и не ново. Для этого не нужны никакие «Кипрские эксперименты»; достаточно просто обозреть человеческую историю с ее бесконечными драками, войнами и всем, что в ней было.

.462. Гораздо интереснее и важнее будет подумать, что бы было, если бы общество «Нового мира» решилось хотя бы наши сегодняшние знания (не говоря уже о тех, какими человечество будет располагать через пять столетий) использовать на УЛУЧШЕНИЕ человеческого рода. Итак, человеческий геном на сегодняшний день полностью расшифрован. Генная инженерия имеет уже значительный опыт в работе с сельскохозяйственными растениями

и животными. В принципе нет никаких других препятствий для искусственного вмешательства в процесс создания и выращивания людей, – кроме моральных. Но общество «Дивного мира» эти моральные препятствия уже перешагнуло, – правда, для производства «эпсилон-полукретинов», но предположим, что оно это сделало с целью производства даже не «альфа-плюс-плюс» (что всего лишь вариант обычного человека), а для производства «гениев», т.е. людей такого качества, какие в норме встречаются один из миллиона или еще реже. Чтобы иметь перед глазами наглядный пример, допустим, что производятся люди такого качества и типа, как Томас Мор.

.463. Хаксли в своем романе ввел «систему обозначений» людей различного качества: неухудшенные люди у него обозначаются первой буквой греческого алфавита, а дальнейшими буквами – все более и более ухудшенные варианты. Следовательно, чтобы сохранить эту «систему обозначений», улучшенные варианты людей мы должны обозначать буквами какого-нибудь алфавита, предшествующего греческому. Греки взяли свою письменность у финикийцев; те – у более ранних семитских алфавитов, а семиты вообще – у шумеров и египтян. Греческая «альфа» – это искаженный семитский «алеф» – бык; буква А не что иное, как изображение головы быка, в ходе тысячелетий перевернувшееся рогами вниз. Стало быть, «альфы» – это в конечном счете «быки». Ну, а мы для обозначения улучшенных людей воспользуемся египетским «алфавитом», а для совершенного во всех отношениях человека возьмем как обозначение иероглиф «Ра» – «солнце» (он изображался очень просто – как кружочек).

.464. Мы даже можем сказать, что именно нужно улучшить в людях в первую очередь: это производительность, мощь их мозга. «Злые гении», такие как профессор Мориарти у Артура Конана Дойля – это такая же литературная выдумка, как Маугли у Киплинга. На самом деле все дети, выросшие у животных (а науке таких известны сотни), были глубоко слабоумны, в лучшем случае за оставшуюся жизнь их удавалось обучить произнести несколько простых слов. Точно так же практически все выдающиеся ученые, вопреки литературным фантазиям, на самом деле были одновременно и людьми очень высоких моральных качеств; они, разумеется, могли иметь свои человеческие недостатки и слабости, но это никогда не были «слабости» преступные.

.465. Преступность и другие недостатки, делающие общество порочным и «нестабильным», всегда связаны с узким кругозором, примитивным взглядом на вещи, то есть, со слабой работой мозга.

.466. Таким образом, достаточно довести мощь мозга всех людей до мощи мозга этих ученых, литераторов и т.п., чтобы преступность и остальные «язвы общества» практически перестали существовать.

.467. Мустафа Монд предлагает Дикарю вообразить завод, полностью укомплектованный «альфами». В первую очередь мы вообразим завод, укомплектованный полностью «людьми Ра» – вроде Томаса Мора. И ничего страшного на этом заводе не произойдет. Эти Томасы Моры, как люди исключительной ответственности и добросовестности, будут работать исправно, даже если работа их не будет привлекать. При них можно будет сократить рабочий день до четырех или даже до двух часов, – как это и планировал Мор в своей «Утопии», – и тогда эта «рабочая повинность» станет и вовсе несущественной.

.468. Во вторую очередь, мы вообразим завод, полностью укомплектованный компьютерами, берущими на себя все обязанности «эпсилон-полукретинов» Дивного мира. Тогда еще меньше проблем останется для «людей Ра».

.469. «Оптимальный состав народонаселения – говорил далее Мустафа, – смоделирован нами с айсберга, у которого восемь девятых массы под водой, одна девятая над водой.

.470. – А счастливы ли те, что под водой?

.471. – Счастливее тех, что над водой. Счастливее, к примеру, ваших друзей, – кивнул Монд на Гельмгольца и Бернарда.

.472. – Несмотря на свой отвратный труд?

.473. – Отвратный? Им он вовсе не кажется таковым. Напротив, он приятен им. Он не тяжел, детски прост. Не перегружает ни головы, ни мышц. Семь с половиной часов умеренного, неизнурительного труда, а затем сома в таблетках, игры, беззапретное совокупление и ощущалки. Чего еще желать им? – спросил Мустафа. – Ну правда, они могли бы желать сокращения рабочих часов. И, разумеется, можно бы и сократить. В техническом аспекте проще простого было бы свести рабочий день для низших каст к трем-четырем часам. Но от этого стали бы они хоть сколько-нибудь счастливее? Отнюдь нет. Эксперимент с рабочими часами был проведен еще полтора с лишним века назад. Во всей Ирландии ввели четырехчасовой рабочий день. И что ж это дало в итоге? Непорядки и сильно возросшее потребление сомы – и больше ничего. Три с половиной лишнего часа досуга не только не стали источником счастья, но даже пришлось людям глушить эту праздность сомой. Наше

Бюро изобретений забито предложениями по экономии труда. Тысячами предложений! – Монд широко взмахнул рукой. – Почему же мы не проводим их в жизнь? Да для блага самих же рабочих; было бы попросту жестоко обрушивать на них добавочный досуг. То же и в сельском хозяйстве. Вообще можно было бы индустриально синтезировать все пищевые продукты до последнего кусочка, пожелай мы только. Но мы не желаем. Мы предпочитаем держать треть населения занятой в сельском хозяйстве. Ради их же блага – именно потому, что сельскохозяйственный процесс получения продуктов берет больше времени, чем индустриальный» ([99], с.539–540).

.474. Разумеется, если у человека узкий кругозор, как у обычных «альф», не говоря уже о «беттах», «гаммах» и «дельтах», то ему незачем иметь досуг. Томас Мор планировал для своих утопийцев много свободного времени, которое они будут тратить на познания, науку и творчество, а обычные, окружающие нас «альфы-быки» тратят это время на пьянство, драки, хулиганство, карты, игральные автоматы и подобные «развлечения», – и часто вообще не знают, как истратить. А у творческих людей – таких, как сам Томас Мор, – всегда времени не хватало в прежние времена и не хватает сегодня на реализацию всего ими задуманного.

§33. Искусство и наука Дивного мира

.475. «Обосновав» ненужность для «счастливого и стабильного» общества серьезного искусства, в том числе обожяемого Дикарем Шекспира, Мустафа Монд переходит к науке.

.476. «Всякое чисто научное открытие является потенциально разрушительным; даже и науку приходится иногда рассматривать как возможного врага. Да, и науку тоже» ([99], с.540).

.477. Когда Хаксли это писал, еще не была создана атомная бомба, страсти вокруг которой потом стали классическим примером опасности науки – правда, в несколько ином смысле, чем это было задумано Олдосом Хаксли и вложено в уста Монда.

.478. Открытия науки действительно могут стать опасными для общества, но не сами по себе и не в том смысле, что подразумевал Мустафа, а тогда, когда эти изобретения и открытия попадают в преступные руки. Проблема была бы решена, если бы в обществе этих преступных рук не оказалось вовсе. Поэтому первичным и здесь является вопрос о качестве общества.

.479. Показательна также и та борьба, что ученые, создатели атомных и водородных бомб – от Нильса Бора до Андрея Сахарова – вели в обществе в связи со своими изобретениями. Никто из них не только не пытался что-нибудь из созданного ими использовать в своих личных целях или в целях узкого клана, но и все они делали все возможное, чтобы обезопасить общество от потенциальных последствий, часто – как Сахаров – жертвуя при этом почти всем своим личным благополучием.

.480. «Счастье – хозяин суровый, – продолжает Мустафа Монд. – Служить счастью, особенно счастью других, гораздо труднее, чем служить истине, если ты не сформирован так, чтобы служить слепо (...). Разумеется, когда властью завладевали массы, верховной ценностью становилось всегда счастье, а не истина с красотой (...). Об истине и красоте продолжали толковать так, точно они оставались высшим благом. Это длилось вплоть до Девятилетней войны. Война-то заставила запеть по-другому. Какой смысл в истине, красоте или познании, когда кругом лопаются сибирезвенные бомбы? После той войны и была впервые взята под контроль наука. Люди тогда готовы были даже свою жажду удовольствий обуздать. Все отдавали за тихую жизнь. С тех пор мы науку держим в шорах. Конечно, истина от этого страдает. Но счастье процветает. А даром ничто не дается. За счастье приходится платить» ([99], с.541–542).

.481. Роль и место искусства (в первую очередь) и науки (во вторую очередь) в «потребительском обществе», несомненно, является одним из главных вопросов, что волнуют Хаксли в этом романе (как и в более ранних).

.482. Мы сегодня можем наблюдать в нашей жизни вокруг себя чрезвычайное опошление искусства (или, точнее, «искусства»), по масштабам, видимо, уже сейчас превосходящее «ощущалки» Нового дивного мира (в которых ведь не было даже порнографии). Все же мы не можем согласиться с Мустафой Мондом, что такое положение вызвано стремлением людей к счастью и что вообще существует какой-то конфликт между подлинным искусством и счастьем.

.483. Решающим фактором здесь опять-таки является качество людей. Если в обществе преобладают люди с узким кругозором и, соответственно, «низкими вкусами», то они создают и

преобладающий спрос на «ощущалки» или какую-нибудь другую, современную нам, разновидность субкультуры. А спрос всегда «рождает предложение». Если бы в обществе преобладали люди с широким кругозором и высокими художественными требованиями, то «ощущалки» умерли бы «естественной смертью» по той простой причине, что их почти никто не смотрел бы и они были бы «не кассовыми».

.484. Следовательно, улучшение качества людей (например, при помощи обсуждаемой нами генной инженерии) решило бы и эту проблему. Искусство и счастье не находится в конфликте; просто для счастья «альфа» нужны «ощущалки», а для счастья гениев нужны гениальные произведения искусства.

§34. Религия и идеалы Дивного мира

.485. Расправившись в 16-й главе с цивилизованными Бернардом Марксом и Гельмгольцом Уотсоном по вопросам теоретического устройства общества и науки, и отправив их на Фолклендские острова, Мустафа Монд в 17-й главе остается один на один с Дикарем, и они приступают к обсуждению вопросов религиозных и этических. Главноуправитель извлекает из запретного сейфа две старые книги с заложенными в них бумажками на нужных Олдосу Хаксли и, надо сказать, хорошо подобранных цитатах, и начинает читать кардинала Джона Генри Ньюмена (1801–1890):

.486. «Мы не принадлежим себе, равно как не принадлежит нам то, что мы имеем. Мы себя не сотворили, мы главенствовать над собою не можем. Мы не хозяева себе. Бог нам хозяин. И разве такой взгляд на вещи не составляет счастье наше? Разве есть хоть кроха счастья или успокоения в том, чтобы полагать, будто мы принадлежим себе? Полагать так могут люди молодые и благополучные. Они могут думать, что очень это ценно: делать все, как им кажется, по-своему, ни от кого не зависеть, быть свободными от всякой мысли о незримо существе, от вечной и докучной подчиненности, вечной молитвы, от вечного соотношения своих поступков с чьей-то волей. Но с возрастом и они в свой черед обнаружат, что независимость не для человека, что она для людей не естественна и годится разве лишь ненадолго, а всю жизнь с нею не прожить...» ([99], с.544).

.487. Потом Мустафа цитирует Мена де Бирана, французского философа (1766–1824):

.488. «Человек стареет; он ощущает в себе то всепроникающее чувство слабости, вялости, недомогания, которое приходит с годами; и, ощутив это, воображает, что всего-навсего прихворнул; он усыпляет свои страхи тем, что, дескать, его бедственное состояние вызвано какой-то частной причиной, и надеется причину устранить, от хвори исцелиться. Тщетные надежды! Хворь эта – старость; и грозный она недуг. Говорят, будто обращаться к религии в пожилом возрасте заставляет людей страх перед смертью и тем, что будет после смерти. Но мой собственный опыт убеждает меня в том, что религиозность склонна с годами развиваться в человеке совершенно помимо всяких таких страхов и фантазий; ибо, по мере того как страсти утихают, а воображение и чувства реже возбуждаются и становятся менее возбудимы, разум наш начинает работать спокойней, меньше мутят его образы, желанья, забавы, которыми он был ранее занят; и тут-то является Бог, как из-за облака; душа наша воспринимает, видит, обращается к источнику всякого света, обращается естественно и неизбежно; ибо теперь, когда все, дававшее чувственному миру жизнь и прелесть, уже стало от нас утекать, когда чувственное бытие более не укрепляется впечатлениями изнутри или извне, – теперь мы испытываем потребность опереться на нечто прочное, неколебимое и безобманное – на реальность, на правду бессмертную и абсолютную» ([99], с.544–545).

.489. «Мустафа Монд закрыл книгу, откинулся в кресле. – Среди множества прочих вещей, скрытых в небесах и на земле, этим философам не снилось и все теперешнее, – он сделал рукой охватывающий жест, – мы, современный мир. *«От Бога можно не зависеть лишь пока ты молод и благополучен; всю жизнь ты независимым не проживешь»*. А у нас теперь молодости и благополучия хватает на всю жизнь. Что же отсюда следует? Да то, что мы можем не зависеть от Бога. *«Религиозное чувство возместит нам все наши утраты»*. Но мы ничего не утрачиваем, и возмещать нечего; религиозность становится излишней. И для чего нам искать замену юношеским страстям, если страсти эти в нас не иссякают никогда? Замену молодым забавам, когда мы до последнего дня жизни резвимся и дурачимся по-прежнему? Зачем нам отдохновение, когда наш ум и тело всю жизнь находят радость в действии? Зачем успокоение, когда у нас есть сома? Зачем неколебимая опора, когда есть прочный общественный порядок?

.490. – Так, по-вашему, Бога нет?

.491. – Вполне вероятно, что есть (..). Но проявляет он себя по-разному в разные эпохи (..). Теперь проявляет себя своим отсутствием; его как бы и нет вовсе (..). Бог несовместим с

машинами, научной медициной и всеобщим счастьем. Приходится выбирать. Наша цивилизация выбрала машины, медицину, счастье» ([99], с.545).

.492. Мы не станем здесь вдаваться в обсуждение вопроса о том, есть Бог или нет его. Опросы, проведенные среди ведущих ученых США, показывают [16], что в начале XX века (в 1914 году) 27,7% ученых верили в Бога, а в конце века (в 1998 году) только 7,0%. Таким образом, общая тенденция, по крайней мере среди высокообразованных людей, направлена в сторону неверия. В любом случае можно согласиться с Мондом, что в наши дни Бог *«никак не проявляет себя»*.

.493. Важнее вопроса о собственно существовании Бога является вопрос о том, по каким причинам люди склоняются к тому или иному ответу, и эти причины действительно хорошо раскрыты в отобранных Олдосом Хаксли цитатах из сочинений кардинала Ньюмена и французского философа де Бирана. К религиозности склоняет тяга к успокоению, умиротворению, «стабильности». И трудно не согласиться с Мустафой Мондом, что если эти причины отпадут, то фактически отпадет и потребность в религиозности.

.494. Но трудно согласиться с Дикарем, что именно в религиозности лежат истоки способности к героизму, самопожертвованию и другим высоконравственным способам поведения людей. В ситуациях, где названные качества проявляются, перед человеком всегда стоит выбор: «как поступать?». Исход этого выбора определяется теми критериями, той системой ценностей, которыми человек при этом руководствуется. Вера в то, что он после смерти будет вознагражден (Богом) за свой высоконравственный поступок (или наказан за безнравственный), конечно, может способствовать принятию соответствующего решения в предложенном ему жизнью выборе. Однако и помимо религиозных существует много критериев, которые – если человек ими руководствуется – побуждают его поступать нравственно.

.495. Опыт показывает, что религиозные критерии не столь уж существенны. Подавляющее большинство итальянских мафиози – верующие, но это не мешает им совершать убийства, а потом отдавать дочерей в монастыри, чтобы «искупить свои грехи». В то же время миллионы совершенно неверующих людей живут высоконравственной жизнью.

.496. Мы, к сожалению, не знаем в деталях и не можем здесь точно рассказать, каково именно было отношение самого Хаксли к религии. Во всяком случае представляется вероятным, что он не был глубоко верующим христианином – иначе он не позволил бы Мустафе столь явно выигрывать спор, а также не обратился бы вскоре после этого к буддизму, йоге и «восточной философии».

.497. «Индустриальная цивилизация возможна лишь тогда – продолжает Мустафа –, когда люди не отрекаются от своих желаний, а, напротив, потворствуют им в самой высшей степени, какую только допускают гигиена и экономика. В самой высшей, иначе останутся машины.

.498. – Был бы тогда резон для целомудрия! – проговорил Дикарь, слегка покраснев.

.499. – Но целомудрие рождает страсть, рождает неврастению. А страсть с неврастением порождают нестабильность. А нестабильность означает конец цивилизации. Прочная цивилизация немыслима без множества услаждающих пороков.

.500. – Но в Боге заключается резон для всего благородного, высокого, героического. Будь у вас...

.501. – Милый мой юноша, – сказал Мустафа Монд. – Цивилизация абсолютно не нуждается в благородстве или героизме. Благородство, героизм – это симптомы политической неумелости. В правильно, как у нас, организованном обществе никому не доводится проявлять эти качества. Для их проявления нужна обстановка полнейшей нестабильности. Там, где войны, где конфликт между долгом и верностью, где противление соблазнам, где защита тех, кого любишь, или борьба за них, – там, очевидно, есть некий смысл в благородстве и героизме. Но теперь нет войн. Мы неусыпнейше предотвращаем всякую чрезмерную любовь. Конфликтов долга не возникает; люди так сформированы, что попросту не могут иначе поступать, чем от них требуется. И то, что от них требуется, в общем и целом так приятно, стольким естественным импульсам дается теперь простор, что, по сути, не приходится противиться соблазнам. А если все же приключится в кои веки неприятность, так ведь у вас всегда есть сома, чтобы отдохнуть от реальности. И та же сома остудит ваш гнев, примирит с врагами, даст вам терпение и кротость. В прошлом, чтобы достичь этого, вам требовались огромные усилия, годы суровой нравственной выучки. Теперь же вы глотаете две-три таблетки – и готово дело. Ныне каждый может быть добродетелен. По меньшей мере половину вашей нравственности вы можете носить с собою во флакончике. Христианство без слез – вот что такое сома» ([99], с.547–548).

.502. Глядя с нашей позиции – как мы смотрим на вещи –, Дикарь несомненно проигрывает этот спор. Мустафа Монд надвигается на него неотвратимый, как штормовой вал, несокрушимый, как прибрежная скала.

.503. Несомненно, что целомудрие – добровольное или вынужденное – является причиной многочисленных психических расстройств; подавляющее большинство самоубийств, особенно совершенных в молодости, порождены сексуальными проблемами. Если мы эти явления считаем негативными, то мы не можем и считать благом целомудрие само по себе.

.504. Другое дело, до каких пределов мы считали бы желательным доходить противоположности целомудрию – «сексуальной свободе». Томас Мор, как мы помним, считал этой оптимальной точкой «законный брак» с нерушимой супружеской верностью. В Дивном мире такой оптимальной точкой считается «здоровый секс» (но не извращенный) при промискуитете вне брака.

.505. Не пытаюсь здесь установить в этом вопросе свою собственную «оптимальную точку», отметим только некоторые моменты. Окружающая нас действительность сегодня гораздо ближе к «точке» Дивного мира, чем к «точке» Мора. Говорят, что такая сексуальная «свобода» или «распушенность» (как кто это назовет) порождает отупление ощущений и чувств. Было бы еще полубедой, если бы это отупление вызывало бы просто снижение интереса к сексу и соответственно уменьшение активности. В реальной же действительности это отупление часто выливается в жажду «чего-то нового и острого», например, вместо зрелых женщин малолетки, вместо простого полового акта – акт, совмещенный с убийством и т.п.

.506. С другой стороны, такое направление поисков «новых и острых ощущений» опять же связано с узким кругозором человека и примитивностью его мышления, то есть – опять с качеством людей. Если бы общество состояло из людей высокого качества – с широким кругозором, умных и порядочных, когда преступные проявления немислимы и полностью отсутствуют, то фактически и в этом вопросе не было бы особой проблемы, и не было бы причин отдавать предпочтение точке зрения Мора на брак или точке зрения обитателей Дивного мира – пусть уж эти высокоразвитые люди сами выбирают, что им больше по душе – брак или промискуитет.

.507. Мустафа Монд совершенно прав, что лучше иметь общество, в котором «благородство и героизм» никогда не понадобятся, чем общество, в котором один герой проявляет благородство и гибнет, а девяносто девять подлецов проявляют низость и процветают.

.508. «– Но слезы ведь необходимы – отчаянно сопротивляется Дикарь. – Вспомните, что сказал Отелло: *«Если каждый шторм кончается такой небесной тишьью, пусть сатанеют ветры, будя смерть»*. Старик индеец нам сказывал о девушке из Мацаки. Парень, захотевший на ней жениться, должен был взять мотыгу и проработать утро в ее огороде. Работа вроде бы легкая; но там летали мухи и комары. Не простые, а волшебные. Женихи не могли снести их укусов и жал. Но один стерпел – и в награду получил ту девушку.

.509. – Прелестно! – сказал Главноуправитель. – Но в цивилизованных странах девушек можно получить и не мотыжа огороды; и нет у нас жалящих комаров и мух. Мы всех их устранили столетия тому назад.

.510. – Вот-вот, устранили, – кивнул насупленно Дикарь. – Это в вашем духе. Все неприятное вы устраняете – вместо того чтобы научиться стойко его переносить. *«Благородней ли терпеть судьбы свирепой стрелы и камня или, схватив оружие, сразиться с безбрежным морем бедствий...»* А вы и не терпите, и не сражаетесь. Вы просто устраняете стрелы и камень. Слишком это легкий выход» ([99], с.548).

.511. «Насупленная позиция» Дикаря все же не кажется нам убедительной. Где же та граница, до которой мы должны «учиться стойко переносить»? – только «стрелы и камень» или также зубную боль, не обращаясь к зубному врачу, и крыс в квартире, не заводя котов?

.512. «Слишком это легкий выход» – это, видимо, является довольно важным тезисом для Хаксли, так как эта идея повторяется многократно в романе, и ее высказывает не один только Дикарь. Бернард тоже пишет в докладе Главноуправителю: *«Хотя должен признаться, что здесь я согласен с Дикарем и тоже нахожу нашу цивилизованную безмятежность чувств слишком легко нам достояющейся, слишком, как выражается Дикарь, дешевой»* ([100], с.216–217).

.513. С позиции более отвлеченной и нейтральной мы можем сказать, что вообще в мире «безмятежность чувств» «слишком дешевой» будут считать люди, особо не испытывавшие в своей жизни противоположную «мятежность чувств». Те же, кто замучен в реальной жизни этой

противоположной альтернативой, будут находить ту самую «безмятежность» не только не дешевой, но и чрезвычайно ценной, желанной – и чаще всего недостижимой.

.514. Так что объективно этот мотив из романа свидетельствует главным образом о том, каково в этом плане было положение самого Олдоса Хаксли. Ну да, – окончив Итон и Оксфорд и безмятежно живя на итальянской вилле, он тосковал по «стрелам и камням»... (Нам бы такую жизнь!).

.515. «Вам бы именно слезами сдобрить вашу жизнь, – продолжал Дикарь. – А то здесь слишком дешево все стоит (...). *«Смертного и хрупкого себя подставить гибели, грозе, судьбине за лоскуток земли»*. Разве не заманчиво? – спросил Дикарь, подняв глаза на Мустафу.

.516. – Если подставлять себя грозе был бы особый резон.

.517. – Разве нет смысла и радости в жизненных грозах?

.518. – Смысл есть, и немалый, – ответил Главноуправитель. – Время от времени необходимо стимулировать у людей работу надпочечников (...). В этом одно из условий крепкого здоровья и мужчин, и женщин. Потому мы и ввели обязательный прием ЗБС (...). Заменителя бурной страсти. Регулярно, раз в месяц. Насыщаем организм адреналином. Дает людям полный физиологический эквивалент страха и ярости – ярости Отелло, убивающего Дездемону, и страха убиваемой Дездемоны. Даем весь тонизирующий эффект того убийства – без всяких сопутствующих неудобств.

.519. – Но мне любы неудобства.

.520. – А нам – нет, – сказал Главноуправитель. – Мы предпочитаем жизнь с удобствами.

.521. – Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, и добра, и греха.

.522. – Иначе говоря, вы требуете права быть несчастным, – сказал Мустафа.

.523. – Пусть так, – с вызовом ответил Дикарь. – Да, я требую.

.524. – Прибавьте уж к этому – право на старость, уродство, бессилие; право на сифилис и рак; право на недоедание; право на шивовость и тиф; право жить в вечном страхе перед завтрашним днем; право мучиться всевозможными лютыми болями.

.525. Длинная пауза.

.526. – Да, это все мои права, и я их требую.

.527. – Что ж, пожалуйста, осуществляйте эти ваши права, – сказал Мустафа Монд, пожимая плечами» ([99], с.548–549).

§35. Битва четырех книг

.528. Итак, Мустафа Монд остается победителем в этом умственном поединке с Дикарем. Упрямство Дикаря – до некоторой степени разделяемое самим Олдосом Хаксли – оставляет впечатление поведения капризного ребенка, который, вопреки всем доводам взрослых, хочет того, чего он хочет...

.529. Такой финал романа – с последующей гибелью Дикаря –, разумеется, многозначителен и глубоко раскрывает позицию автора. Вложив в уста Главноуправителя «Нового Мира» всю мощь аргументации (стало быть, хорошо известной автору), он все равно остается при своем, остается сторонником «Старого Мира» с его трагедиями – в жизни и на сцене –, с его системой ценностей, включающей и благородство, и героизм, и самопожертвование, и целомудрие, и любовь, и очищение...

.530. И всё же при такой постановке вопроса и такой диспозиции конфликта установка Хаксли выглядит неубедительной, и доминирующим остается впечатление его неуверенности, колебаний, растерянности перед лицом грядущего «Нового Мира».

.531. «Хаксли создает не столько мрачный футурологический прогноз, как у Уэллса в «Машине времени» – пишет Г. Анджапаридзе в предисловии к новейшему русскому изданию Хаксли ([99], с.13) –, не столько острую социальную сатиру на определенный общественный строй, как у Дж. Оруэлла в «1984 году», а скорее философскую книгу о несостоятельности самой идеи утопии (идеи, в которую, кстати сказать, все же верил романтик Уэллс!) – построения «стабильного» общества, основанного на лозунгах «у нас каждый счастлив», «каждый принадлежит всем остальным» (...). Хаксли создал, так сказать, универсальную антиутопию – одновременно антибуржуазную и антисоциалистическую, антитехнократическую и антируссоеистскую (ведь дикарское общество, сохранившееся в резервациях, тоже ужасно!), антиколлективистскую и антииндивидуалистическую».

.532. Итак, – всё плохо, выхода нет. Конец всем утопиям.

.533. Действительно, так оно и есть, если люди останутся «альфа-быками». Тогда роман Хаксли даже и не антиутопия вовсе, а просто утопия, изображающая положение в обществе (за исключением конвейерного детопроизводства) гораздо лучшим, чем оно есть на самом деле – без насилия, без преступности, без настоящих наркотиков, без сексуальных извращений и даже без порнографии.

.534. Но мы надеемся, нам удалось показать, что «ужас», от которого своим романом хотел предостеречь людей Хаксли, превратился бы в свою противоположность, в претворение в жизнь лучших мечтаний человечества, в осуществление идеального общества, если бы те средства влияния на формирование людей, какими Хаксли наделил своих героев и какие уже почти что имеются в распоряжение человечества в наши дни, – если бы эти средства были использованы не на ухудшение, а на улучшение людей.

.535. Сам Хаксли несомненно испытывал брезгливость и имел предрассудки против всякого «искусственного» вмешательства в «естественный» процесс формирования человека (и именно поэтому он в своей фантазии направил такое вмешательство исключительно в худшую сторону). Такие предрассудки, конечно же, имеют и большинство наших современников. Это можно считать естественным; подобные предрассудки имелись всегда против всех новшеств, но они никогда не могли остановить приход этих новшеств.

.536. Например, когда в Европу из Америки был привезен картофель, он во многих европейских странах внедрялся властями в течение столетий почти насильственно при упорном сопротивлении крестьян. В России его (с малым успехом) насаждали все цари от Петра Первого до Николая Первого; в 1834–1844 годах в России проходили даже «картофельные бунты» – кровавые столкновения, унесшие много человеческих жизней. Во Франции для внедрения картошки была применена «военная хитрость». Когда несколько королей потерпели в этом деле «поражение» от своих крестьян, при Людовике XVI главный королевский агроном распорядился посадить картошку на нескольких полях и тщательно охранять ее солдатами. Однако ночью охрану снимали, и крестьяне стали по ночам ее воровать. Так картофель вошел в быт французских крестьян.

.537. Так и применение генной инженерии к людям (а также, возможно, других средств прямого влияния на формирование человека, которыми к тому времени будет располагать наука), конечно, будет встречать сопротивление, но не вечное. На самом деле люди хотят «улучшить свою породу» и прилагают к этому множество усилий: они пытаются устроить своих детей в «привилегированные» школы, такие как Итон и Оксфорд, они жертвуют уйму времени на косметику, тренировки и тому подобные вещи, которые на самом деле не что иное, как попытки повлиять на формирование человека, только повлиять малоэффективными средствами в условиях, когда самый главный фактор (гены!) уже отработал.

.538. Поэтому вряд ли приходится сомневаться в том, что рано или поздно в той или иной форме те средства, которыми уже сегодня располагает наука или которыми она будет располагать завтра, начнут применяться для улучшения качества людей. Тогда наступит ситуация, похожая на изображенную Олдосом Хаксли, – только «с противоположным знаком».

.539. Пока что, разумеется, полностью торжествует близорукий подход к вещам: как только в 1997 году на весь мир прогремело известие об овце Долли и стало реальностью клонирование человека, президент США Клинтон (и многие другие деятели) поспешили выступить с призывом запретить клонирование людей; оно было сразу запрещено даже в Латвии, где наличные технические средства еще долго не будут позволять осуществить клонирование.

.540. Если бы такая точка зрения восторжествовала, то человечество действительно оказалось бы в беспросветном тупике; тогда все утопии перечеркнуты, антиутопии взяли верх, ехузы-альфа-быки несправимы, «ужас», пострашнее того, что у Хаксли, тогда неотвратим, он уже здесь, с нами, – и все только усугубляется...

.541. *«Так есть ли выход из этого трагического парадокса? – спрашивает дальше тот же Анджапаридзе ([99], с.15) – Совсем недавно легко, как дыхание, писалось: Хаксли «недопонял», «не осознал из-за своей буржуазной ограниченности»... Но сегодня любому трезвому и непредвзятому ясно, что именно Хаксли, один из немногих, как раз-то и понял. И честно предупредил».*

.542. Рискавя попасть в разряд нетрезвых и предвзятых, мы все-таки отважимся возразить, что кое-что Хаксли все же «недопонял». Ведь коснулся же он в своем романе вопроса

искусственной модификации «рода человеческого», ведь рассмотрел же эту проблему – но только в одну сторону. Почему в одну, почему не в обе?

.543. Для того, чтобы создавать утопии или антиутопии – в литературе ли, в жизни ли – для того, чтобы вообще поднимать эти проблемы и «ворочить ими», нужно иметь свое ясное и определенное представление о фундаментальных вопросах в этой области: если общество плохое, то ПОЧЕМУ оно плохое, в ЧЕМ причина этого? Если причина известна, то КАК ее можно устранить? – или, если устранить нельзя, то ПОЧЕМУ нельзя?

.544. У Хаксли не было ответов на эти вопросы, были лишь смутные недовольство и опасения, он лишь «честно предупредил», как пишет Анджапаридзе. Не было, как мы видели в предыдущей главе, правильных ответов и у Оруэлла. У Мора и Свифта ответы были.

.545. Мор сказал, что причина бед общества – в частной собственности; устранить эту причину можно, перейдя на общую собственность. (Через несколько столетий проверили: ответ ошибочный).

.546. Свифт сказал, что причина бед общества – плохое качество людей; с такими людьми хорошее общество не сделаешь. А о других средствах изменения этого качества, кроме все того же бессильного «воспитания», в его время речи не могло быть.

.547. А во времена Хаксли уже могла быть речь о таких средствах, – и не только могла, но шла у него, только он эти средства совершенно не разглядел и не оценил.

.548. Восходящее к Морю мнение марксистов (и других социалистов), что обобществление собственности приведет к исправлению «рода человеческого» и тем самым к идеальному обществу, в своей наиболее глубокой сущности базировалось на доминирующей в прошлые века взгляд, что человек рождается как *Tabula Rasa* – «чистая доска», на которой жизнь может записать все, что угодно. Если так, то можно изменить окружающую жизнь – и запишется именно то, что надо. Окружающая жизнь проходит с частной собственностью – и на «чистой доске» пишется алчность и своекорыстие; окружающая жизнь будет с общей собственностью – и будет писаться коллективизм и самоотречение.

.549. Наиболее последовательно эту точку зрения выразил английский философ Джон Локк (Locke, 1632–1704), старший современник Свифта. Именно ему принадлежит термин *Tabula Rasa* в отношении новорожденного ребенка.

.550. Но современная наука уже неопровержимо установила, что эта теория фундаментально ошибочна. Ребенок не рождается «чистой доской»; он рождается уже почти готовой биологической системой (созданной под управлением генов) со своими индивидуальными особенностями, рождается системой, которую дальнейшее воспитание может изменить в пределах нескольких процентов, но никак не в самой ее сути.

.551. Отсюда в конечном счете «утопичность» Утопии Мора, крах всех социалистов, всех марксистов, всех революций XX века. ЗДЕСЬ корень всего и вся...

.552. Но здесь же и ответ на волнующий нас вопрос: КАК устранить причину всех бед общества – плохое качество людей? Ответ один: гены! Человек не рождается «чистой доской», он рождается почти готовой системой, созданной генами – и чтобы он родился другим (и потом жил другим), нужны другие гены...

.553. Проблема применения генной инженерии и других в будущем возможных средств модификации человека имеет очень много различных аспектов, анализ которых, однако, вышел бы за пределы нашей темы и которые мы поэтому вынуждены здесь опустить.

.554. Роман Хаксли несомненно глубже разобранного нами выше сочинения Оруэлла с его однозначным торжеством зла и гипертрофированной до невозможных пределов людской жестокости и подлости, – глубже именно своей многоплановостью и многозначительностью, в которой даже сам автор не смог до конца разобраться, оставив это на суд читателей...

.555. Но все же, как нам представляется, рассмотренные здесь две антиутопии в целом проигрывают разобранному прежде двум утопиям – проигрывают по масштабам идей, по глубине понимания связей между вещами этого мира, – тем более, если учесть еще и историческую перспективу: каким фондом идей мог располагать автор, что за мир его окружал...

.556. Мор и Свифт все-таки дали свои ответы на фундаментальные вопросы «утопической идеи» – пусть ответ Мора был ошибочным и пусть ответ Свифта был таким, каким он мог быть в том веке. А Оруэлл и Хаксли ответы на эти вопросы вообще не дали – они лишь поговорили на эту тему и высказали свои ощущения, страхи, надежды.

.557. Джонатан Свифт в 1697 году в доме Темпла в Мурпарке написал свое первое произведение – сатирический памфлет под названием «Битва книг». В одну ночь в королевской

библиотеке сразились книги – новые (т.е. времен Свифта) против старых (т.е. античных). И Свифт вложил победу в руки старых книг... Так же и мы здесь отдаем лавры превосходства книгам старым.

.558. Не могут все-таки идеи непомерных жестокостей «1984 года», рисующего человечество еще более порочным, чем оно есть на самом деле, состязаться с идеями справедливого общества, выдвинутыми на исходе средневековья «Утопией» и влиявшими на лучшие умы целыми столетиями... Не может растерянность Хаксли и упрямство его Дикаря состязаться с убийственной силой сатиры Свифта и его приговором обществу ехузов, не до конца расшифрованным даже сегодня...

.559. Из всех четырех наших авторов, только Свифт не ошибался ни в чем и видел вещи именно такими, какие они есть. Он не поверил прекрасным, но неосуществимым в людском обществе мечтам Мора, и его зашифрованный приговор людям утратит силу лишь тогда, когда формирование качества людей будет вырвано из рук Случая и отдано в руки целеустремленной геной инженерии. Тогда станет осуществимой прекрасная мечта Томаса Мора, и тогда потеряют актуальность и значение страхи Оруэлла и Хаксли, и их книги останутся лишь милым свидетельством тому, в каких направлениях блуждали когда-то человеческие мысли.

Заключение. Развитие утопической идеи

2000.08.22 19:17 вторник
(через 3 месяца, 25 дней, 6 часов, 23 минут)

.560. Нашей целью в этом небольшом исследовании было обозреть развитие утопической идеи на примерах из британской литературы. Мы прошлись по четырем вершинам английской классики, отражающим каждая свою сторону интересующего нас вопроса об идеальном обществе.

.561. Сэр Томас Мор, потомок лондонского городского головы и лорд-канцлер при кровавом, самовластном короле, казненный им за принципиальность, создал красивое произведение, овеянное лирикой мечты и надежды и ставшее нарицательным для сотней или тысяч последующих сочинений и теоретических построений. Утопия – место, которого нет, но которое могло бы и быть... Могло бы быть и, наверное, по-Мору, будет – будет, если кто-то, возможно, просвещенный монарх, устроит человеческое общество разумным образом: без стремления к наживе, без частной собственности, на общих началах. Если так устроить общество, то оно станет идеальным...

.562. Джонатан Свифт, родившийся в Ирландии не-ирландец, советник министров и вельмож, безумный священник дублинского собора святого Патрика, последователь Томаса Мора по стилю, не был его наследником по идеям. Нет – ответил Свифт своему великому предшественнику –, общество было бы идеальным, если бы люди жили как лошади. Но люди – ехузы, и ничего хорошего с ними не выйдет. Мы, кажется, показали, что ответ Свифта Мору был гораздо более осознанным, чем это принято считать; он повлиял на всю композицию книги Свифта и вызвал ее реорганизацию в момент, когда книга уже приближалась к окончанию.

.563. Перескочив столетия, отделяющие его век от обоих старых классиков литературы его народа, Джордж Оруэлл, обедневший аристократ, анархист и свидетель испанской войны, так внимательно следивший за Россией, создал творение, изображающее мир настолько мрачный, настолько жуткий, что в этом его, наверное, не может превзойти никто и ничто... Люди, несмотря на свои пороки, не настолько плохи, чтобы на самом деле сотворить такой мир, но книга Оруэлла сыграла свою роль в ту эпоху, когда она создавалась. Она прозвучала как приговор, это было как последняя точка в вековом споре между Мором и Свифтом: попытки сделать общество идеальным превратят его в прямую противоположность идеалу.

.564. И, наконец, последний из них – последний у нас, хотя хронологически и более ранний –, Олдос Хаксли, утонченный профессиональный литератор, сотворил сочинение, пронизанное растерянностью перед наступающими тенденциями и неуверенностью в их однозначно положительной или однозначно отрицательной оценке: вот он, мир – да, новый; да – дивный... Но хороший он или плохой? И вообще-то больше похоже, что плохой, хотя логика...

.565. Магистральная линия развития идеи идеального общества, как в мире в целом, так и в избранных нами произведениях английской литературы ведет от утопии к антиутопии, от мечты до полного отрицания этой мечты.

.566. Этот путь вполне соответствует действительному политическому развитию мира вне литературы и тем более вне одной лишь английской. Следуя в некотором смысле Морю, в дальнейшие столетия создавались учения, организации, движения и партии, ставившие себе целью преобразование общества. Думали, творили и действовали Бабеф, Сен-Симон, Оуэн, Фурье... Потом Карл Маркс и Фридрих Энгельс объявили всех их «утопическими социалистами» и создали единственно верное учение «научного коммунизма». Для его осуществления мир сотрясали революции и гражданские войны, были убиты десятки, а возможно и сотни миллионов человек, возвысились два мировых лагеря – социалистический и капиталистический –, в октябре 1962 года мир одной ногой уже переступил черту начала термоядерной войны. В следующие тридцать лет мечта о светлом будущем стала как-то все больше расплываться, и в августе 1991 года исчезла совсем. Призрак, полтора столетия бродивший по Европе, куда-то улетучился...

.567. На этом мы могли бы и закончить свое маленькое исследование о развитии идеи идеального общества по ее отображению в вершинах английской литературы. Но мы его не закончим здесь и добавим еще несколько слов про идеи, не прозвучавшие в затронутых нами произведениях.

.568. Мрачная точка, поставленная Оруэллом, оборвала светлый путь, начатый Мором. Идеальным отныне, очевидно, следует считать общество с рыночной экономикой и демократическими выборами. Но мы хотели бы отметить, что в человеческом обществе по-прежнему, как и во времена Томаса Мора, есть люди, думающие лишь о том, как ИМ лучше устроиться в этом мире, и по-прежнему есть люди, думающие о том, как нам устроить этот мир лучше для ВСЕХ. И по-прежнему вторые нам симпатичнее.

.569. Утопическая идея не умерла, не утонула в потоке антиутопий. Быть может, только в наши дни и начинается ее настоящая жизнь?

.570. Да, Свифт был несомненно прав против Мора: из ехузов, из людей таких, какие они есть, остров Утопию не построишь.

.571. Но всегда ли они останутся ехузами? Не изменит их, конечно, ни нравоучения, ни отмена частной собственности – все это сказки. Но может быть их изменит гениальная инженерия? Быть может ЭТО уже не сказки?

.572. Книга Хаксли, задуманная им как антиутопия для сопротивления наступающим тенденциям времени, на самом деле содержала такие вещи, которые могли бы дать новую жизнь именно утопической идее.

.573. Наша реальность уже сегодня во многих аспектах хуже, чем «ужас», предвиденный Хаксли. И нет надежды, что мир может стать лучше – пока люди остаются людьми. Но есть надежда, что они уже недолго останутся такими. Однако эта тема не была затронута в разбираемых нами произведениях английской литературы, и поэтому мы заканчиваем здесь свой обзор.

Список литературы

1. Dampier W. «A Voyage Round the World». (.193).
2. Einstein A. «Ist die Trägheit eines Körpers von seinem Energieinhalt abhängig?». Ann. Phys., 1905, 18, 639–641. (.413).
3. Einstein A. «Zur Elektrodynamik der bewegter Körper». Ann. Phys., 1905, 17, 891–921. (.413).
4. Hakslijs Oldess. «Sala». No angļu valodas tulk. G. Groza. Liesma, Rīga, 1993. (.391).
5. Hakslijs O. «Brīnišķīgā jaunā pasaule». Rīga, 1999. (.391).
6. Huxley Aldous. «Antic Hay». 1923. (.386).
7. Huxley Aldous. «Brave New World». Perennial Classic. Harper & Row, Publishers, Inc. New York. (.363 .390).
8. Huxley Aldous. «Brave New World». 1932. (.386).
9. Huxley Aldous. «Crome Yellow». 1921. (.386).
10. Huxley Aldous. «Eyeless in Gaza». 1936. (.386).
11. Huxley Aldous. «Point Counter Point». 1928. (.386).
12. Huxley Aldous. «The Devils of Loudun». 1952. (.386).

13. Huxley Aldous. «The Doors of Perception». 1954. (.386 .387).
14. Huxley Aldous. «The Perennial Philosophy». 1946. (.386).
15. Huxley Aldous. «Those Barren Leaves». 1925. (.386).
16. Larson Edward J., Witham Larry. «Leading scientists still reject God». «Nature», vol. 394, No. 6691 (July 23, 1998), p.313. (.492).
17. More Thomas, Sir. «The Utopia». Including Roper's Idfe of More a. letters of More a. his daughter Margaret. New York (LNB). (.42).
18. More Thomas, Sir. «Utopia». London: J.M. Dent & Sons Ltd; New York: E.P. Dutton & Co. Inc. 1937. (.42).
19. More Thomas. The Complete Works of St. Thomas More, v.4, ed. by Edward Surtz, S.J. and J.H. Hexter. Yale University Press, New Haven – London, 1965. (.47).
20. More Thomas. «Utopia» dt von H. Kothe. Reclam, Leipzig (LNB). (.42).
21. More Thomas. «Utopia». Arber's Reprints, 1869. (.41).
22. More Thomas. «Utopia». Hrsg. von V. Michels und Th. Ziegler. Weidmann, Berlin, 1895 (LNB). (.42).
23. More Thomas. «Utopia». R. Roberts, 1878. (.41).
24. More Thomas. «Utopia». Temple Classics, 1898. (.41).
25. More Thomas. «Utopia». Translated by Raphe Robinson, 1551; many later reissues. (.41).
26. More Thomas. «Utopia». Translated by T.F. Dibdin, 1808. (.41).
27. More Thomas. «Utopia». Transl. a. ed. by H.V.S. Ogden. Appleton-Cent. Crofts, New York, 1949 (LNB). (.42).
28. Morus Thomas. Latin Collected Works. 1563. (.40).
29. Morus Thomas. Latin Collected Works. 1565. (.40).
30. Morus Thomas. Latin Collected Works. 1566. (.40).
31. Morus Thomas. Latin Collected Works. 1689 (with Stapleton's Life). (.40).
32. Morus Thomas. «Utopia». Johann Froben, Basle, 1518. (.39).
33. Morus Thomas. «Utopia». Jule de Gurmon, Paris, 1517. (.39).
34. Morus Thomas. «Utopia». Louvain, 1516. (.39).
35. Newton I.S. «Philosophiae Naturalis Principia Mathematica». Imprimatur S. Pepys, Reg. Soc. Praeses. Londini, anno MDCLXXXVII. (.131).
36. Orvels Dž. «Dzīvnīeku farma». Tulkojis V. Skultāns. Latpress, Londona, 1954. (.358).
37. Orvels Dž. «Dzīvnīeku ferma. 1984». No angļu valodas tulkojuši S. Brice, V. Kārklīš. Liesma, Rīga, 1990. (.358).
38. Orvels Dž. «1984». No angļu valodas tulkojis V. Kārklīš. Daugava, Stokholma, 1951. (.358).
39. Orwell George. «Down and Out in Paris and London». 1933. (.338).
40. Orwell George. «Review. «We» by E.I. Zamyatin». «Tribune» 1946.01.04. (.363).
41. Orwell George. «1984». Harcourt Brace Jovanovich, Inc. New York 1949. (.357).
42. Orwell George. «1984». London, 1962 (LNB). (.357).
43. Orwell George. «1984». New York, 1981 (LNB). (.357).
44. Orwell George. «1984». With an afterword by Erich Fromm. A Signet Classic. New York and Scarborough, Ontario, 1987. (.357).
45. Svifts Džonatans. «Gulivera ceļojumi». No angļu valodas tulkojis Andrejs Johansons. Daugava, Stokholma, 1952. (.157).
46. Svifts Džonatans. «Gulivera ceļojumi». No angļu valodas tulkojusi Mirdza Ķempe. Ilustrējis U. Mežavilks. LVI, Rīga, 1959. (.170).
47. Svifts Džonatans. «Gulivera ceļojumi». 1. un 2. daļa. Jaunais vārds, Rīga, 1925. (.157).
48. Swift Jonathan. «Gulliver's Travels». Ed. by G. Ravenscroft Dennis. London, 1922. (.168).
49. Swift Jonathan. «Gulliver's Travels». Библиотека иностранной литературы выпускается для студентов филологов по курсу зарубежной литературы. Higher School Publishing House, Moscow, 1973. (.168).
50. Swift Jonathan. «The Battle of the Books». 1697. (.137).
51. Swift Jonathan. «The Tale of the Tube». 1704. (.137).
52. Swift Jonathan. «Travels into several remote nations of the world by Lemuel Gulliver first a surgeon, and then a captain of several ships». Benjamin Motte, London, 1726. (.167).
53. Swift Jonathan. «Travels into several remote nations of the world by Lemuel Gulliver first a surgeon, and then a captain of several ships». Dublin, 1735. (.167).
54. Swift Jonathan. «Travels into several remote nations of the world by Lemuel Gulliver». Bowyer, London, 1768 (LNB). (.156).
55. Берджес Э. «1985». (.303).
56. Вальдземюллер. «Введение в картографию». 1507. (.14).
57. Гамаюнов Игорь. «Как изменяют КГБ. Преступление и наказание оперработника госбезопасности капитана Орехова». «Юность», 1991 № 6. (.289).
58. Гилагомилус. «Введение в космографию». В приложении: письма Америго Веспуччи. 1507 г. (.14).

59. Замятин Е.И. «Мы». (.363).
60. Каутский Карл. «Томас Мор и его Утопия». Издательство «Красная Новь», Главполитпросвет, Москва, 1924. (.37 .90).
61. Коперник Н. «Об обращении небесных сфер». (.100).
62. Левидов Михаил Юльевич. «Путешествие в некоторые отдаленные страны, мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях». Советский писатель, Москва, 1964. (.155 .195).
63. Ленин В.И. ПСС, т.44. (.73).
64. Лукиан.... (.27).
65. Маркс Карл. «Капитал». (.37 .51).
66. Мартир Петр. «О новом свете». 1511 г. (.14).
67. Мор Томас. «Утопия». Перевод с латинского Е. Тарле. Приложение к магистерской диссертации Е. Тарле «Общественные воззрения Томаса Мора». СПб, 1901. (.45).
68. Мор Томас. «Утопия». Пер. А.И. Малеина. 1-е изд., доп. Изд-во АН СССР, М.–Л., 1947 (LNB). (.46).
69. Мор Томас. «Утопия». Пер. А.И. Малеина. 2-е изд., доп. Изд-во АН СССР, М., 1953 (LNB). (.46).
70. Мор Томас. «Эпиграммы. История Ричарда III». Наука, Москва, 1973 (LNB). (.48).
71. Морис Томас, Канцлер Английский. «Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия». Переведена с английского на французский Г. Руссо, а с французского на русский. СПб, 1789. (.44).
72. Мор Томас. «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Пер. А.И. Малеина. Academia, М.–Л., 1935 (LNB). (.46).
73. Мор Томас. «Утопия». Пер. А.Г. Генкель. 1-е изд. Тип. Буссея, СПб, 1903 (LNB). (.45).
74. Мор Томас. «Утопия». Пер. А.Г. Генкель. 3-е изд. Петроградский совет рабочих и крестьянских депутатов, Пг, 1918 (LNB). (.45).
75. Мор Томас. «Утопия». Пер. А.Г. Генкель. 4-е изд. Пролетарий, Харьков, 1923 (LNB). (.45).
76. Мор Томас. «Утопия». Пер. Ю.М. Каган. Наука, Москва, 1978 (LNB). (.47 .67 .79 .80 .81 .84 .85 .89 .93 .98 .101 .102 .104 .115 .116 .117 .208).
77. Оруэлл Дж. «Заметки о национализме». Эссе. 1945. (.260).
78. Оруэлл Дж. «Политика против литературы: анализ «Путешествий Гулливера»». Эссе. 1946. (.215).
79. Оруэлл Дж. «Скотный двор». Перевод И. Полоцка. «Родник», 1988, № 7. (.360).
80. Оруэлл Дж. «Скотный двор». Перевод Л. Беспаловой. Библиотека журнала «Иностранная литература», 1989. (.345 .360).
81. Оруэлл Дж. «Скотский уголок». Перевод Сергея Таска. В книге «Фантастика2. Антиутопии XX века». Издательство «Книжная палата», Москва, 1989. (.360).
82. Оруэлл Дж. «Ферма животных», перевод В. Прибыловского. ВПТО «Киноцентр», 1990. (.360).
83. Павлов И.П. «Лекции о работе главных пищеварительных желез». 1897. (.411).
84. Платон. «Государство». (.86 .316).
85. Платон. «Законы». (.86).
86. Свифт Дж. «Дневник для Стеллы». Наука, Москва, 1981. (.149 .159).
87. Свифт Дж. «Каденус и Ванесса». Поэма. (.151).
88. Свифт Дж. «Путешествия Лемюэля Гулливера в некоторые отдаленные страны света, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей». Издательство «Правда», Москва, 1979. (.170).
89. Свифт Дж. «Путешествия Лемюэля Гулливера». Библиотека всемирной литературы. Художественная литература, Москва, 1976. (.170).
90. Федосеев П.Н. и др. «Научный коммунизм». Учебник. Москва, Политиздат, 1972. (.37).
91. Фокс Р. «Роман и народ». Ленинград, 1939. (.388).
92. Форд Генри. «Движение вперед». 1930. (.397).
93. Форд Генри. «Моя жизнь и работа». 1922. (.397).
94. Форд Генри. «Моя жизнь, мои достижения». 1924. (.397).
95. Форд Генри. «Сегодня и завтра». 1926. (.397).
96. Фрейд З. «Об этиологии психоанализа». 1896. (.407).
97. Хаксли Олдос. «О дивный новый мир». В книге «Утопия и антиутопия XX века». Прогресс, Москва, 1990. (.392).
98. Хаксли Олдос. «О дивный новый мир». Замятин Е.И. «Мы». Москва, 1989. (.392).
99. Хаксли Олдос. «О дивный новый мир». Перевод О. Сороки. В книге «Контрапункт. О дивный новый мир. Рассказы». ОАО Издательство «Радуга», Москва, 2000. (.389 .405 .420 .423 .426 .429 .444 .444 .454 .459 .473 .476 .480 .486 .488 .491 .501 .510 .527 .531 .541).
100. Хаксли Олдос. «О дивный новый мир». Перевод О. Сороки. В книге «Фантастика2. Антиутопии XX века». Издательство «Книжная палата», Москва, 1989. (.375 .392 .415 .423 .512).
101. Шелли Мери. «Последний человек». (.327).

102. ⁸Кампанелла Т. «Город Солнца». Academia, Москва–Ленинград, 1934. (.69 .86).
103. Оруэлл Дж. «Скотный двор». Эссе. Перевод А. Зверева. Известия, Москва, 1989. (.360).
104. Оруэлл Дж. «1984», перевод В. Голышев. «Скотоферма», перевод Г. Щербак. Мир, Москва, 1989. (.359 .360).
105. Оруэлл Дж. «1984». Перевод Д. Иванова, В. Недошивина. «Скотный двор». Перевод Д. Иванова, В. Недошивина. Эссе. Лениздат, Ленинград, 1990. (.217 .218 .219 .220 .221 .222 .223 .224 .225 .226 .227 .228 .229 .230 .239 .241 .243 .245 .247 .248 .250 .252 .275 .296 .307 .311 .313 .314 .318 .359 .360 .367).
106. Оруэлл Дж. «1984». Эссе. Прогресс, Москва, 1989. (.359).
107. Оруэлл Дж. «1984». «Ферма животных». Совместное предприятие СССР-Франция ДЭМ, 1989. (.359 .360).
108. Оруэлл Дж. «1984». «Новый Мир», 1989 №№ 2–4. (.359).

Серия НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ

Заведующая редакцией В.И. Эгле

Редактор Г.В. Сухова

Сдано в набор 25 ноября 1998 г.

Подписано в печать 27 августа 2000 г.

ИБ–1024

Формат А5

Печать высокая, офсетная и низкая

Печатных листов 4

Тираж 500 000 экз.

Цена 95 коп.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»

Москва, Краснопролетарская 16

Речь

2000.12.27 11:05 среда

Уважаемая комиссия, уважаемый председатель, леди и джентльмены!

Проблемы справедливости и честности в человеческом обществе, вопросы установления таких отношений между людьми, которые основывались бы не на эгоизме и жадности, а на взаимопонимании и взаимопомощи, – эти вопросы всегда интересовали и волновали меня, и я избрала эту тему для своей дипломной работы при окончании этого почитаемого Университета.

Лучшие умы человечества с древнейших времен занимались этой проблемой, и в письменной литературе одним из первых был великий Платон из Афин, ученик Сократа и

⁸ P.S. 2007.06.17 00:39. К сожалению, только уже выпустив эту книгу, я заметил, что в списке литературы, начиная с этого места, некоторые книги разместились «не на своем месте» по алфавиту. Если бы я это заметил раньше, то, конечно же, легко исправил бы, но теперь мне пришлось бы либо заново макетировать книгу, либо вручную менять все номера источников и ссылки на них в тексте, что я, конечно же, делать не стану, и оставляю всё как есть. А причина всему – одна идиотская программа (драйвер клавиатуры), которую мне в свое время поставили вместе с первым моим РС компьютером, и тайного вредительства которой я не сразу заметил. Эта «умная» программа, когда ее переключали на русский шрифт, вводила «чисто русские» буквы как русские, а те, что по начертанию совпадали с латинскими, вводила как латинские. В результате получались слова с «тайно» перемешанными русскими и латинскими буквами, а визуально это было незаметно, и я это обнаружил только через несколько лет, когда тексты стал обрабатывать своими компьютерными программами, но тогда у меня уже имелись в компьютере громадные массивы текстов – и все так вот испохаблены. В источниках [102] – [108] буквы «К» и «О» латинские, хотя другие буквы русские. А программа TECUS, сортируя литературные источники, размещала сначала латинские, потом русские, а потом те, которые она не могла идентифицировать ни как латинские, ни как русские. Чтобы эти источники оказались на своем правильном месте, надо было просто перепечатать имена авторов «Кампанелла» и «Оруэлл» в русском шрифте с нормальным драйвером клавиатуры (какой, конечно же, давно уже у меня теперь стоит).

учитель Аристотеля. Но Платона интересовали не столько справедливые отношения между людьми, сколько успех идеального Государства.

Первым, кто перед всем миром в центре внимания выдвинул вопрос именно справедливости внутреннего устройства общества, был Томас Мор, по праву принадлежащий английской литературе, несмотря на то, что его «Утопия» была написана на латинском языке. С него я и начала свое небольшое исследование.

Работа Мора оказала громадное влияние на все дальнейшее развитие людских воззрений в этом вопросе, стала нарицательной и породила целые жанры «утопической» и «антиутопической» литературы. У меня не было возможности рассмотреть в своем сочинении все, что в этих жанрах написано хотя бы только на английском языке и только британскими писателями. Поэтому я ограничилась, помимо Мора, только еще тремя писателями, которые мне казались наиболее яркими и показательными – Джонатаном Свифтом, Джорджем Оруэллом и Олдосом Хаксли.

Общая тенденция как среди названных авторов, так и в целом в британской, англоязычной и мировой литературе, как мне показалось, ведет от утопии к антиутопии, то есть, от надежд и утверждения возможности справедливого общества к безнадежности и отрицанию этой возможности.

Общая композиция моей работы, как я старалась ее построить, отражает эту тенденцию: Мор создает мечту об идеальном обществе; Свифт в замаскированном виде отвечает ему, что такое общество невозможно потому, что люди несовершенны; Оруэлл рисует наиболее полную противоположность моровской мечте, а Хаксли затрагивает вопрос об изменении самого человека, но относится к этому делу отрицательно.

Я позволила себе в своем личном мнении стать на сторону не антиутопий, а утопий. Мне хочется верить, что мечта о справедливом и совершенном людском обществе все же окажется достижимой для человечества, несмотря на многочисленные предыдущие неудачи, разочарования и сомнения.

Я позволила себе согласиться со Свифтом, что моровская мечта неосуществима в человеческом обществе, пока люди остаются столь несовершенными, какими они были до сих пор. Но мне показалось, что для улучшения человеческой природы в принципе возможно применение и более радикальных средств, чем те, что использовались в прошлом. И я позволила себе не согласиться с Хаксли, что искусственное вмешательство в природу человека само по себе уже всегда представляет собой явление отрицательное.

Я согласна с уважаемым мною руководителем этой работы, что высказанное в тексте мнение об Оруэлле могло бы быть и помягче. Три причины определили такой стиль: во-первых, моя общая ориентация в поддержку утопий и против антиутопий; во-вторых, соображения композиции моей работы, согласно которым я назвала четыре части темы соответственно Утопией, Эвтопией, Атопией и Дистопией, и работа Оруэлла тогда оказалась Атопией, т.е. «невозможным местом»; и наконец, в третьих, потому что Оруэлл так резко – и на мой взгляд несправедливо – критиковал Свифта, одного из самых любимых мною писателей.

Работа Оруэлла, конечно же, метафора, но люди, тем более хорошие писатели, выбирают метафоры не случайно, а в соответствии со своими внутренними установками. Поэтому по выбранным ими метафорам можно судить об этих внутренних установках, что я и попыталась сделать в своем исследовании в отношении Оруэлла.

Я хотела бы особо обратить внимание уважаемой комиссии на то, что обсуждение вопроса о возможных последствиях применения генной инженерии к человеку выходит за пределы темы моего сочинения. Тема моей работы – развитие утопической идеи. И если реальное применение клонирования или других способов генного воздействия на человека окажется по каким-то причинам невозможным или недопустимым, то сама мысль о таком вмешательстве в природу человека все равно останется причастной к рассмотренной мною теме – останется именно как идея утопическая.

Я хотела бы также известить уважаемую комиссию о том, что уже после написания моей работы о Свифте мы при помощи знакомых специалистов по компьютерному делу изучили доступные в Интернете списки преподавателей британской литературы XVIII века в различных англоязычных университетах мира и через Интернет обратились к шестнадцати профессорам в шести разных странах с просьбой прокомментировать предположение, что Свифт изменил концепцию «Путешествий Гулливера» с целью превратить эту книгу в сознательный ответ

Томасу Морю и зашифровал в ней многие параллели и намеки на «Утопию», далеко не полностью еще расшифрованные комментаторами Свифта.

Из выбранных нами 16 преподавателей отозвались четыре: professor Lucy Frost, University of Tasmania; Dr Shef Rogers, University of Otago, New Zealand; professor Peter Titlestad, University of Pretoria, South Africa; и Dr John Ross, Massey University, New Zealand. Особенно обстоятельное письмо вместе с фотокопией своей статьи о первых изданиях Свифта, напечатанной в «Bibliographical Society of Australia and New Zealand Bulletin» в 1996 году, прислал доктор Росс из Новой Зеландии.

В целом они подтвердили, что версия об изменении Свифтом концепции «Путешествий Гулливера» с целью дать ответ Морю не известна специалистам, а показанные нами параллели между Мором и Свифтом «очень интересны», по словам профессора Титлстэда. К сожалению, у меня уже не было времени после этой переписки переработать текст дипломной работы, чтобы выразить эту концепцию более отчетливо. В работе она осталась в своем первоначальном виде, а в окончательном варианте высказана только в тезисах.

Благодарю за внимание.

Тезисы работы

1) Мечта о справедливом и совершенном обществе всегда занимала лучшие умы человечества. Первым, кто наиболее ярко и в масштабах всего человечества выразил эту идею, был гуманист Томас Мор.

2) В «Утопии» Томаса Мора в литературно блестящей (по тем временам) форме изложен проект идеального общества, основанного на упразднении частной собственности. Идеального общества, как показал опыт социалистических революций, невозможно достичь путем отмены частной собственности, и в этом состоит ошибочность и «утопичность» идей Мора. Но работа Мора сохраняет свое значение как декларация цели (т.е. совершенного общества), которая, возможно, достижима другими средствами.

3) «Путешествия Гулливера» были первоначально задуманы Джонатаном Свифтом как пародия (в стиле более раннего проекта о «докторе Скриблере») на три путешествия Уильяма Дампьера, и в соответствии с этим планом имели три части (т.е. три путешествия Гулливера).

4) Однако в ходе работы над романом Свифт изменил свой план и превратил «Гулливера» из простой пародии на современное ему общество в масштабный теоретический, хоть и замаскированный ответ на «Утопию» Томаса Мора. С этой целью он изменил композицию книги, добавив еще одно путешествие Гулливера так, чтобы общее их число соответствовало уже не трем путешествиям Дампьера, а четырем путешествиям Америго Веспуччи, во время последнего из которых, согласно Морю, Гитлодей посетил остров Утопию. Вновь добавленное путешествие Гулливера Свифт сделал третьим по порядку, а передвинутое на четвертое место последнее путешествие Гулливера (в страну лошадей) Свифт, в отличие от всех предыдущих путешествий, направил в точности по следам Гитлодея, снабдив также множеством географических, хронологических и лингвистических параллелей с «Утопией».

5) Факт, что Третье путешествие было написано Свифтом после Четвертого, общеизвестен в свифтологии, но не известен мотив, почему это было сделано, и не раскрыты комментаторами многие замаскированные параллели с «Утопией» Мора и намеки на нее. На эти обстоятельства в настоящей работе указывается впервые. Поэтому в мировой свифтологии нет четкого осознания того факта, что в своем окончательном варианте «Путешествия Гулливера» представляли собой в первую очередь ответ Томасу Морю; до сих пор продолжает доминировать мнение, что «Гулливер» в целом так и остался пародией на Дампьера, а добавленное Третье путешествие – просто пародией на Лондонское Королевское общество и на Ньютона.

6) Как ответ Томасу Морю «Путешествия Гулливера» (в особенности Четвертое путешествие) означали: идеальное общество «Утопии» невозможно, потому что люди являются «яху» – порочны и несовершенны. Именно этим выводом Свифта объясняется иначе непонятное его ожесточение против людей, критикуемое, например, Оруэллом.

7) Джордж Оруэлл в романе «1984» изобразил полную противоположность моровской «Утопии», общество, достигшее совершенства в отношении зла. Однако и такое общество, так же как Утопия, совершенная в добре, реально существовать не может, потому что люди несовершенны не только в отношении добра, но и в отношении зла.

8) Олдос Хаксли в романе «О дивный новый мир» коснулся темы изменения человека, но изобразил это изменение только в одну сторону – в сторону худшего – и относился поэтому к самой идее такого изменения человека отрицательно.

9) В целом, таким образом, утопическая идея развивалась от выдвигания мечты об идеальном обществе к отрицанию достижимости и даже к отрицанию желательности достижения такого общества. Утопии утонули в антиутопиях.

10) Все же утопическая идея может возродиться через принятие людьми мысли об искусственном, целенаправленном и разумном вмешательстве в формирование человека, ориентированным не на ухудшение его, как у Хаксли, а на улучшение. Современная наука уже дает к этому средства в виде клонирования и генной инженерии.

Вопросы оппонента

2001.01.20 18:03 суббота

1. What do you mean when you call Swift's Utopia «positive»?

Что вы имеете в виду, когда называете утопию Свифта «положительной»?

Противопоставление сочинений Мора и Свифта сочинениям Оруэлла и Хаксли вводится в начале третьей главы моей работы, и там первые две вещи названы «положительными утопиями», однако это название поставлено в кавычки, что означает, что его не надо понимать слишком буквально. А само такое противопоставление я сделала, основываясь на отношении авторов к самой Утопической идее в целом, насколько я это отношение смогла постичь.

Мор относился положительно к идее преобразования общества, и это, видимо, никто здесь не будет оспаривать. Но Свифт тоже относился положительно к Утопической идее, хотя он и признал ее неосуществимой из-за порочности людей. Свифт тесно связал концепцию своего «Гулливера» с «Утопией» Мора, даже с этой целью специально изменив первоначальный план книги. Он встроил в «Путешествия Гулливера» множество скрытых параллелей и намеков на «Утопию». Он, автор «Битвы книг», в которой он полностью «уничтожает» своих современников и превозносит только античных авторов, – он среди пяти античных персонажей в свой «Секстумвират» включил Мора как единственного англичанина и вообще единственного лица, жившего после средневековья. Это показывает, насколько высоко он ценил Мора и его идеи. И если Свифт потом обрушивается на «ехузов» с такой беспощадностью, то это именно потому, что они не способны осуществить идеалы Мора, Утопическую идею.

Вот это положительное отношение к Утопической идее объединяет Мора и Свифта. А Оруэлл и Хаксли, как мне кажется, относились к Утопической идее отрицательно. Они хотели сказать своими книгами, что идея провалилась, дискредитировала себя и т.д.

2. What makes you think that genetic engineering and cloning could solve all the problems of the human race, since it would not abolish the spirit – flesh dichotomy and scientific progress so far has largely made many things worse, endangering the very existence of the human species?

Что заставляет вас думать, что генная инженерия и клонирование могут решить все проблемы человеческого рода, если они не могут отменить противопоставление духа и плоти, и научный прогресс до сих пор преимущественно сделал многие вещи хуже, угрожая самому существованию человеческих пород?

Я не хотела своей работой сказать, что генная инженерия и клонирование могут решить все проблемы человеческого рода. Я хотела сказать, что если – если! – Утопическая идея, т.е. идея улучшения общества, осуществима, то только через эти средства. Моя работа выражает не уверенность, а надежду.

Научный прогресс до сих пор касался только вещей, которые окружают человека, но не касался улучшения самого человека. Таким образом, эти улучшенные или усиленные вещи попадали в распоряжение тех же «старых», порочных людей. Может быть именно поэтому научный прогресс и обращался столь часто против самих людей и даже угрожает их существованию? И может быть именно изменение самих людей может обратить научный прогресс на благо человечества?

В отношении противопоставления духа и плоти я склонна придерживаться того мнения, что качество духа есть в конечном счете качество мозга. Моральный выбор человека есть решение, принятое его мозгом. Если человеком было выбрано плохое, аморальное, порочное, преступное решение, то это означает, что его мозг отработал плохо, некачественно. И наоборот, высоко моральное, этическое решение человека есть признак хорошего качества работы его мозга. С этой точки зрения представляется, что улучшение качества работы мозга должно привести к высокоморальным и этическим решениям, принимаемым владельцем этого мозга.

И если генная инженерия и клонирование смогли бы хоть немножко повысить среднее качество человеческих мозгов, то в такую же степень можно было бы ожидать улучшения в суммарном поведении и поступках людей.

Речь (второй вариант)

Уважаемая комиссия, уважаемый председатель, леди и джентльмены!

Проблемы справедливости и честности в человеческом обществе, вопросы установления таких отношений между людьми, которые основывались бы не на эгоизме и жадности, а на взаимопонимании и взаимопомощи, – эти вопросы всегда интересовали и волновали меня, и я избрала эту тему для своей дипломной работы при окончании этого почитаемого Университета.

Лучшие умы человечества с древнейших времен занимались этой проблемой, и в письменной литературе одним из первых был великий Платон из Афин, ученик Сократа и учитель Аристотеля. Но Платона интересовали не столько справедливые отношения между людьми, сколько успех идеального Государства.

Первым, кто перед всем миром в центре внимания выдвинул вопрос именно справедливости внутреннего устройства общества, был Томас Мор, по праву принадлежащий английской литературе, несмотря на то, что его «Утопия» была написана на латинском языке. С него я и начала свое небольшое исследование.

Работа Мора оказала громадное влияние на все дальнейшее развитие людских воззрений в этом вопросе, стала нарицательной и породила целые жанры «утопической» и «антиутопической» литературы. У меня не было возможности рассмотреть в своем сочинении все, что в этих жанрах написано хотя бы только на английском языке и только британскими писателями. Поэтому я ограничилась, помимо Мора, только еще тремя писателями, которые мне казались наиболее яркими и показательными – Джонатаном Свифтом, Джорджем Оруэллом и Олдосом Хаксли.

Общая тенденция как среди названных авторов, так и в целом в британской, англоязычной и мировой литературе, как мне показалось, ведет от утопии к антиутопии, то есть, от надежд и утверждения возможности справедливого общества к безнадежности и отрицанию этой возможности.

Общая композиция моей работы, как я старалась ее построить, отражает эту тенденцию: Мор создает мечту об идеальном обществе; Свифт в замаскированном виде отвечает ему, что такое общество невозможно потому, что люди несовершенны; Оруэлл рисует наиболее полную противоположность моровской мечте, а Хаксли затрагивает вопрос об изменении самого человека, но относится к этому делу отрицательно.

Я позволила себе в своем личном мнении стать на сторону не антиутопий, а утопий. Мне хочется верить, что мечта о справедливом и совершенном людском обществе все же окажется достижимой для человечества, несмотря на многочисленные предыдущие неудачи, разочарования и сомнения.

Я позволила себе согласиться со Свифтом, что моровская мечта неосуществима в человеческом обществе, пока люди остаются столь несовершенными, какими они были до сих пор. Но мне показалось, что для улучшения человеческой природы в принципе возможно применение и более радикальных средств, чем те, что использовались в прошлом. И я позволила себе не согласиться с Хаксли, что искусственное вмешательство в природу человека само по себе уже всегда представляет собой явление отрицательное.

Я согласна с уважаемым мною руководителем этой работы, что высказанное в тексте мнение об Оруэлле могло бы быть и помягче. Три причины определили такой стиль: во-первых, моя общая ориентация в поддержку утопий и против антиутопий; во-вторых, соображения композиции моей работы, согласно которым я назвала четыре части темы соответственно Утопией, Эвтопией, Атопией и Дистопией, и работа Оруэлла тогда оказалась Атопией, т.е. «невозможным местом»; и наконец, в третьих, потому что Оруэлл так резко – и на мой взгляд несправедливо – критиковал Свифта, одного из самых любимых мною писателей.

Работа Оруэлла, конечно же, метафора, но люди, тем более хорошие писатели, выбирают метафоры не случайно, а в соответствии со своими внутренними установками. Поэтому по выбранным ими метафорам можно судить об этих внутренних установках, что я и попыталась сделать в своем исследовании в отношении Оруэлла.

Я хотела бы особо обратить внимание уважаемой комиссии на то, что подробное обсуждение вопроса о возможных последствиях применения геной инженерии к человеку выходит за пределы темы

моего сочинения. Тема моей работы – развитие утопической идеи. И если реальное применение клонирования или других способов генного воздействия на человека окажется по каким-то причинам невозможным или недопустимым, то сама мысль о таком вмешательстве в природу человека все равно останется причастной к рассмотренной мною теме – останется именно как идея утопическая.

Благодарю за внимание.

Письмо Валдиса Эгле

Я еще раз просмотрел «урезанную» речь (т.е. без сообщения о контактах с профессорами в Интернете) и не вижу, как и зачем ее менять. Она построена по определенным принципам, и любое изменение будет нарушением этих принципов. Можно строить речь по совсем другим принципам, но тогда надо знать по каким именно, и вообще тогда это уже полностью сочинение другого автора.

Эта же речь построена по следующим принципам.

Сначала идет обращение к комиссии по тому образцу, по которому принято строить начало речей в ООН, ЕС и т.д. (сегодня, 23 января, Вайра Вике-Фрейберга произносит речь в Страсбуре в Парламентской Ассамблее Евросовета; посмотрим, обратится ли она к ним этими же словами, как обычно, или изберет что-то новое). Можно относиться к такой форме обращения с иронией, но в данном случае просто демонстрируется, что эта форма бакалавру известна и он (она) ею владеет.

Потом бакалавр сообщает мотивы, побудившие его взяться именно за эту тему, а не другую.

Далее обозначается историческая точка начала этой темы, отсекая Платона, останавливаясь на Море и попутно «нечаянно» демонстрируя свою эрудицию упоминанием Сократа и Аристотеля.

Вслед за этим обозначаются пределы конкретного исследования в рамках названной темы (четыре британских писателя, а не все, что можно).

Далее называется общая тенденция, установленная исследованием и наблюдаемая в мире (от утопий к антиутопиям).

Потом демонстрируется новизна и нестандартность мнения бакалавра, идущего против этой общепринятой тенденции. Перечисляется, с кем из рассмотренных авторов и чем в их сочинениях он согласен и с кем и чем не согласен.

Вслед за согласием-несогласием с рассмотренными в работе писателями разбирается согласие-несогласие с основным возражением руководителя работы.

В заключение обозначаются пределы возможного обсуждения вопроса (согласия-несогласия) с комиссией, ограничивая полемику литературной Утопической идеей, а не конкретными генными проектами и технологиями. В последних словах в завершении снова подчеркивается основная тема работы – Утопическая идея.

Параллельно с этим обсуждением «согласия-несогласия» (с писателями, руководителем и комиссией) еще раз идет (скрытое) перечисление авторов, разобранных в работе: «стала на сторону утопий» – Мор; «мечта неосуществима, пока...» – Свифт; «согласна с руководителем...» – Оруэлл; «изменение человека...» – Хаксли.

Все это делается предельно лаконично и целеустремленно.

Любое касание какого-нибудь частного вопроса («Мор – родоначальник тоталитаризма...»; «Оруэлл нарисовал воплощение Утопии...» и т.п.) сразу нарушило бы эту композицию и увело бы в дебри долгих обсуждений; кроме того, таких вопросов может быть десятки и сотни, и почему тогда касаться именно этих?

В первоначальном варианте речи всё заканчивалось сообщением о контактах с профессорами в мировых университетах. Это был бы уже полет за десяткой в оценке работы. Теперь же наиболее вероятная оценка – девять.⁹

⁹ В.Э.: Наталья Гудермане успешно защитила свою работу бакалавра и получила за нее оценку 9. Во всем выпуске факультета в том году ее работа была самой яркой и вызвала наибольший интерес у комиссии и слушателей.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-TOPIA.....	1
Наталья Гудермане	1
РАЗВИТИЕ УТОПИЧЕСКОЙ ИДЕИ	1
Предисловие автора	2
Развитие утопической идеи.....	3
Введение. Светлая мечта человечества.....	3
Глава 1. Утопия Томаса Мора.....	4
§1. Время Мора	4
§2. Житие Томаса Мора.....	5
§3. Краткая история Золотой книжки	7
§4. Славный остров Утопия	8
§5. Быт утопийцев	10
§6. Браки в Утопии.....	11
§7. Войны утопийцев	12
§8. Религии в Утопии.....	13
§9. Место, которого нет, но которое могло бы и быть	14
Глава 2. Эвтопия Джонатана Свифта	16
§10. Время Свифта	16
§11. Жизнь Джонатана Свифта.....	16
§12. Интимная жизнь Свифта	17
§13. Жизнь «Путешествий Гулливера».....	19
§14. Четыре путешествия Гулливера	19
§15. Четыре путешествия Америкго	22
§16. Ответ декана Джонатана Свифта сэру Томасу Мору	24
§17. Беспощадная критика Свифта.....	25
§18. Легкий голос защиты	27
§19. О реакционных взглядах	30
Глава 3. Атопия Джорджа Оруэлла.....	32
§20. Антиутопии	32
§21. Атопия.....	33
§22. Жизнь Джорджа Оруэлла	40
§23. Время Оруэлла	41
§24. Жизнь черной книги	42

§25. Две антиутопии	42
Глава 4. Дистопия Олдоса Хаксли	43
§26. «Осуществление утопий».....	43
§27. Жизнь Олдоса Хаксли	44
§28. Жизнь книг Олдоса Хаксли.....	45
§29. Время Олдоса Хаксли.....	45
§30. Время Дивного нового мира	48
§31. Новый дивный мир	49
§32. Прекрасный род людской.....	51
§33. Искусство и наука Дивного мира	54
§34. Религия и идеалы Дивного мира	55
§35. Битва четырех книг	58
Заключение. Развитие утопической идеи	61
Список литературы	62
Речь.....	65
Тезисы работы.....	67
Вопросы оппонента	68
Речь (второй вариант).....	69
Письмо Валдиса Эгле	70
Оглавление	71